

А.В. Тарасова

Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия:

природа глазами
ученого монаха
Северной Франции X в.

А.В. Тарасова Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия

Russian state university for the humanities

Aleksandra Tarasova

Unknown sea,
devilish kite
and celestial spearheads:
nature through the eyes
of the learned monk
of Northern France of the X-th century

Center for humanitarian initiatives
Moscow–Saint-Petersburg
2017

А.В. Тарасова

Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия:

природа глазами
ученого монаха
Северной Франции X в.

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

T19

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН.

[series minor]

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

к.и.н., доцент РГГУ В.В. Зверева

к.и.н., доцент РГГУ А.М. Перлов

Тарасова А.В.

- T19 Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия: природа глазами ученого монаха Севернорной Франции X в. / А.В. Тарасова. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 232 с. (MEDIAEVALIA [series minor])
ISBN 978-5-98712-772-8

Книга представляет собой опыт исследования одного из аспектов мировоззрения средневекового европейца рубежа первого и второго тысячелетий — восприятия природы и осмысления собственных взаимоотношений с «естественной средой». Рассматриваются варианты понимания слова «природа» и его синонимов, реконструируются представления людей прошлого о составных частях, на которые распадается окружающий мир, и модель “orbis terrarum”, складывающаяся из этих элементов. Пристальное внимание уделено анализу эмоционального и эстетического отношения человека Средневековья к природе, выявлению особенностей литературного языка латинской словесности X—начала XI в. Важное место в исследовании занимают те, чьи воззрения изучаются в первую очередь — ученые монахи. Среди них выделяются Герберт Орильякский, Рихер Реймский, Дудон Сен-Кантенский и многие другие писатели-клирики «Возрождения X в.».

Книга адресована медиевистам – историкам, филологам, культурологам, а также всем интересующимся латинским Средневековьем.

© Тарасова А.В., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2017

Оглавление

Введение	7
Глава I. Ученые монахи северо-западной Франции X— начала XI в. и их сочинения.....	17
Глава II. “Natura” и ее свойства	81
Глава III. Небо и земля: окружающий мир и его составные части.....	99
Глава IV. Взаимоотношения человека и природы.....	165
Заключение	207
Библиография	215
Summary	225

Введение

В 954 г. королевство западных франков (которое применительно к этому времени можно называть Францией лишь с большими оговорками) лишилось довольно молодого еще короля. Направляясь в Реймс, Людовик IV не смог совладать с охотничьим азартом, заметив бегущего близ дороги волка, погнался за ним и настиг было, но в этот миг его конь запнулся о кочку и упал, подмяв собой всадника. Прискорбный, но объяснимый несчастный случай на охоте? Наиболее ранний рассказ об этом событии, который мы находим у реймского каноника Флодоарда, звучит несколько двусмысленно: не просто волк явился перед глазами короля — “*apparuit ei quasi lupus praecedens*”¹, т.е. «как будто волк», «псевдо-волк». Никто из сопровождавших Людовика не успел понять, за кем устремился их король. Был ли это волк? Или же зверь ему лишь померещился? Или Флодоард пытается сказать, что это было некое призрачное существо, видение, призванное погубить государя?

Начиналось же правление Людовика IV достаточно радужно. Правда, отец его, Карл Простоватый, бесславно скончался в позорном плену, а мать бежала с маленьким сыном к себе на родину, и виды принца на престол сперва были весьма туманными. Но в начале 936 г. умер, не оставив наследника, король Рауль (или Радульф), коронованный после

низложения Карла, и франкская знать с подачи герцога Гуго Великого приняла решение призвать юного Людовика из «заморской страны», вернув, таким образом, корону роду Каролингов. Ко двору короля Этельстана (или Адельстана), дяди Людовика, предоставившего убежище сестре и племяннику после пленения и отстранения от власти Карла, являются красноречивые послы, которые должны убедить юного принца последовать за ними. И речь свою они начинают со слов: «По благосклонности герцога и всех знатнейших мужей Галлии прибыли мы сюда по волнам неведомого моря...». Как же далеко находилась эта «заморская страна», куда бежала с маленьким сыном королева Этгива (или Эадгифу), какое море подразумевается? Речь идет всего лишь об Англии, всего лишь о Па-де-Кале. Более того, в той же главе своего повествования автор, рассказывающий нам о призвании Людовика IV, представляет этот пролив как преграду, вполне преодолимую даже для человеческого глаза. «Итак, герцог с галльскими сеньорами приехали в Булонь, чтобы встретить короля, и, собравшись на песчаном морском побережье, запалили хижины и указали на свое присутствие тем, кто был на другом берегу. Туда же приехал король Адельстан с королевской конницей, чтобы проводить племянника к ожидающим галлам. По его приказу подожгли какой-то дом и так показали, что они прибыли и находятся напротив»².

Еще более узкую водную преграду довелось преодолеть некоему отшельнику Феликсу, персонажу «Чудес св. Бенедикта» — остров, на котором он обитал, якобы отделяло от Арморики всего шестьдесят футов (чуть больше 18 километров) воды. Переправа, тем не

менее, оказалась очень рискованной — лодка, на которой плыли Феликс и его спутники, перевернулась, и лишь по счастливой случайности никто не утонул. А чуть позже Феликсу стало известно, что истинная картина его дорожного приключения была явлена во сне некоему безымянному монаху, рассказ которого ему передали: когда он «взошел на корабль, появился дьявол в облике коршуна, тело которого, казалось, можно было сравнить с высокой горой, и всех, кто находился на судне вместе с ним, как я увидел, погрузил в пучину. Итак, когда они таким образом пошли ко дну, внезапно явился некий муж, облаченный в монашескую одежду, подобно аббату сжимающий в руке изогнутый сверху посох; и он, прохаживаясь по волнам, этой палкой корабль вместе с людьми, не претерпевшими никакого зла, и всем добром вытащил из пучины на берег. Приказав спасенным хранить это в тайне, он погнался за коршуном, уже изготовившимся к бегству, поразил его палкой и низверг на дно»³.

Что объединяет эти и подобные им эпизоды? То, что в них, так или иначе, описываются взаимоотношения человека и его природного окружения, в них трудноуловимым образом отражается специфика восприятия естественного мира и отдельных его составляющих людьми рубежа первого и второго тысячелетий, к которому относятся все процитированные источники. Но о каких именно «людях» можно говорить, опираясь на цитаты из произведений X в.? И что именно тексты этого времени способны рассказать о природе и человеке?

Средневековье (дурная репутация которого в современной науке как будто преодолена окончательно

и бесповоротно) — эпоха формирования будущей Европы, ее политического устройства и культуры. Естественнонаучные теории этого времени представляют собой сплав идей, почерпнутых у авторитетов Античности или навеянных Священным Писанием с представлениями, родившимися под влиянием личного опыта, новых знаний о мире. Люди видели в природе полную затейливых символов книгу, умея читать которую, можно было постичь величие божественного замысла, узнать о грядущем, распознать волю Провидения. Одновременно человек все более активно осваивал окружающий мир: все шире использовал силу воды и ветра для своих нужд, выводил новые породы животных, знакомился с неведомыми ранее сельскохозяйственными культурами, вырубал леса, осушал болота и прокладывал дороги, изменяя тем самым внешний облик мест своего обитания. В Средние века (особенно в поздний период) был достигнут большой прогресс в области сельского хозяйства, горного дела, мореплавания, строительства, сделаны важные шаги в астрономии и медицине. Одновременно люди учились изображать природу, пользуясь как кистью, так и словом.

Но все это относится, скорее, ко второму тысячелетию. На исходе же первого тысячелетия новой эры все процессы находились только в стадии зарождения. Рубеж двух эпох, пусть и очень условный, всегда вызывает повышенный интерес. В данном случае он усиливается благодаря тому, что тысячный год знаменовал собой не только завершение тысячелетия, но, как иные думали, и приближение конца земной истории человечества⁴. Насколько распространенным и четким было это представление, и наложило

ли оно отпечаток на восприятие природы? Что люди той эпохи замечали в окружающем мире, а что обходили своим вниманием? Как они мыслили отношения с природой? Способны ли были они на эстетическое восприятие мира, и в чем оно выразилось? Наконец, какой смысл люди вкладывали в само слово «природа»?

Узнать, как ответили бы на эти вопросы в X в. «люди вообще», заманчиво, но вряд ли возможно — население Западной Европы было слишком неоднородным, представители различных общественных и этнических групп отличались друг от друга образом жизни, традициями, языком, уровнем образования, религиозными убеждениями. Кроме того, мировоззрение людей той эпохи отражено в доступных нам источниках далеко не в равной мере: на деле, мы можем судить о взглядах на мир лишь отдельных представителей некоторых слоев общества.

Следует признать, что для изучения подобного сюжета достаточно сложно подобрать источники. В анналах и хрониках о природных явлениях говорится не слишком часто, причем отмечаются, главным образом, необычные случаи или бедствия. Источники документальные и законодательные знакомят нас с эксплуатацией земель, с ходом расчистки лесов и развитием скотоводства, с рыбной ловлей, но мало что дают для изучения отношения к природе вообще. Средневековые сочинения, посвященные непосредственно окружающему миру и природе, довольно своеобразны и не позволяют осветить интересующую нас проблему со всех сторон. Это в первую очередь труды энциклопедического характера, восходящие к «Естественной истории» Плиния Старшего

или к более поздним трудам, прежде всего, к «Этимологиям» Исидора Севильского. В данных сочинениях мир и природа предстают, скорее, такими, какими их видели античные авторы, хотя очевидно влияние и библейской традиции, и народных представлений. В богословских трактатах эта тематика также освещается достаточно подробно, но несколько односторонне⁵. С другой стороны, в нашем распоряжении находятся собрания сведений по строго определенной тематике, наиболее ярким примером которых являются бестиарии, рассказывающие о различных живых тварях, фантастических и хорошо знакомых, об их повадках, о символическом значении образа того или иного животного. Подобного рода сочинения могли быть посвящены также растениям (флорарии) или камням (лапидарии). Ценным источником служит светская, развлекательная литература, хотя это уже относится к более поздней эпохе. Нельзя не упомянуть и о текстах «практического» характера — сборниках советов по уходу за растениями и животными, трактатах об охоте, наконец, о кулинарных рецептах. Сохранился также определенный изобразительный материал — миниатюры, рисунки на гербах, скульптурные изображения.

Таким образом, потенциальный круг источников оказывается весьма обширным, но при этом исключительно разнородным; сведения придется добывать буквально по крупицам, причем рискуя прийти в итоге к обобщениям слишком широким. Картина, полученная в результате анализа текстов и изображений, относящихся к разным регионам и столетиям, может выглядеть достаточно полной, но будет сочетать в себе мнения и суждения самых разных людей,

не относясь напрямую ни к кому из них. Во многих источниках, использованных для ее составления, обнаружатся сведения, не вполне с ней согласующиеся, а то и вступающие в противоречие. Наконец, излишнее обобщение данных приводит к утрате важных деталей и нюансов, в которых и проявляется своеобразие отношения того или иного автора к изучаемой проблеме.

Все это требует сужения темы до рассмотрения взглядов на мир и природу в одном европейском государстве и в рамках одной, более или менее однородной, социальной группы. В основе нашего исследования лежит комплекс источников, относящихся к X—началу XI в. и происходящих, по преимуществу, из Северной Франции. Королевство западных франков, сформировавшееся после распада Каролингской империи, традиционно оценивается историками как классическое государственное образование эпохи феодализма, своего рода эталон средневекового государства. Уже это обстоятельство заставляет нас с особым вниманием отнестись и к культуре данного региона.

Даже при беглом знакомстве с Северной Францией X в. наше внимание привлекает внушительный список имен авторитетных ученых, педагогов и писателей. Эти люди — в основном, представители духовенства, — оставили после себя довольно обширное наследие, причем их сочинения представляют собой немалую ценность и как исторические источники (в некоторых случаях — уникальные), и как литературные произведения. Наиболее заметной фигурой среди них, безусловно, является Герберт Орильякский, знаменитый педагог, математик, дипломат и поли-

тический деятель, человек, получивший воистину европейскую известность благодаря своим разнообразным талантам и достигший вершины церковной карьеры — в 999 г. он взошел на папский престол под именем Сильвестра II. Однако в своей увлеченности «свободными искусствами», в живом интересе к античной словесности, о которых так ярко свидетельствует эпистолярное наследие Герберта, он не был одинок. Среди его ученых современников, — Аббон Флерийский, также известный в то время педагог, автор научных трактатов, «Жития св. Эадмунда» и обширной переписки; агиограф Адсон, аббат Монтьеранде, который знаменит, прежде всего, «Книжечкой об Антихристе»; процитированный чуть выше Рихер Реймский, Аймоин Флерийский и Дудон Сен-Кантенский — несхожие между собой авторы, работавшие в жанре «национальной» истории.

Таким образом, в нашем распоряжении обширный круг источников, вполне отвечающих поставленным выше условиям: они относятся к одному региону и периоду, а их авторы принадлежат к одной общественной группе — духовенству, хотя и занимают в ней неодинаковое положение. Изучение этих текстов дает нам возможность реконструировать представления их авторов об окружающем мире и природе, а также изучить приемы, которыми они пользовались для отображения этих представлений в литературном тексте. Разумеется, взгляд ученого монаха имеет свою специфику и отличается от взгляда его непросвещенного современника-мирянина. Это человек, который провел много лет (а может быть и всю сознательную жизнь) в стенах монастыря, его контакты с окружающим миром были достаточно редкими и

однообразными, и уже в силу данного обстоятельства его восприятие природы в значительной мере формировалось не на основе личного или коллективного опыта, а на книжной премудрости. Чтение Священного Писания и трудов отцов церкви было для него повседневным занятием, он находился под огромным влиянием христианской традиции. При этом сама система образования была в большой степени основана на античном наследии, сочинениях классиков древности, что не могло не повлиять как на их литературный стиль, так и на мировоззрение.

Наши авторы были родом из различных краев, входивших в свое время в состав империи Каролингов. Но, по большей части, их жизнь и деятельность протекали на французской земле, а те из них, кто избрал исторический жанр, обратились к истории народа франков. Поэтому у нас есть основания говорить о своего рода национальной истории и национальной литературе (хотя все они писали на латыни); и даже, в известной степени, и о национальной французской традиции. Наконец, изучение трудов ученых монахов позволит нам получить представление и об аудитории, для которой они предназначались, об уровне ее образования, взглядах и литературных пристрастиях.

Примечания

¹ *Flodoardus canonicus remensis. Annales, 954 // Patrologiae cursus completus... series latina / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1853. T. 135.* (Далее в книге будут указаны аббревиатура издания (PL.), том (T.) и колонки (Col.).

- ² Richeri historiarum libri III, II, 3. Цит. по изд.: *Рихер Реймский. История* / Пер. с лат. А.В. Тарасовой. М., 1997.
- ³ De miraculis S. Benedicti libri duo. II. XII. 28—29 // PL. Т. 139. Муж в монашеской одежде — это, разумеется, сам св. Бенедикт Нурсийский.
- ⁴ Ф Лот полагает, что впервые концепция «великого страха тысячного года» появляется в XVI столетии у Цезаря Барония, см.: Lot F. Le mythe des terreurs de l'an mille // *Recueil des travaux historiques de F. Lot*. Genève, 1968. Т. 1. P. 408.
- ⁵ В основном это комментарии на Священное Писание. См., например: *Recchia V. Legsegesi di Gregorio Magno al Cantico dei Cantici*. Torino, 1967.

Глава I
Ученые монахи
северо-западной Франции
X— начала XI в.
и их сочинения

В эпоху Возрождения X столетие описывалось как период, мрачный даже в контексте общей негативной оценки Средневековья, господствующей в то время. Так, кардинал Цезарь Бароний (1538—1607) полагал, что X в. в европейской истории следует назвать «железным», поскольку он не отмечен никакими выдающимися достижениями, «свинцовым — за изобилие пороков» и «темным», т.к. в это время не было людей, способных описать свою эпоху¹. Воззрения Барония сформировались под впечатлением от бедственного положения, в котором в X в. оказалось папство, однако протестант Матвей Флаций (Матвей Франкович, 1520—1575), автор «Магдебургских центурий», воспринимал X в. примерно так же². Подобная оценка места X в. в истории культуры чаще всего обосновывалась тем, что своего рода кризис в политической сфере — окончательный распад империи Каролингов, начало периода феодальной раздробленности — неизбежно должен был сопровождаться и культурным упадком. Необходимо также учитывать, это столетие довольно долго оставалось «безмолвным» в силу того, что ряд важных источников эпохи находился вне поля зрения историков. К примеру, «Анналы» Флодоарда — важнейший источник сведений по политической и церковной истории Франкского государства первой половины столетия, — в свое время ошибочно относили к концу IX в.³ Рукопись «Четырех книг историй» Рихера Реймского, сочинения, которое проливает свет на историю Северной Франции второй половины столетия, была обнаружена и введена в научный оборот только в 1833 г.⁴ Использование переписки Герберта

Орильякского было затруднено, поскольку ученые не могли придти к соглашению относительно хронологического порядка эпистол⁵. Ж. Везэн также отмечает, что под влиянием расхожих представлений о «темном» X в. многие рукописи, созданные в этот период, были датированы IX или XI столетиями, что существенно исказило картину⁶. Наконец, по словам, Дж. Контрени, «X столетие воспринималось как время значительных перемен к худшему, которые затронули культурную и интеллектуальную жизнь. Да и как могло быть иначе? Зажатое между достижениями Каролингского возрождения и <...> блеском возрождения двенадцатого века, X столетие производит жалкое впечатление»⁷.

В 1951 г. американский ученый Р. Лопез опубликовал статью, в которой была выдвинута идея особого «Возрождения X в.» в политической, экономической и культурной жизни Франции. В самом деле, «если понимать слово “возрождение” в его исконном смысле как оживление, новое рождение или появление новой системы взглядов, то никакой другой период в европейской истории не заслуживает названия “Возрождение” более, чем X век»⁸. В пользу определения X в. как «Возрождения», по мнению автора, говорит и заметный рост народонаселения Франции, наблюдавшийся в то время, и ощутимый прогресс в агротехнике, и бурное развитие торговли, в том числе международной. В области науки и культуры автор указывает на более широкое, по сравнению с предыдущим столетием, распространение образования, его менее элитарный характер. И если в X в. мы не обнаруживаем фигуры такого масштаба, как Иоанн Скотт Эриугена, то ученые

мужи X в. оказываются гораздо более вовлеченными в общественную жизнь, пользуются бóльшим влиянием и окружены множеством учеников, которые помогают распространению их идей и укреплению их авторитета. Предположение Р. Лопеза насчет политического и экономического «возрождения» X в. может показаться довольно спорным, но обоснование культурной значимости этого периода выглядит вполне убедительным, особенно в том, что касается сферы образования. Статья Р. Лопеза не осталась незамеченной, у нее нашлись как критики⁹, так и сторонники. К их числу принадлежит авторитетный французский историк П. Рише, который также полагает, что «развал центральной власти не означает неизбежной анархии; создание княжеств позволило сгруппировать силы в более узких рамках. После кризиса и вторжений это способствовало, по мнению некоторых, становлению настоящего «ренессанса»»¹⁰. П. Рише обращает внимание на то, что вторжения и беспокойная внутренняя обстановка заставляла ученых монахов покидать свои кельи и искать более надежного убежища в других местах; с собой они увозили и манускрипты, способствуя тем самым обогащению библиотек тех обитателей, где они находили пристанище. С другой стороны, в X в. получает дальнейшее распространение обычай, согласно которому люди, стремящиеся приобрести наилучшее образование, ездили из одной школы в другую, учась и одновременно давая уроки. «Это постоянное движение помогало распространению монастырской культуры и формированию плотной сети культурных связей»¹¹. Следует также заметить, что, в отличие от Р. Лопеза, П. Рише предпочитает

говорить не о «Возрождении X в.» вообще, а об «интеллектуальном возрождении».

Естественно, это понятие употребляется с достаточной степенью условности: называя какой-либо период «возрождением», мы тем самым подразумеваем, что ему предшествовал период упадка; так, высокая оценка «Ренессанса XII в.» была одной из причин прохладного отношения к культуре X столетия. Однако приверженцы идеи «интеллектуального возрождения X в.» отнюдь не принижают значения периода рубежа IX и X вв. в истории культуры. Р. Лопез, П. Рише и их сторонники имеют в виду, скорее, оживление культурной жизни, которое произошло во второй половине или даже последней четверти X столетия благодаря деятельности нескольких одаренных и влиятельных людей; при этом они не отрицают негативного воздействия, которое оказали на культурную жизнь Франции набеги венгров и норманнов в начале столетия, а также внутренние неурядицы, но предлагают не преувеличивать его масштабы¹². Они никак не пытаются создать впечатление того, что, по ироническому замечанию М. Гибсон, «в схоластической истории зияет провал, после которого какой-то Герберт Реймский или некто Аббон Флерийский сдули пыль с книг своих каролингских предшественников и продолжили их труды...»¹³. Сторонники этого направления, скорее, отстаивают мысль о преемственности в средневековой культуре, ее непрерывном развитии, в истории которого X в. занимает достойное место.

Отношение к литературному наследию эпохи, некогда считавшейся периодом «культурного безмолвия», также изменилось. Например, по мнению

специалиста по средневековой латинской литературе Ж.-И. Тильетта, «проза Дудона Сен-Кантенского, поэзия Флодоарда изобилуют редкими словами, сложными конструкциями и изысканными образами. Являясь плодом, скорее, эстетизма, этот феномен имеет несколько объяснений. Психологическое: с языком, воспринятым в школе, всегда обращаются менее свободно, чем с родным языком; преодоление скованности неизбежно приводит к чрезмерной утонченности и правильности <...> Историческое: не иссякла волна интеллектуальной иммиграции с Британских островов <...> Социальное: труды распространялись в рамках ограниченного круга посвященных, немногочисленного духовенства, способного читать и писать на латыни; отсюда естественная склонность к эзотеризму в этимологическом смысле этого термина. Эстетическое: «барочные» вкусы эпохи, любовь к излишней орнаментальности»¹⁴. Рассуждая о поэтическом наследии X в., Ж.-И. Тильетт приходит к выводу, что стихотворные произведения этого периода, хотя и не столь многочисленные, ни в коей мере не уступают качеством поэзии предшествующей и последующей эпох¹⁵.

* * *

Источники, на которые мы опирались в ходе настоящей работы, можно поделить на три группы. К первой из них относятся сочинения ученых монахов второй половины X в. из северо-западной Франции. В исследовании мы используем не самый многообещающий и не слишком хорошо изученный с этой точки зрения круг источников, а именно памятники хронографические, агиографические и эпистолографические. При

всей сложности работы с ними в пользу подобного выбора говорит возможность реконструировать реальные представления авторов об окружающем мире во всем их многообразии. Ведь в источниках других видов причудливое и символическое, как правило, преобладает над повседневным, а книжная премудрость — над собственными взглядами автора или составителя. Специальная литература, энциклопедии и учебники любой эпохи дают, скорее, представление о том, какие сведения вообще были доступны в то время, а не о том, насколько глубоко их восприняли. Автор исторического сочинения не писал о природе специально, поэтому на основе его труда мы можем составить, по-видимому, более объективную картину представлений о мире в его время. Но при этом приходится использовать довольно широкий круг авторов, и, поневоле, сводить воедино их мнения, отчасти теряя своеобразие каждого из них.

Подбирая источники, мы руководствовались следующими принципами: основу нашей источниковой базы должны были составить труды людей, получивших примерно одинаковое образование и имевших схожие литературные пристрастия. Это позволило бы составить картину, общий характер которой будет оправданным, и не потерять при этом оригинальных черт, присущих каждому из авторов.

Развитие системы образования составляет один из характерных признаков эпохи, а слава о лучших педагогах быстро разносится по всей Европе. В это время возникают новые центры обучения¹⁶ и два типа школ — монастырские и городские, находившиеся обычно в ведении епископов. Достаточную известность получили школы в Сансе, Шартре¹⁷, в

монастыре Миси на Луаре, но особенный авторитет приобрели школы в Реймсе и Флери. С ними связано много известных имен, поэтому мы подробнее остановимся и на самих школах, и на наиболее знаменитых учителях, преподававших там.

Школа в Реймсе и Герберт Орильякский

Реймсская школа относилась к числу городских, и ей покровительствовали архиепископы. В конце IX в. архиепископ Фулькон реорганизовал ее и попытался усовершенствовать¹⁸. Позднее, по мнению некоторых исследователей, школа пришла в упадок¹⁹, но в 70-х гг. X в. архиепископ Адальберон решил возродить ее²⁰. Из учителей, преподававших в школе при Адальбероне, нам известны логик Геранн, а также, разумеется, Герберт, которого, без сомнения, можно назвать одной из наиболее ярких фигур во Франции X в. Герберт, человек скромного происхождения родом из Аквитании, вступил в монастырь св. Геральда в Орильяке (Орийаке) и так отличился в изучении «свободных искусств», что настоятель организовал для него своеобразную «стажировку» в Испании. Эта поездка позволила Герберту продолжить образование²¹; одним из его наставников стал Хаттон, епископ Вика, который взял молодого человека с собой во время поездки в Рим в 971 г. В Риме ученость Герберта произвела большое впечатление на папу Иоанна XIII, который представил его императору Оттону I. Некоторое время Герберт оставался при дворе императора, занимаясь преподаванием, но когда в Рим, с поручением от короля Лотаря, приехал Геранн, Герберт пошел к нему в ученики²² и уехал вместе с ним

во Францию. В Реймсе же, по рекомендации Геранна, «архиепископ поручил ему наставлять в свободных искусствах толпу учеников». Но Герберт, по-видимому, был слишком честолюбивым, чтобы удовольствоваться положением учителя. Вскоре он занял место секретаря при архиепископе Адальбероне²³, поддерживая связь и с императором (благодаря милости которого Герберт в течение некоторого времени был аббатом знаменитого монастыря в Боббио в Северной Италии); он занимался дипломатической деятельностью, вел переписку со многими влиятельными лицами, как от собственного имени, так и от лица архиепископа. Со временем положение Герберта стало настолько прочным, что в 991 г., после смерти Адальберона и предательства Арнульфа, его преемника, король Гуго Капет при выборе нового архиепископа Реймского отдал предпочтение его кандидатуре²⁴. Правда, низложенный Арнульф делал упорные попытки восстановиться на кафедре, пользуясь поддержкой многочисленных и влиятельных сторонников. Герберт предпочел уехать из Франции, не дожидаясь окончательного решения по этому делу, и перешел под покровительство молодого Оттона III, который питал к нему большое уважение. В августе 998 г. Оттон способствовал тому, что Герберт возглавил архиепископство Равеннское, а в 999 г. он стал папой Римским под именем Сильвестра II (999—1003), сделав, таким образом, просто невероятную карьеру. Его возвышение оказалось возможным не в последнюю очередь благодаря превосходному образованию и славе знатока наук. Рихер рассказывает о том, как еще во времена, когда Герберт учительствовал в Реймсе, некий Отрик, ученый муж из Саксонии, из зависти пытался очернить его в глазах императора Оттона II, обвинив

в некомпетентности. Императора это настолько заинтересовало, что он устроил диспут между Гербертом и Отриком. Диспут продолжался в присутствии всего двора целый день, и победителем в нем император признал Герберта, наградив дорогими подарками²⁵.

В нашем распоряжении довольно много источников, рассказывающих о жизни и деятельности Герберта, о его научных занятиях и преподавании в школе. В первую очередь — это 220 писем самого Герберта. В течение долгого времени предметом спора ученых был вопрос о соответствии расположения эпистол в рукописях их хронологическому порядку, поскольку письма не датированы, а их содержание порой весьма туманно и не всегда позволяет точно сказать, о каких именно событиях и людях идет речь. Эту проблему удалось разрешить Н.М. Бубнову²⁶: в результате кропотливого изучения многочисленных манускриптов, он не только убедительно сформулировал теорию о существовании «черновой тетради» (куда Герберт заносил предварительные варианты своих писем — начиная с 983 г.), к которой восходят рукописи сборника, но и составил подробнейшую биографию Герберта, прояснив тем самым многие темные моменты в эпистолах. Среди писем Герберта есть адресованные как королевским особам (императоры Оттон II и Оттон III, императрицы Аделаида и Феофано), так и его друзьям (Адсон, аббат Монтьеранде) или ученикам (Константин из Миси). Последние могут многое рассказать не только о литературных и научных интересах Герберта, но и о его взаимоотношениях с современниками. По общему мнению, послания Герберта написаны на превосходной латыни: считается, что его стиль сложился под влиянием Цицерона и других классиков. Очень

ценным источником, когда речь идет о Герберте, являются «Четыре книги историй» Рихера Реймсского. Рихера часто называют учеником Герберта, хотя прямых доказательств этому нет, как, впрочем, отсутствуют и доводы в пользу обратного. Рихер испытывал к Герберту большое уважение и, очевидно, достаточно хорошо знал его²⁷. В его сочинении весьма подробно рассказано о молодых годах будущего понтифика, о том, как он преподавал в Реймсе, о диспуте с Отриком, о борьбе с Арнульфом. Ни к какой другой персоне Рихер не питает такого интереса, как к Герберту, хотя автора занимают, прежде всего, его подвиги на научном поприще, а политическую сторону деятельности папы Римского он практически обходит вниманием.

О Герберте рассказывают и более поздние авторы, в частности, Адемар Шабаннский и Рауль Глабер, но их известия гораздо менее подробны и определены. «Гирберт (Girbertus), аквитанец по рождению, монах из монастыря св. Герарда в Орильяке, ради изучения премудрости поехал сперва во Францию, а потом и в Кордову; император узнал о нем и даровал ему равеннское архиепископство <...> Затем император из-за своего почтения к философии возвысил Гирберта до престола римского папы, и тот сменил прежнее имя, и назван был Сильвестром», — пишет о Герберте Адемар²⁸. А Рауль Глабер сообщает только следующее: «Пригласив Герберта, архиепископа Равенны, император поставил его римским первосвященником. Этот Герберт родился в Галлии и был низкого происхождения, но очень острого ума и прекрасно осведомленным в свободных искусствах»²⁹. Следует обратить внимание, что при всей скудости сведений о Герберте у обоих авторов, им хорошо известна уче-

ность Герберта — его авторитет действительно был, прежде всего, авторитетом ученого.

Как уже говорилось, Герберт поддерживал обширную переписку, одной из целей которой был обмен научными сведениями и рукописями. «Пусть будет исправлен Плиний, добудьте вновь Евграфия, с которых изготовляли списки в монастыре Орбе», — просит Герберт аббата Айрарда³⁰. У Люпита из Барселоны он просит сделанный тем перевод (возможно, с арабского) «книги об астрологии», у монаха Ремигия — «Ахиллеиду» Стация, у римского диакона Стефана — какие-то труды Светония и Симмаха, а у Адсона из Монтъеранде — «Историю» Юлия Цезаря³¹. Элен Гаск приводит предполагаемый список книг из личной библиотеки Герберта, составленный по его письмам и сочинению Рихера. Он включает в себя труды Доната, Присциана, Марциана Капеллы, Виргилия, Стация, Теренция, Ювенала, Горация, Персия, Цезаря, Саллюстия, Светония, Мария Викторина, Порфирия, Аристотеля (в латинском переводе, греческого языка Герберт не знал), Квинтилиана, Цицерона, Сенеки, Корнелия Цельса, Плиния Старшего, Иосифа Испанского (трактат об умножении и делении чисел), Боэция, Демосфена (также в переводе), Квинта Аврелия³². Уже из этого перечня произведений, упоминаемых или цитируемых Гербертом, становится очевидным его интерес к античной литературе, наложивший отпечаток и на стиль, и на взгляды. При этом он воспитывался в монастыре, а в Испании учился у людей, испытавших влияние арабской культуры. «Его образование сделало его наследником трех очень различных и даже враждебных друг другу источников вдохновения: христианского рвения клю-

нийцев во введении монастырской реформы и доброго образа жизни, языческих классиков и испанской науки, имеющей мусульманский оттенок»³³.

Преподавание Герберта в Реймсе, как о нем рассказывает Рихер, отличалось сочетанием теоретических и практических занятий, а также большой ролью наглядных пособий. Так, рассказав ученикам о риторике по книгам Боэция и ознакомив их с классиками античной литературы (дабы они «усвоили от них основы красноречия»), он «препоручил их софисту, чтобы они упражнялись с ним в контroversиях и усвоили это искусство настолько, чтобы казалось, что они говорят безыскусно, что является величайшим даром для оратора»³⁴. Изучение астрономии сопровождалось ночными уроками под открытым небом, музыки — игрой на монохорде, а занятия геометрией проходили с помощью специально изготовленной счетной доски — абака³⁵. Особый интерес вызывают наглядные пособия по астрономии, которые Герберт сделал собственноручно: земная сфера, полушарие, на котором были отмечены полюса и горизонталы, сквозная сфера «из кругов» изображающая небо с созвездиями, а также астролыбия³⁶. Из приведенных Рихером описаний, очень подробных, хотя и несколько запутанных, следует, что центром мироздания Герберт считал землю, а не солнце. Поэтому Х. Лэттин полагает, что хотя приборы Герберта живо занимали его учеников, «которым требовалось нечто большее, чем просто слова, чтобы понять, чему их учат», однако «выбор Герберта задержал развитие гелиоцентрической теории, но породил при этом большой интерес к научному изучению астрономии»³⁷. О том, как создавалась сфера, говорится и в письме Герберта к монаху Ремигию, для

которого он подрядился изготовить сферу в обмен на рукопись. «Мы уже начали тяжелейший труд изготовления сферы, которая уже обточена на токарном станке и красиво обтянута конской кожей, — пишет Герберт, — Если ты испытываешь в ней неотложную надобность, то можешь ожидать ее, просто окрашенную в один цвет, к календам марта. Но если ты хочешь сферу с горизонтом, красиво размеченную разными цветами, ты растягиваешь работу на год»³⁸.

Помимо предметов, которые он преподавал в Реймсе (дисциплины, входящие в тривиум и квадриум), Герберт обладал и некоторыми познаниями в медицине. Он рассказывает о своих недугах и дает советы, просит прислать ему книгу «о болезнях и лечении глаз»³⁹, а Л. Маккинни обнаружил в одном из его писем скрытую цитату из Корнелия Цельса, хотя, как заключает исследователь, Герберт «знал классические трактаты по медицине, но гораздо чаще рассматривал их как литературу, чем как медицинские руководства»⁴⁰.

Таким образом, Герберт, среди учеников которого были Константин из Миси, Роберт, сын Гуго Капета, Фульберт, епископ Шартра, а также упомянутые ранее Адальберон-Асцелин Ланский и Арнульф Реймский, оказал большое влияние на развитие образования и на распространение «свободных искусств». Из их числа нам следует обратить внимание на астрономию, которую он преподавал именно как научную дисциплину, делая ее при этом понятной и интересной. Герберт, человек незаурядный и, вероятно, обаятельный (причем, похоже, отнюдь не склонный недооценивать себя) поощрял своих подопечных изучать «свободные искусства» не ради практического их применения, но из-за любви к этим искусствам как таковым. Порой

его благоговение перед античным наследием даже казалось его современникам чрезмерно пылким⁴¹. Впрочем, американский историк О. Дарлингтон, восторженно отзываясь о Герберте-учителе, полагает, что в его трактовке «свободные искусства» становились для учеников Реймской школы более понятными и близкими, а значит, — полезными. Под его руководством они приобретали навыки, которые впоследствии можно было использовать. «Герберт был гуманистом за столетия до Ренессанса и своим воодушевлением вдохновил многих учеников», — пишет О. Дарлингтон. «Его любовь к книгам, к школе и к своим ученикам, его редкая способность сделать учение привлекательным для других и его успех в превращении «свободных искусств» в хорошее подспорье в практической жизни делают Герберта одним из величайших учителей на все времена»⁴².

Школа во Флери и Аббон Флерийский

Другой знаменитый в то время центр образования находился в монастыре св. Бенедикта во Флери на Луаре⁴³. Несмотря на то, что этот район подвергался нападениям норманнов, монастырь уцелел и даже приумножил свою значимость и богатства. «Бретонцы, которые пострадали в начале века от норманнских вторжений, рассматривали Флери как убежище», а среди них было немало знатных и влиятельных людей⁴⁴. Но монастырская школа своей славой во многом была обязана Аббону Флерийскому, аббату монастыря и не менее, чем Герберт, известному в свое время ученому, также оставившему после себя об-

ширную переписку⁴⁵. Подобно Герберту, Аббон имел преданного друга и ученика — монаха Аймоина, который сохранил для нас сведения о раннем периоде жизни наставника, о его образовании, деятельности и обстоятельствах смерти. Аббон родился близ Орлеана около 945 г.; Аймоин приводит имена его отца (Лэт) и матери (Эрменгарда), а также сообщает, что они были людьми незнатными, но свободнорожденными и весьма достойными⁴⁶. Еще мальчиком Аббон учился в той самой школе во Флери, которую он впоследствии прославил, и отличался необычайным усердием и талантами. Оставшись в монастыре, Аббон продолжил образование, а затем стал сам учить других. «Поскольку он уже достиг таких высот науки, — пишет Аймоин, — что мог раздавать дары от своих талантов, он стал обучать школяров, и в течение нескольких лет с таким рвением наставлял их в чтении и пении, что стало ясно, как он рад возможности прирастить вверенное ему богатство. Так как он до сих пор стремился проникнуть во все тайны премудрости, он ездил по школам разных краев, чтобы (поскольку он уже выведал все о грамматике, арифметике и диалектике) приумножить свои дарования другими искусствами. Вот почему он отправился в Париж и в Реймс к тем, кто был признанным авторитетом в философии, а также в астрономии, но преуспел в них не так, как того жаждал. Оттуда он вернулся в Орлеан и научился у некоего клирика сладостному музыкальному искусству, хотя и тайно (из-за завистников), и за немалые деньги. Итак, теперь он превосходно знал пять искусств из числа тех, что называют «свободными», и превзошел всех своих сверстников премудростью. Оставались риторика и

геометрия, в которых он был осведомлен не так хорошо, как ему хотелось, хотя нельзя сказать, чтобы он вовсе не вкусил их. Ведь и о богатстве красноречия он прочитал книгу Викторина <...>, и о сложении геометрических чисел знал совсем немало. Как только он прирастил всеми этими искусствами живые дарования своего ума, ему стало легко распоряжаться ими»⁴⁷. Из этого отрывка следует, что Аббон так же, как и Герберт, разъезжал по разным школам в поисках наилучших учителей и сочетал свое обучение с преподаванием. В это же время Аббон написал нескольких научных трактатов⁴⁸, а его биограф Аймоин упоминает о каком-то его сочинении “De solis ac lunae seu planetarum cursu”⁴⁹. Помимо разных городов Франции, Аббон также посетил Англию, куда был приглашен Освальдом, аббатом Ремзейского монастыря и архиепископом Йоркским (Освальд сам прежде учился во Флери и был знаком с Аббоном).

Аббон провел в Англии два года, пока его не вызвал письмом аббат Флери Ойбольд. Результатом поездки стало написание жития местного святого, короля Эадмунда, убитого данами в 869 г.⁵⁰ Это житие особенно примечательно тем, что его писал иностранец, человек со стороны, но побывавший на месте описываемых им событий. Считается также, что материалы для этого труда Аббону помогал собирать архиепископ Дунстан, с обращения к которому начинается житие⁵¹. Из Англии Аббон привез не только славу учителя и новые знания, но и щедрое вознаграждение — Аймоин упоминает золотые запястья и ожерелье, священнические одеяния, золотой кубок (“calyx”) и множество серебряных монет⁵². В 988 г. после смерти аббата Флери Аббон был избран его преемником.

Весьма примечателен тот факт, что Аббон и Герберт, современники и поклонники «свободных искусств», не переписывались и даже практически не упоминали имен друг друга. Эта любопытная деталь обратила на себя внимание исследователей. М. Мостерт объясняет эту странность существованием «академического соперничества» между ними. Действительно, Аймоин уверяет, что Аббон превосходил ученостью всех своих современников (точнее, сверстников, но Герберт, родившийся между 945 и 950 гг., и был примерно одного возраста с Аббоном), а Рихер безоговорочно отдает первое место Герберту.⁵³ Насколько важным казался вопрос о первенстве ученым мужам той эпохи, показывает упоминавшаяся история о диспуте Герберта с Отриком. М. Мостерт полагает, что существование соперничества между двумя учеными подтверждается фрагментом из письма Герберта к Константину (который, кстати, был их общим учеником) — Герберт «позволил себе бросить камешек в огород Аббона в письме к Константину <...>, сопровождающем сочинение о правилах счисления на абак: “Не позволяй никакому недоучившемуся философу думать, что они (правила) противоречат какому-нибудь из искусств или философии”»⁵³. Заявление вполне может соотноситься с сообщением Аймоина о том, что Аббон не считал свое образование полностью законченным (в плане геометрии), и его это, видимо, угнетало. С другой стороны, данная фраза Герберта слишком туманна для того, чтобы делать на ее основе какие-либо выводы.

Однако П. Рише полагает, что причиной отчуждения между Гербертом и Аббоном были и политические разногласия. Аббон — горячий защитник

монастырской реформы, а Герберт относился к ней прохладно. Кроме того, на соборе в Сен-Базле в июне 991 г., где разбиралось дело реймского архиепископа Арнульфа, Герберт находился на стороне обвинения, а Аббон — в числе защитников иерарха. Позицию Аббона на этом процессе П. Рише объясняет, в частности, тем, что среди влиятельных обвинителей Арнульфа был и епископ Орлеанский, тоже Арнульф, в ведении которого находился монастырь во Флери, а Аббон в то время старался изъять свой монастырь из-под власти епископа и переподчинить его непосредственно Риму⁵⁴. В любом случае Аббон оказался весьма преданным сторонником Арнульфа и многое сделал для его восстановления на кафедре и очищения от обвинений⁵⁵.

Разумеется, отсутствие упоминаний друг о друге в письмах Аббона и Герберта могло быть и результатом случайности, но нам известно и о попытке Герберта отлучить Аббона от церкви⁵⁶. Похоже, кстати, что их отношение друг к другу разделяли Аймоин и Рихер: Аймоин очень подробно рассказывает о деле Арнульфа Реймского, но не упоминает имени Герберта, а Рихер называет Аббона в числе наиболее влиятельных защитников Арнульфа⁵⁷, но сами выступления защиты приводит в крайне сжатом виде, в отличие от пространных речей обвинителей⁵⁸.

Участие в проведении монастырской реформы привело в конце концов к нелепой гибели Аббона. Аймоин рассказывает о поездке Аббона в гасконский монастырь Ла Реоль, который тот намеревался реформировать. Во время его пребывания там некоторые из спутников Аббона затеяли драку с гасконцами, он попытался разнять их и был смертельно ранен, причем

осталось неизвестным, кто именно был виновником его кончины и к какой из сторон он принадлежал — Аббон отказался назвать его своим спутником⁵⁹. Произошло все 13 ноября 1004 г., в этот день чтят память об аббате Флери, причисленном к лику святых.

Однако школа монастыря продолжала действовать и сохранила свой авторитет и при преемниках Аббона. «Именно благодаря долгосрочным результатам его преподавания, которые стали очевидными в следующем поколении, Флери занял первое место среди французских монастырей, когда дело касалось учености <...> И даже сегодня от 600 до 800 рукописей могут быть идентифицированы как написанные некогда в скриптории или принадлежавшие библиотеке Флери»⁶⁰. Школа в Реймсе своей славой была обязана, прежде всего, яркой личности Герберта, его блестящему таланту преподавателя. Аббон, вероятно, несколько уступавший Герберту и в учености, и в педагогических способностях, больше сделал для самой школы, ее организации, пополнения библиотеки, что позволило ей остаться видным центром образования и после его смерти.

Школа в Миси и Летальд

Помимо школ Флери, Шартра и Реймса, известностью пользовалась и школа в Миси на Луаре⁶¹, в монастыре, который возглавлял Константин, ученик Аббона и Герберта. Миси «располагал в IX в. значительной библиотекой, которая обогатилась в X в. и из которой до нас дошло около сорока манускриптов»⁶². О Константине мы знаем в основном по письмам Герберта, но со-

хранились сочинения монаха из Миси Летальда: “Vita S. Juliani”, “De miraculis S. Maximini” и “Delatio corporis S. Juniani”⁶³. Летальд, как и Константин, был учеником или просто знакомым Аббона Флерийского. Сохранилось письмо Аббона, обращенное ко всем монахам монастыря в Миси, двое из числа братии названы по именам — Константин, который к тому времени был уже деканом, и Летальд⁶⁴. Отличительную особенность сочинений Летальда составляет обилие рассказов о наводнениях и людях, попавших в реку и утонувших (или чудесным образом спасшихся). Не стоит ли за этим усмотреть соседство монастыря с полноводной рекой?

Характерные черты латинской литературы X в. Историографы.

Как учителя, и Герберт, и Аббон ориентировались в значительной степени на античных классиков, прежде всего, латинских. Вводя своих учеников в дисциплины тривиума и квадриума, они тем самым приобщали их к античной культуре, способствовали распространению интереса к ней. Это увлечение Античностью и относительно «светский» характер образования способствовали появлению новых черт в литературе того времени. Оригинальные веяния выражаются в стремлении авторов сделать свои сочинения более изысканными по форме, а также выразительными и занимательными. «Литературные труды предпочитают писать, и в прозе, и в стихах, так же, как писали в V в. Маньеризм и риторичность художественной литературы, вкус к ритмической прозе и к поэзии, к театральности, к сатире служат яркими

признаками возврата к литературному эстетизму античного толка <...>. Религиозная литература ограничивается трактатами на моральные темы, проповедями, житиями святых»⁶⁵.

Данные тенденции отразились и на развитии историографического жанра в Северной Франции ⁶⁶. В это время пишутся полноценные «Истории», в той или иной степени выдержанные в духе античных традиций. В историографии начали проявляться черты, которые позднее стали определять облик исторического сочинения, превратились в обязательную его принадлежность. К. Вернер, рассуждая об исторических сочинениях этой и последующей эпохи, приводит свод требований, которые предъявлялись к ним. Согласно перечню, составитель «истории» должен был:

1. Разрабатывать в своем сочинении один сюжет, единственную тему;
2. Использовать возвышенный слог, изысканный стиль;
3. Следовать лучшим традициям латинской литературы, опираясь на любимых авторов вплоть до заимствования целых фраз;
4. Разбивать труд на книги, а книги, при необходимости, — на главы, которые могут носить особые заглавия;
5. Предпосылать всему труду, а еще лучше — каждой книге, пролог, выдержанный в риторическом стиле;
6. Начинать с описания страны и народа, с географического и этнографического экскурса;
7. Вводить в повествование «портреты» главных персонажей и рассуждения о людях и их поступках;

8. Включать в текст многочисленные речи, выражать суждения о людях и событиях опосредованным образом, используя прямую речь;
9. Насколько возможно, открывать глубокий духовный смысл, скрывающийся за рассказом о судьбах людей и событиях⁶⁷.

Для автора-монаха X в. при составлении исторического труда одной из важнейших целей являлось достижение совершенной или близкой к идеалу литературной формы. Соответственно, у них формируется интерес и уважение к труду историка как таковому, а не только как к средству сохранить память о важных событиях. Впрочем, среди причин, заставивших их приняться за работу, могли быть и чисто политические — новая династия Капетингов нуждалась и в новой, некаролингской историографии. Все это хорошо просматривается на примере трех историков указанного времени: уже упоминавшихся Рихера Реймского и Аймоина Флерийского, а также Дудона Сен-Кантенского.

Рихер Реймский

Рихер Реймский родился, как считается, между 940 и 950 гг. В своем сочинении автор упоминает отца, рыцаря, которого, вероятно, звали Родульф (Рихер приводит только первые три буквы его имени). Родульф состоял на службе у короля Людовика IV, а после его смерти — у вдовы государя Герберги; к нему обращались в тех случаях, когда надо было быстро осуществить какую-либо военную операцию, а применение крупных вооруженных сил оказывалось нежелатель-

ным или неэффективным. Располагая хорошими лазутчиками, Родульф взял для короля город Лан⁶⁸, а для королевы захватил ценных заложников, которых она смогла обменять на ранее отнятые у нее владения⁶⁹. Родульф пользовался доверием коронованных особ, но сам, судя по всему, не был особенно знатным и богатым человеком (Рихер называет его “miles”, как он обозначает простых рыцарей в отличие от титулованной знати); он рассчитывал только на себя и на хорошо обученный отряд преданных ему людей. О том, что Родульф не занимал особенно видного положения, говорит и тот факт, что Флодоард, которому известны оба эпизода, никакого Родульфа не знает⁷⁰. Будучи, по-видимому, единственным сыном этого человека, Рихер в середине 60-х гг. вступил в монастырь св. Ремигия в Реймсе и жил там до середины 90-х гг. X в. Во время пребывания в монастыре Рихер познакомился с Гербертом и, возможно, учился у него⁷¹. Скорее всего, автор постоянно жил в обители, но весной 991 г. он предпринял поездку в Шартр по приглашению своего друга Херибранда⁷², чтобы изучить «Афоризмы» Гиппократата, а также книгу «О согласовании Гиппократата, Галена и Сорана». Тем самым он продолжил традицию путешествий с целью получения образования. Интерес Рихера к медицинской науке, а также обилие описаний разного рода болезней в его сочинении (особенно красочно изложение недуга короля Лотаря, умершего в 986 г., невольно вызывающее ассоциации с записью в медицинской карте и пугающее обилием натуралистических деталей⁷³) позволяет предположить, что он даже мог быть своего рода практикующим врачом⁷⁴. О последних годах жизни Рихера известно мало. Вероятно, он покинул

Реймс вместе с Гербертом, поскольку последние страницы рукописи Рихера, представляющие собой палимпсест, первоначально содержали черновики эпистол Герберта, написанных им после 999 г., т.е. после того, как он стал архиепископом Равенны. Герберт умер в 1003 г., и некоторые исследователи полагают, что Рихер после этого вернулся во Францию, но обосновался не в Реймсе, а в Шартре, где у него были друзья. По крайней мере, в перечне монахов монастыря св. Петра в Шартре из письма епископа Фульберта к Аббону Флерийскому, стоит и имя некоего Рихера⁷⁵.

«Это сочинение имеет целью сохранить на письме память о войнах галлов, частых в то время, о разных мятежах и о различных причинах тех или иных событий», — пишет автор в «Прологе» к «Четырем книгам историй», своему единственному сочинению. Данный труд охватывает период с 888 по 999 гг., и посвящен истории Северной Франции. Первая из четырех книг открывается сжатым описанием разделения мира на три части, а также Галлии — на Бельгику, Кельтику и Аквитанию и рассказом о нравах их обитателей — белгов, кельтов и аквитанов. Подобное “*descriptio*” призвано не только продемонстрировать знакомство автора с Исидором Севильским, Орозием и Цезарем, но и показать место Галлии в мире, перечислить страны и народы, которые окружают ее. Хотя оно было уже совершенно устаревшим во времена Рихера, и с дальнейшим повествованием согласуется слабо, однако стоит отметить, что автор и далее пользуется названиями «Галлия», «Кельтика» и «Бельгика»⁷⁶ (которая на протяжении всего изложения служит единственным обозначением современной автору Лотарингии). Кроме этого,

характеристика одного из народов оказывается схожей и во вступительной части, и в основной: белги (под ними в дальнейшем понимаются жители Лотарингии), которые, по словам Рихера, уступают другим народам в храбрости⁷⁷, дважды отказываются у него сражаться в открытом поле, предпочитая отсидеться в крепостях или нападать из засады⁷⁸.

В качестве образца Рихер избрал «Югуртинскую войну» и «О заговоре Катилины» Саллюстия. Так, в речи короля Людовика V перед знатью заметны цитаты из выступления царя Адхербала перед сенатом⁷⁹, а в воззвании Оттона II к своим вассалам — из речи Катилины⁸⁰. Вообще, заимствования из Саллюстия встречаются в сочинении Рихера довольно часто, но в большинстве случаев автор механически вводит в текст подходящую по смыслу фразу, безотносительно контекста, в котором она находилась. В большей степени влияние Саллюстия на Рихера выражается не в прямом цитировании, а в использовании схожих литературных приемов.

Вслед за Саллюстием Рихер включает в повествование развернутые характеристики персонажей — короля Карла Простоватого и герцога Лотарингии Гислеберта⁸¹. Кроме того, герои Рихера, подобно персонажам античной историографии, произносят речи, призванные обрисовать их чувства и образ мыслей, показать причины их поступков и оживить повествование. Наибольшее внимание исследователей традиционно привлекали речь герцога Гуго Великого, в которой он отказывается от притязаний на престол, и речь архиепископа Адальберона, призывающего знать избрать королем Гуго Капета⁸². В большинстве случаев текст речей является вымыслом, однако в ос-

нову выступлений епископов на соборе в Сен-Базле 991 г. легли протоколы собора, составленные, предположительно, Гербертом⁸³; Рихер только слегка отредактировал их.

Основным источником фактических сведений для Рихера явился Флодоард, о чем он прямо говорит в «Прологе». Однако Рихер заявляет, что в отличие от Флодоарда, он «совершенно иначе построил изложение»⁸⁴. Зачастую автор просто воспроизводит изложение предшественника, иногда почти дословно. При этом он склонен придавать повествованию большую занимательность, подробно останавливаясь на наиболее ярких эпизодах. Так, о битве при Суассоне Флодоард сообщает только, что «Роберт, вооружив тех, кто был с ним, пошел навстречу; завязалось сражение, и многие с обеих сторон пали, также и король Роберт погиб, пронзенный копьем. Однако те, кто стоял на стороне Роберта, т.е. его сын Гуго и Хериберт с остальными, одержали победу и обратили в бегство Карла»⁸⁵. Рихер же подробно рассказывает, о приготовлениях к битве, о ходе сражения, поединке Роберта с графом Фульбертом, численности войск и количестве павших⁸⁶. При рассмотрении же эпизодов, связанных с чудесами, которые Рихер заимствовал у Флодоарда, становится заметна одна любопытная деталь: Рихера больше интересуют чудеса, так или иначе связанные с явлениями природы. Он охотно повторяет за Флодоардом рассказы о землетрясении, языках пламени в небесах, лунном затмении и буре, обрушившейся на Париж. Но, повествуя о нашествии венгров на Францию, Флодоард сообщает, что набег предварялся появлением огня в небе, а в ходе самого набега произошли следующие чудеса: венгры не

смогли поджечь две копны сена у стен церкви; когда один из язычников в церкви дерзко прикоснулся к алтарю, его руки приросли к камню; некий попавший в плен священник смог бежать, поскольку его цепи чудесным образом распались, а другой пленник, монах Хукбальд, поражал венгров тем, что они не могли причинить никакого ущерба его телу ни стрелами, ни мечами — стрелы отскакивали от него, как будто он был сделан из адаманта⁸⁷. У Рихера в соответствующем эпизоде мы находим только упоминание о «дивно пылающем в небе» огне⁸⁸. Среди других источников Рихера можно назвать “Acta concilii remensis” и “Acta concilii mosomensis”⁸⁹, а также какие-то устные героические легенды и рассказы отца, Герберта и других современников. Но в каждом конкретном случае Рихер имеет дело только с одним источником и, по-видимому, не пытается проверить его данные, бывает небрежен и порой искажает смысл изложения.

Сочинение Рихера отличается достаточно «светским» для своего времени тоном. У него сравнительно мало упоминаний о чудесах, а причины столь любимых им недугов, как правило, оказываются вполне естественными. Иногда ему свойственен иронический тон — именно в таком выдержан забавный эпизод скандала, учиненного нормандским герцогом Вильгельмом Длинный Меч на совещании в Аттиньи⁹⁰ и, отчасти, рассказ о поездке самого автора в Шартр⁹¹. Особую ценность имеет тот факт, что «Четыре книги историй» дошли до нас в единственной, причем черновой рукописи, где видны все исправления, сделанные автором. Таким образом, мы можем быть уверены в том, что имеем дело с оригинальным текстом, не искаженным позднейшими переписчиками, и, одновремен-

но, — с редчайшей возможностью наблюдать за самим ходом работы средневекового писателя. Следует также отметить, что сочинение Рихера, по всей видимости, не было ответом на запрос сверху, поэтому его версию событий во Франции конца X в. вряд ли можно считать официальной. Скорее, этот труд был предназначен для чтения в кругу образованных друзей, поэтому автор и уделяет столько внимания литературному стилю⁹², яркости повествования, выразительности персонажей и многочисленных мелких деталей.

Аймоин Флерийский

Аймоин, автор (или, скорее, составитель) другой «Истории» того времени, — монах монастыря св. Бенедикта на Луаре, куда вступил около 970 г. Он был учеником и другом Аббона, сопровождал его во время поездки в Ла-Реоль в 1004 г. и стал свидетелем его смерти: наставник умер практически на его глазах⁹³. О его происхождении известно крайне мало, однако, судя по всему, Аймоин гордился своей родней: он рассказывает, как по пути в Ла-Реоль Аббону оказала гостеприимство мать Аймоина, «именем Аунентруда, сродственница воина Гиральда»⁹⁴. Сам Аймоин, как считается, пережил учителя на несколько лет и умер после 1008 г.

Наиболее известным из сочинений Аймоина является его «История франков» в четырех книгах, которую он также называл «Книга о деяниях франков». Сочинению предпослано письмо к аббату Аббону, в котором автор, подобно Рихеру в прологе к его произведению, излагает цели своей «Истории». Аймоин

намеревался «свести в одном труде сведения о деяниях народа и королей франков, которые разбросаны по разным книгам и изложены грубым языком, и воспользоваться более совершенной латинской формой»⁹⁵. Таким образом, одной из задач автора с самого начала являлось достижение определенного художественного уровня. Временные рамки будущей «Истории» автор обозначает так: «От исхода франков из Трои и до времен, когда начал править Пипин, отец Карла Великого»⁹⁶. Но фактически Аймоин довел свой труд не до 751 г., как намеревался, а только до 654 г.; последним из королей, фигурирующих у него, является Хлодвиг II, сын Дагоберта (считается, что закончить работу Аймоину помешала смерть⁹⁷). Что побудило его обратиться к столь отдаленным временам? Б. Генэ полагает, что первые Капетинги нуждались в собственной истории Франции, в которой, в частности, не были бы скомпрометированы их предки, и именно в этом контексте следует рассматривать таких авторов, как Аймоин и Рихер⁹⁸. Аймоин, как и Рихер⁹⁹, обращает внимание на то, что читателю порой трудно разобраться во множестве персонажей, действующих в исторических сочинениях, особенно если они носят одни и те же имена. «Я с возможным тщанием постарался разобраться в генеалогии королей, которая из-за сходства их имен сильно запутана, и каждого обозначил для отличия либо именем отца, либо прозвищем “старший” или “младший”...» — пишет он¹⁰⁰.

Сочинения античных авторов — Цезаря, Плиния Старшего и Орозия — помогли Аймоину при составлении пространного описания Германии, Галлии, их народов и общественных установлений, с которого начинается «История». Он заимствует у Цезаря опи-

сание Герцинского леса и его обитателей, хотя этой информации к тому времени уже сравнялось тысячелетие¹⁰¹. Галлы в этом описании оказываются язычниками, поклоняющимися Меркурию, а при изложении их общественной структуры автор упоминает друидов¹⁰². Впрочем, данный экскурс и не призван ввести читателя в реальную географию и историю Франции.

Своеобразие Аймоина на фоне остальных наших авторов состоит отчасти в том, что его работа была в меньшей степени самостоятельной. «Чтобы написать свои “Gesta Francorum”, Аймоин обратился за помощью к многочисленным монахам Флери, которые должны были читать и исправлять тексты, подбирать цитаты»¹⁰³. Кроме того, труд Аймоина является прекрасным образцом компиляции, он целиком и полностью составлен из сведений, заимствованных у других авторов. Однако эта компилятивность не означает, что сочинение Аймоина лишено целостности — работа составителя была им проделана виртуозно, и в результате появился труд, сильно отличающийся по духу и настроению от первоисточников.

Например, рассказывая о разнообразных бедствиях, обрушившихся на Галлию в правление Хильперика¹⁰⁴, Аймоин сводит вместе сведения из двух глав «Истории франков» Григория Турского¹⁰⁵, так что масштаб злоключений оказывается более внушительным. В следующих главах Григорий подробно рассказывает о болезни, что явилась за этими знаменами, о ее симптомах и жертвах¹⁰⁶, а Аймоин только упоминает о хвори и переходит к описанию смуты в королевстве, которая больше его интересует. Это стремление к занимательности, вероятно, сказалось и в том, что повествуя об изгнании и возвращении короля Хильдерика, Аймоин предпочел

краткому сообщению Григория более красочную и подробную версию Фредегара¹⁰⁷. Кроме того, Аймоин склонен объяснять поведение франкских королей с позиций морали (у него король Теодоберт разводится с Деотерией, узнав о том, что она убила свою дочь («поскольку он отличался добрым нравом»), а у Григория убийство и развод не связаны между собой¹⁰⁸), но это морализаторство оказывается довольно поверхностным и не увлекает его. Следует также отметить, что мотивы поступков персонажей сочинения Григория не всегда понятны Аймоину. Он приводит эпизод с вероломным убийством малолетних детей Хлодомера, но считает, что ножницы, присланные их бабке Клотильде, означали предложение постричь мальчиков в монахи¹⁰⁹. Автор уделяет церковным делам заметно меньше внимания, нежели Григорий, однако рассказ об осуждении епископа Претекстата и о решительном отпоре, который Григорий дал королю Хильперiku на обсуждении этого дела, Аймоин пересказывает очень подробно¹¹⁰.

Подобно Рихеру, Аймоин ориентируется и на Саллюстия, которого также упоминает¹¹¹, а также на Псевдо-Егесиппа, писавшего об истории Иудейского царства. Он вводит в текст речи, например, речь Клотильды к Хлодомеру, Хильдеберту и Хлотарю¹¹² или речь Фредегонды к ее сторонникам¹¹³; впрочем, Аймоин предпочитает развернутым речам короткие реплики. Использует он и характеристики, хотя и довольно краткие. Так, о королеве Фредегонде он пишет: «Фредегонда была красива телом, коварна мыслями и не знала себе равных в кознях, исключая Брунгильду»¹¹⁴. Можно отметить, что это еще и одно из немногих у Аймоина упоминаний о внешности персонажа — как правило, описания у него вообще отсутствуют¹¹⁵. Как и было

обещано в прологе, Аймоин старается указывать на родственные связи персонажей, во избежание путаницы («Хильдеберт, король франков, призвав на помощь Теодоберта, сына Теодерика, своего племянника, решил идти войной на Хлотаря, своего брата»¹¹⁶).

Аймоин пишет в основном об истории франков, которых считает потомками троянцев, но мы встречаем у него упоминания и о других народах, особенно когда речь идет о каком-то примечательном событии. Он приводит почти анекдотический рассказ о бурной молодости будущего императора Юстиниана, и о том, как некая Антония, которую он повстречал в притоне, заставила его жениться на себе¹¹⁷. Говорит Аймоин и о казни Боэция, отдавая дань его научным заслугам, а также о том, как Всевышний покарал за это преступление короля Теодориха¹¹⁸.

В том случае, когда Аймоин обнаруживал в разных источниках различные версии одного и того же события, он отдавал предпочтение более яркому и даже скандальному варианту. Так, он подробно рассказывает о том, как королева Брунгильда отравила собственного внука, оговариваясь в конце, что, согласно некоторым авторам, Теодорик умер без помощи бабки — от дизентерии¹¹⁹. Аймоина вообще привлекают из ряда вон выходящие события, и его «История» распадается на ряд выразительных новелл, часто вовсе лишенных нравоучительного толкования. В этом он сильно отличается от Григория Турского, сочинение которого проникнуто идеей постоянного участия Провидения в жизни людей.

Аймоина интересует происхождение названий народов и стран. Он приводит две версии происхождения названия «франки». Согласно одной из них,

император Валентиниан, которому троянские беженцы помогли победить аланов, «подивился доблести и отваге этого народа <...> и назвал их по-гречески «франками», т.е. «отважными». Вторая же гласит, что франки получили свое название по имени их царя Франциона¹²⁰. Точно также, упомянув Дордонь, Аймоин пишет: «Дордония называется так из-за горы под названием Дор, и располагается в землях арвернов; там бьют два ключа, название одного из них — Дор, другого — Дония, недалеко от горы они сливаются и впадают в Гаронну»¹²¹.

Помимо «Истории», Аймоин принял участие в написании «Чудес св. Бенедикта», который был покровителем аббатства Флери, где хранились его мощи. «De miraculis S. Benedicti»¹²² были призваны поведать о разнообразных чудесах, совершенных святым в местах своего нового пребывания¹²³, этой же цели служило и стихотворение Аймоина “Translatio patris Benedicti”. Наконец, после смерти Аббона Аймоин пишет и его житие (“Vita vel martirius S. Abboni abbati Floriacensis”), которое уже в полной мере является свидетельством современника и самостоятельным трудом¹²⁴. В этом сочинении Аймоин вскользь упоминает и еще одно свое произведение, а именно историю аббатов Флери, до нас не дошедшую.

Дудон Сен-Кантенский

Авторы, о которых мы говорили ранее, посвятили свои труды истории Франкского королевства. Но в X в. появилось и совершенно новое государственное образование — герцогство Нормандия. Ее ранняя

история известна плохо; существуют даже сомнения в реальности договора в Сен-Клер-сюр-Эпт (911 г.)¹²⁵, а также в первоначальном статусе правителей Нормандии¹²⁶. Так или иначе, но к концу столетия эти власти уже превратились из предводителей пиратов в могущественных герцогов, которые нуждались в истории своего государства и рода. Первым из отозвавшихся на этот запрос историков был Дудон Сен-Кантенский, работавший на рубеже X—XI вв.

Как автор, Дудон сильно отличается от двух предыдущих. Он, видимо, не был связан со школами Флери и Реймса, и вообще о его образовании ничего не известно. Впрочем, свое сочинение «О нравах и деяниях первых герцогов Нормандии» Дудон со всеми возможными изъявлениями почтения посвятил Адальберону-Асцелину Ланскому, который в свое время был учеником Герберта. В отличие от Аймоина и Рихера, Дудон говорит, что начать работу над этим сочинением его побудил своего рода заказ сверху. «За два года до его смерти, — пишет Дудон в прологе, — я в очередной раз побывал у превосходного герцога Ричарда (Ричарда I, герцога Нормандии (942—996) — А.Т.), сына Вильгельма <...>, желая предложить ему свою службу в благодарность за бесчисленные благодеяния, которыми он меня осыпал не по заслугам. Однажды он пришел ко мне и стал нежно обнимать, опутывать сладчайшими речами, тешить веселыми пожеланиями и даже молить и любовно заклинять, чтобы я, если способен, помог в исполнении его давнего и заветного желания: описал бы обычаи и дела норманнского народа, а особенно — его пращура Роллона, который установил законы королевства»¹²⁷. Далее автор рассказывает: «Наше неопытное перо

только приступило к первой части труда, когда — о горе! — печальный слух оповестил меня о кончине Ричарда, государя всего мира»¹²⁸. Однако сын герцога, Ричард II, попросил Дудона продолжить работу, которая превратилась теперь и в похвальное слово покойному герцогу.

При работе над сочинением Дудон мог использовать франкские хроники, анналы и истории только как источник фактических сведений, поскольку тон, в котором там говорилось о норманнах, был в данном случае совершенно неприемлем. Кроме того, он воспользовался рассказами людей, знавших историю герцогской семьи, — графа Родульфа¹²⁹ и герцогини Гуннор, вдовы Ричарда. Труд Дудона разбит на три части, неравные по объему: вторая книга превосходит первую, а третья — вторую. Первая книга посвящена деятельности Хастинга или Алстинга¹³⁰, полупоупендарного основателя династии, вторая — Роллону, а третья — Вильгельму Длинный Меч (ок. 928—942) и Ричарду, она заканчивается рассказом о его смерти и похоронах¹³¹. Повествование в прозе автор часто перемежает стихами, что составляет яркую особенность данного произведения. Возможно, в этом сказалась скандинавская традиция, хотя стихи у Дудона подчинены правилам латинского стихосложения. Первая и вторая книги заканчиваются поэтическими эпилогами, стихами открывается каждая из книг. Автор приводит молитву Роллона в стихах¹³², такое же обращение к Хастингу¹³³, стихотворные описания окрестностей Руана¹³⁴. Хотя, как уже говорилось, о его образовании ничего не известно, Дудон превосходно владеет латинским языком; его отличает довольно витиеватый литературный стиль. Дудону, видимо,

приходилось читать античную литературу — на это может указывать тот факт, что в одном из прологов он пересказывает (в стихах) миф о Дедале и Икаре¹³⁵. Кроме того, Дудону был в какой-то степени известен греческий язык, что было редкостью в то время — у него встречаются фразы на этом языке¹³⁶. Сочинению Дудона предпослано сразу несколько прологов. Использует он и речи: от краткого обращения Хастинга к своим воинам («Усиливается благоприятный для нас ветер, и его счастливое дуновение сулит нам легкий путь. Если вы не откажетесь, идем на Рим и подчиним его нашей власти, как Францию»¹³⁷) до довольно пространной речи послов Роллона перед английским королем и ответного слова короля¹³⁸.

Столь явная «литературность» сочинения Дудона и его определенно пристрастная позиция по отношению к последнему из описываемых им герцогов вызвала споры о его надежности как исторического источника. Так, Д. Дуглас полагает, что «панегирик нормандским герцогам, составленный в ранние годы XI в. Дудоном, каноником из Сент-Кантена, оказался настолько дискредитирован, что историю норманнов начального периода сейчас следует изучать, разве что изредка прибегая к этому сочинению»¹³⁹. Э. Серли, признавая панегирический характер труда Дудона, указывает на некоторые его уникальные достоинства, проистекающие именно из склонности автора к изящной словесности. «Редко обращали внимание на то, что стихотворные вставки у Дудона часто написаны на изысканной ритмической латыни, что его повествование производит сильное впечатление, что он, без сомнения, содержит наиболее ранние записи мотивов из саг <...> В сочинении Дудона мы

располагаем северо-норманнской сагой, современной рукописи “Беовульфа”»¹⁴⁰. По мнению автора, «О нравах и деяниях...» написано с учетом вкусов знати норманнского происхождения и, несомненно, имело целью им угодить. «Это аристократический эпос, форма, популярная у знати X в.: эпическая поэма об испытаниях, трагедиях и о людях, доказывающих свои силы. Но это сочинение с трудной судьбой принадлежит в равной мере и другой, более северной литературной традиции. Как позже Саксон Грамматик, Дудон писал для норманнских воителей. На самом деле он пел их победную песнь»¹⁴¹. Автор также отмечает, насколько интересен факт передачи мотивов из устных скандинавских сказаний образованным франком на латинском языке.

Однако сочинение Дудона писалось в течение долгих лет, и если оно затевалось как заказное, то в окончательном своем варианте могло предназначаться уже не только и не столько для преподнесения герцогу Нормандии. Во-первых, оно посвящено, главным образом, епископу Лана, он, видимо, и должен был стать его первым читателем. Во-вторых, при всех бесспорных художественных достоинствах стиля Дудона, он пользовался «чересчур мудреным и вычурным языком, чтобы привлечь государя, еще не далеко отошедшего от своих варварских корней»¹⁴². В-третьих, хотя автор всячески превозносит Вильгельма Длинный Меч и Ричарда, их предку Хастингу он вовсе отказывает в положительных качествах, отзываясь о нем чрезвычайно резко и целиком посвятив одну из стихотворных вставок перечислению его отрицательных качеств¹⁴³. Вряд ли нормандские герцоги одобрили бы подобный отзыв об их предке, пусть и язычнике!

Сочинение Дудона начинается с краткого и довольно традиционного описания разделения мира на Европу, Азию и Африку, и рассказа о нравах различных народов, в том числе и даков, которых автор отождествляет с данами¹⁴⁴. Знакомство с историей и бытом норманнов (а из слов Дудона ясно, что он часто бывал в Нормандии и имел там влиятельных друзей) позволило Дудону упомянуть об их прежних верованиях, о Торе и человеческих жертвоприношениях, местных обычаях и законах, их странствиях по морям и рекам. Но основное содержание этого труда сводится к сообщениям о войнах, осадах и походах, в которых участвовали норманны. Обращает на себя внимание его рассказ о герцоге Вильгельме Длинный Меч, который, по всей видимости, пользовался большой популярностью¹⁴⁵, и о его убийстве по наущению Арнульфа Фландрского¹⁴⁶. Предводитель норманнов и воин рассматривается почти как святой мученик. Дудон рассказывает и о событиях, происшедших за пределами Нормандии, если в них принимали участие норманнские войска. Например, летом 976 г. франкский король Лотарь предпринял дерзкую экспедицию против Оттона II, пытаясь вытеснить его из Лотарингии; со своим войском, в которое входили и норманны, он совершил столь стремительный бросок в сторону Ахена, где в то время находился Оттон, что тот вынужден был бежать вместе с беременной супругой, все бросив. Дудон, рассказав об этих событиях, обращается к Оттону (к тому времени давно умершему) в весьма язвительных стихах¹⁴⁷, что говорит и об известной смелости автора, поскольку Адальберона-Асцелина Ланского одно время подозревали в сговоре с Оттоном III¹⁴⁸.

Аймоин Флерийский, Дудон Сен-Кантенский и Рихер Реймский, люди с классическим образованием и одаренные литераторы, принадлежали, по сути, к одному направлению в литературе того времени. Ни один из них не считал нужным смиренно скрыть свое имя. В прологах к сочинениям Рихера и Аймоина отсутствуют считающиеся типичными для средневековых историков ссылки на свою необразованность и непригодность для затеянной работы. Дудон, напротив, преувеличенно и чересчур многословно описывает свою неумелость, свой трепет перед непосильной задачей, однако со своим материалом обходится порой довольно смело, а обилие стихотворных вставок указывает на уверенность автора в своих силах. Если сопоставить исторические сочинения этих трех авторов с перечнем требований, приведенным выше, то все они посвятили свои труды определенной стране и отрезку времени. Они пользуются хорошим слогом, знакомы с латинской историографией, разделяют текст на книги; их сочинения содержат и прологи, и географические экскурсы, и «портреты», и речи. Следует, правда, отметить, что их авторов все же больше интересуют сами события, их внешняя сторона¹⁴⁹, нежели глубокий смысл, заключенный в них. Поучение не было для них главной целью.

Для французских историков рубежа тысячелетий на первый план выдвигается не простая передача фактов и не выстраивание их в хронологические цепочки (эти сведения читатель мог получить и из других источников), но их осмысление, изложение в соответствии с историографической традицией Античности и их литературная обработка. Этому их учили римские историки, для которых «история —

отрасль литературы, и тот, кто хочет написать историю, должен стараться создать произведение искусства, богатое красками, отличающееся хорошим стилем и совершенной формой»¹⁵⁰. С другой стороны, совершенная в литературном отношении форма, с точки зрения авторов, вероятно, являлась условием того, что и содержание привлечет к себе интерес, будет должным образом понято и сохранится в памяти людей. Особенно примечательно в этом отношении сочинение Дудона: в отличие от Аймоина, который не успел закончить свою «Историю», и от Рихера, чей труд вообще остался в черновике, «О нравах и деяниях...» представляет собой полностью завершённое и весьма изысканное по форме произведение.

Адсон, аббат Монтьеранде

Увлечение античной словесностью и стремление к безупречной литературной форме в то время распространялось и на другие жанры, в том числе — жития. Мы уже упоминали несколько образцов этого жанра, однако наиболее ярким его приверженцем является Адсон, аббат Монтьеранде. О жизни Адсона известно не слишком много. Он родился между 910 и 920 гг. в знатной бургундской семье; в 934 г. стал учителем в епископальной школе города Туля. Там преподавал до конца 70-х, а после смерти аббата Альберика, стал аббатом Монтьеранде. Умер он в 992 г., в Египте, где оказался по дороге в Иерусалим (Адсон наложил соответствующую епитимью на Хильдерика, графа Арси-сюр-Об, и решил отправиться вместе с ним)¹⁵¹.

Адсон был знаком с архиепископом Адальбероном Реймским и с Гербертом — Рихер пишет, что он сопровождал обоих в поездке в Рим в 980 г.¹⁵² Видимо, Герберт и Адсон были друзьями (что не мешало последнему переписываться и с Аббоном Флерийским) — письмо Герберта, адресованное Адсону, полно как выражений дружеской привязанности, так и намеков, которые адресат, по всей вероятности, должен был хорошо понимать. «Отбрось всякое промедление¹⁵³, отец мой,— пишет Герберт, — и в третьи или вторые календы июля выезжай из Ура Халдейского¹⁵⁴. Повинуйтесь старым друзьям, вы, человек давно испытанной верности. Наш отец Ад,¹⁵⁵ всегда преданный отечеству и вам <...> просит вашего присутствия, не терпя никакой задержки. Не следует сообщать находящемуся вдали то, что мы желаем поведать ему лично. А вашими попутчиками пусть будут дорогие и вам, и нам книги»¹⁵⁶. Как следует из письма, Адсон также собирал книги и обменивался ими с друзьями. Современная медиевистика располагает списком книг из его библиотеки. «Адсон, который закончил свою жизнь аббатом Монтьеранде в 992 г., известен, прежде всего, как агиограф и автор “Книжечки об Антихристе”, но мы знаем, исходя из списка книг, которыми он обладал, что он больше интересовался классиками, чем отцами церкви, поскольку из 23 манускриптов 14 являются трудами грамматиков, риторов и диалектиков...», — отзывается об Адсоне П. Рише¹⁵⁷. Среди его книг были «Эйсагоге» или «Введение» Порфирия в переводе Викторина, сочинение Цицерона — вероятно, «Об ораторе», комментарии Боэция к Аристотелю, комментарии к произведениям Вергилия, Теренция и Элия Доната, выдержки из труда грамматика Секста Помпея Феста¹⁵⁸.

В свое время ценность сочинений Адсона как источников считалась очень относительной. «Адсон, как и его современники, видел главную цель своего труда в изложении с позиций хорошего стиля, но поскольку старинные жития, которые он переработал, ныне не существуют, его работы не лишены ценности и с точки зрения содержания», — писал о нем А. Эберт¹⁵⁹. И в самом деле, предисловие Адсона к «Житию св. Базола» как будто позволяет сделать вывод о вполне осознанном стремлении автора к литературному совершенству¹⁶⁰. «Мы верим, — говорит он, — что читатель познает столь же большую небесную славу, сколько удовольствия получит от чтения. Но чтобы грубое перо не умалило деяния святого мужа, пусть он огласит только содержание, а имя автора оставит на листе в тайне»¹⁶¹. Безусловно, основной задачей агиографа остается прославление жизни и деяний святого в назидание читателю, но Адсон полагает, что высокий художественный уровень жития помогает его восприятию. В процитированном отрывке Адсон пишет не просто о чтении, но о чтении вслух. Действительно, его сочинения явно рассчитаны именно на такой способ чтения, — автор очень заботится о звучании текста, его ритме и музыкальности. Например, в описании местности из «Жития св. Берхария» он прибегает к аллитерации, искусно подбирая слова со звуком «л»: “rivulis ex sublime vertice leniter affluentibus, oculis oblectamenta”¹⁶². Помимо этого, у Адсона относительно много описаний природы, к которым можно применить слово «пейзаж», и довольно трогательных сценок с участием животных.

Адальберон Ланский

Наиболее противоречивой репутацией пользовался у современников Адальберон-Асцелин, епископ Лана. Он был племянником Адальберона, архиепископа Реймского, получил хорошее образование и занимал видное положение, но его причастность к заключению под стражу архиепископа Арнульфа и Карла Лотарингского, которым он ранее присягал на верность, а также переданные Рихером слухи о его планах заманить Гуго Капета и его сына Роберта в ловушку к Оттону III¹⁶³ привели к тому, что об Адальбероне сложилось мнение как о человеке очень ненадежном и всегда готовом к предательству¹⁶⁴. Впрочем, не одному Адальберону Ланскому в то время приходилось периодически менять свои политические симпатии. Адальберон-Асцелин, вероятно, был достаточно предприимчивым человеком, склонным к рискованным авантюрам. Рихер рассказывает, как он, захваченный в плен Карлом Лотарингским, «ночью спустился по веревке из окна и уехал верхом»¹⁶⁵. Однако у него были и весьма уважаемые друзья: Фульберт Шартрский в письме к Адальберону Ланскому называет его другом¹⁶⁶, покровительствовал ему и Роберт Благочестивый, которому он посвятил свою “Carmen ad Rotbertum regem”.

* * *

Следующую группу источников составляют тексты, которые позволяют нам более объемно представить себе культурную среду, в которой разворачивалась литературная деятельность названных выше людей. Флодоард, реймский каноник (894—966) и их старший современник, написал «Историю реймской

церкви», доведенную до 948 г.¹⁶⁷ Ее содержание отчасти дублируют «Анналы», которые Флодоард вел с 919 по 966 гг. Сочинения Флодоарда высоко ценятся историками по причине его хорошей осведомленности, а также потому, что он счел необходимым включить в текст некоторые утраченные ныне документы. Флодоард был хорошо образован, он ссылается на Тита Ливия, Цезаря и Лукана¹⁶⁸, но ему мало свойственно заботиться о художественной выразительности произведения. Немалый интерес представляет для нас и тот факт, что Рихер, по его собственному признанию, использовал труды Флодоарда в качестве источника. Сопоставив тексты, мы получаем возможность увидеть, насколько схожи их взгляды. Сочинения авторов еще более раннего периода, — Эйнхарда, Анонима, Нитгарда¹⁶⁹, — позволяют нам проследить связь латинской литературы X в. с традициями Каролингского возрождения.

Основной массив наших источников происходит из северо-западной Франции, но мы использовали также сочинения, происходящие из других регионов. Адемар Шабаннский, родившийся около 988 г., монах монастыря св. Гибальда в Ангулеме был автором «Истории в трех книгах»¹⁷⁰. Приходится признать, что в умении организовать материал и в литературном даровании он уступает историкам Севера. В отличие от него Родульф (Рауль) Глабер — фигура очень яркая; из его «Истории своего времени» особенно известно знаменитое описание страшного голода во Франции¹⁷¹. Помимо этого мы привлекали житие св. Гиральда Орильясского, вышедшее из-под пера св. Одона, аббата Клуни¹⁷², житие самого Одона¹⁷³ и коллективный агиографический труд «О чудесах св. Веры», созданный в начале XI в.¹⁷⁴

Поскольку некоторые сюжеты нашего исследования требовали более широкого исторического фона, мы использовали также такие сочинения, как «Исповедь» Аврелия Августина, «Утешение философией» Боэция, «Этимологии» Исидора Севильского, «О природе вещей» Беда Достопочтенного. Все эти труды входили (или могли входить) в круг чтения ученых клириков X столетия, как и некоторые сочинения более ранних эпох — «Записки о Галльской войне» Цезаря или «Фарсалия» Лукана. Кроме того, в ряде случаев мы позволили себе сопоставить данные наших источников с «Песней о Роланде». И, разумеется, невозможно было обойтись без сопоставления данных наших источников с Библией.

* * *

Во второй половине X в. в Северной Франции сложился очень любопытный тип элитарной культуры, лишь отчасти связанный с «Оттоновым Возрождением»: рафинированный, в известном смысле «светский», относительно замкнутый и мало связанный с действительностью. Авторы этого времени, хотя иногда их личные отношения и становились натянутыми, были единодушны в одном: они испытывали почти благоговейное почтение к «премудрости» — «семи свободным искусствам», но далеко не все приобретенные знания пытались применить в реальной жизни. Их литературные сочинения, в которых форма получает равные права с содержанием, а то и перевешивает, как правило, были мало известны в Средние века именно потому, что оценить достоинства этих произведений мог только очень хорошо образованный человек, а далеко не все их современ-

ники владели латынью так, как король Роберт Благочестивый.

Сочинения монахов X в. были предназначены в первую очередь для узкого круга истинных знатоков латинской словесности, способных распознать скрытую цитату из классического произведения, отдать должное умению автора оперировать литературными шаблонами, оценить стиль повествования. Их сотрудничество весьма активно — они обмениваются рукописями, переписываются, посвящают друг другу свои труды. Ученые монахи различными способами разыскивают тексты античных авторов, читают их и подражают им в собственном литературном творчестве. Мы можем с достаточной уверенностью говорить о том, что у этих людей существовало некое подобие своего языка, системы понятий и коллективного опыта. А поскольку в их жизни такую роль играли античные тексты, этот коллективный опыт должен был сложиться под влиянием не только христианских, но, в какой-то степени, и языческих представлений об окружающем мире.

Разумеется, возникает вопрос о степени адекватности картины, возникающей на страницах произведений ученых монахов X в. реальным представлениям их современников. К сожалению, ответить на него практически невозможно, поскольку большинство этих современников вообще не имело возможности поведать о своих взглядах в письменном виде. Изучение литературных трудов наших авторов позволит реконструировать систему представлений о мире хотя бы одной из групп, которые составляли французское общество той эпохи. При этом мы поневоле должны будем отдавать себе отчет в том, что речь

идет только об одной из социальных групп и лишь о тех ее воззрениях на природу, которые отразились в ее письменном наследии. Данное обстоятельство ничуть не уменьшает важности стоящей перед нами задачи. Напротив, такой подход дает нам возможность сделать максимально корректные выводы и приблизиться к реальному положению вещей, насколько это вообще возможно.

* * *

Настоящая работа представляет собой опыт реконструкции представлений о природе ученых монахов северо-западной Франции второй половины X—начала XI в. Как отмечалось выше, мы привлекли для этого исследования источники, содержание которых имеет лишь опосредованное отношение к нашей теме. Чтобы извлечь из их сочинений скрытую информацию, наличие которой сами авторы, по-видимому, и не предполагали, мы обратились к анализу языка, которым они пользовались, их словаря¹⁷⁵, а также литературных приемов.

При определении подобного подхода перед нами встают две проблемы. Одна из них заключается в следующем: оправдан ли комплексный анализ сочинений различных людей, сочинений, которые мы в данном случае рассматриваем в качестве полноценных литературных произведений? Можем ли мы ставить рядом высказывания Герберта Орийякского и Аймоина Флерийского и делать какие-то общие выводы на их основе? Если мы видим в каждом из них автора, писателя, обладающего индивидуальным стилем, следовало бы признать, что их понимание тех или иных слов и понятий также может быть сугубо индивиду-

альным. С другой стороны, сведений, полученных из сочинений только одного из этих авторов, окажется заведомо недостаточно для получения сколько-нибудь цельной картины. В таком случае избранный нами подход в значительной степени теряет смысл.

Путь, позволяющий исследователю избежать как обезличивания материала, так и его чрезмерной индивидуализации, и при этом получить дополнительную информацию в ходе анализа именно группы текстов, предлагает Б. Сток. Он рекомендует дополнить привычные методы источниковедческого исследования приемами, заимствованными из антропологии и литературоведения, и с их помощью восстановить культурную и психологическую обстановку эпохи, в которой составлялись средневековые тексты. «До XIII столетия письменные традиции в основном представляли собой островки более высокой культуры в окружении, которое было не столько неграмотным, сколько безграмотным. Вследствие этого тексты использовались в более разнообразных целях, нежели в обществе, где грамотность лежит в основе образовательной теории и практики...»¹⁷⁶. В рамках замкнутых кружков грамотных людей чтение, составление и комментирование текстов превратилось в своего рода ритуал, позволяющий интеллектуалам осознать свое единство и отличие от окружающих¹⁷⁷. Данное обстоятельство усиливалось за счет того, что разница между устной, разговорной речью и письменным языком — латынью — была в Средние века гораздо более заметной, чем в Древнем Риме¹⁷⁸. Внутри подобных кружков складывался собственный язык, основанный на общих литературных пристрастиях и не вполне понятный для непосвященных. Эти люди

гордились своей образованностью, знанием изблуженных текстов и умением оперировать ими; тексты были настолько хорошо знакомы членам кружка, что у них не всегда возникала необходимость указывать источник цитаты, пояснять образ, заимствованный у какого-либо авторитетного классика. «От чтения, диалога и “впитывания” текстов остается, таким образом, один шаг до появления “текстуальных сообществ” — групп людей, социальная деятельность которых сосредоточена вокруг текстов...»¹⁷⁹.

Как указывает М. Каррутерс, последовательница Б. Стока, в таких кружках письменное творчество их участников в известной степени служит отражением их группового опыта, групповой памяти. Тексты «объединяли сообщество, обеспечивая его общим опытом и определенным типом языка, языка историй, которые можно было осмыслять вновь и вновь, когда того требовали время или случай»¹⁸⁰. Таким образом, подойдя к группе избранных нами авторов как к «текстуальному сообществу» — “textual community”, мы получим возможность исследовать их язык и систему литературных приемов как нечто достаточно единое, целостное.

Как уже отмечалось, на наших авторов оказала большое влияние античная традиция. Они весьма почитали писателей Древнего Рима, охотно их цитировали и ориентировались на них в собственном творчестве. Не следует ли из этого, что собственная литературная деятельность в основном и сводилась к механическому следованию классическим образцам, воспроизведению «общих мест», бездумному переписыванию фрагментов чужих произведений? Если дело обстоит именно так, информация, которую мы можем почерпнуть из наших

источников, имеет мало отношения к культуре X в., будучи заимствованной из другой исторической эпохи. В этом и заключается вторая проблема.

Требования, которые предъявлялись к литературному тексту в Средние века, отличались от современных; под «оригинальностью», «индивидуальностью» современного писателя и автора X в. мы понимаем не совсем одно и то же¹⁸¹. Например, сочинитель биографии в X в. должен был продемонстрировать не столько свое воображение и непохожесть на других, сколько знание правил, по которым составляется подобное произведение, умение оперировать ими. Однако следование образцу не подразумевает полный отказ от собственного мнения, а использование цитат — от собственных мыслей. Сам отбор материала уже является процессом творческим, а использование цитат и наличие принятых правил, скорее, свидетельствуют об определенной зрелости литературной традиции. Собственно говоря, в любую эпоху человек, пишущий текст, неизбежно ориентируется на определенный эталон, идет ли речь о романе, газетной заметке или диссертационной работе. И в любую эпоху образованные люди не упускают случая блеснуть начитанностью или подкрепить свои выводы авторитетным мнением другого лица. Основное различие, по сути, состоит, во-первых, в том, что эталонов для подражания и уважаемых авторов, которых можно процитировать, стало неизмеримо больше по сравнению с началом минувшего тысячелетия, а во-вторых — в том, что авторам той эпохи, по всей видимости, не приходила в голову идея сознательно писать вопреки авторитетам, вопреки эталону, что на самом деле точно так же подразумевает ориентацию на них.

Использование цитат и литературных аллюзий увеличивало значимость сочинения в глазах той аудитории, для которой оно предназначалось. Кроме того, поскольку эту аудиторию составляли люди, которых объединял с автором общий круг чтения, цитата или отсылка к классическому произведению давала читателям возможность увидеть в тексте некий дополнительный смысл: они хорошо представляли себе контекст, в котором та или иная фраза находилась в оригинале. Заслуживают внимания также «общие места» и устойчивые словосочетания, навеянные античной традицией — строго говоря, у нас нет никакого права предполагать, что средневековые авторы использовали их бездумно, не вкладывая в них никакого смысла. «Топос» или «общее место» — это не просто... риторический инструмент — это религиозная истина, «знак», который открывает веление Бога. Так что историки Средних веков должны особо интересоваться ключевыми формулами символики средневекового мышления», — говорит по этому поводу Ж. Ле Гофф¹⁸². М. Каррутерс предлагает более приближенное к повседневной жизни понимание «общих мест», но также настаивает на их анализе: «Нельзя отбрасывать тропы как “всего лишь” формулы, поскольку они показывают, какие ценности существовали в обществе, и каким образом они воспринимались литературой»¹⁸³. Следует помнить о том, что для средневекового автора латынь была не «мертвым», а вполне «живым» языком, на котором он писал и читал, возможно, с самого детства. Поэтому формулы и топосы библейского или античного происхождения составляли естественную часть его привычного словаря, так же, как труды Отцов церкви и классики — привычный круг чтения.

Примечания

- ¹ См.: *Baronius Caesar. Annales Ecclesiastici*, Bar-le-Duc, 1868. Vol. XV. P. 467.
- ² См.: *Werner K.F. Les origines: Avant l'an mil*. P., 1984, P. 487—488. Об изучении этого периода во французской историографии раннего Нового времени см. также: *McKitterick R. The Study of Frankish History in France and Germany in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // McKitterick R. The Frankish Kings and Culture in Early Middle Ages*. Aldershot, Brookfield, 1995.
- ³ *McKitterick R. The Study...* P. 560.
- ⁴ Хотя известно, что Иоганн Тритемий пользовался этой рукописью и даже оставил на ней свои пометки.
- ⁵ Эта проблема была, в целом, разрешена к концу XIX в., когда Н.М. Бубнов (Сборник писем Герберта как исторический источник: Критическая монография по рукописям. СПб., 1888—1890 Ч. 1—2) и Ж. Аве (*Les lettres de Gerbert / Ed. par J. Havet*. P., 1889) независимо друг от друга пришли к выводу, что порядок писем в рукописях приблизительно соответствует хронологическому, т.к. все они восходят к сборнику («черновой тетради», по мнению Н.М. Бубнова), составленному лично Гербертом. О проведенных ими исследованиях см. также: *Lot F. Étude sur le recueil des lettres de Gerbert // Recueil des travaux historiques de F. Lot...*
- ⁶ *Veizin J. La production et la circulation des livres dans l'Europe du Xe siècle // Gerbert l'Européen: Actes de colloque d'Aurillac, 4—7 juin 1996*. Aurillac, 1997, P. 217.
- ⁷ *Contreni J.J. The Tenth Century...* P. 380.
- ⁸ *Lopez R.S. Still Another Renaissance? // The American Historical Review*. 1951. Vol. 57. № 1. P. 2.
- ⁹ Хотя, к примеру, К. Лутц, в принципе не разделяющая взглядов Р. Лопеза, не оспаривает значения деятельности монахов-учителей X столетия. См.: *Lutz C.E. Schoolmasters of the Tenth Century*. Hampden, 1977.
- ¹⁰ *Riché P. Ecoles et enseignement dans le Haut Moyen Âge: Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du V-e siècle au milieu du XI-e siècle*. P., 1979, P. 120.
- ¹¹ *Riché P. La "renaissance" intellectuelle du X-e siècle en Occident // Cahiers d'Histoire*. 1976. T. XXI. P. 30.
- ¹² См., например: *Werner K.F. Les origines...* P. 490—491.

- ¹³ *Gibson M.* The Continuity of Learning circa 850—circa 1050 // *Viator*. 1975. T. 6. P. 1.
- ¹⁴ *Tiliette J.-Y.* Le X-e siècle dans l'histoire de la littérature // *Religion et culture...* P. 94.
- ¹⁵ *Tiliette J.-Y.* La poésie métrique latine: Ateliers et genres // *Religion et culture...* P. 108.
- ¹⁶ См. карту центров образования во Франции X—середины XI в.: *Riché P.* Ecoles et enseignement... P. 138—139.
- ¹⁷ Школа в Шартре была центром изучения медицины. См. о ней: *Clerval A.* Les écoles de Chartres au Moyen Âge, du V-e au XVI-e siècle. P., 1895. См. также: *Crombie A.C.* Augustine to Galileo. Vol. 1. P. 223.
- ¹⁸ *Flodoardus.* Historiae ecclesiae remensis libri quatuor. IV. 9.
- ¹⁹ См.: *Allen R.* Gerbert, pope Silvester II // *The English Historical Review*. 1892. Vol. VII. № XVIII. P. 626. О реформах Адальберона см. также: *Barral i Altet X.* Les moines, les évêques et l'art // *Religion et culture autour de l'an mil: Royaume capétien et Lotaringie*. Metz, 1990.
- ²⁰ «Чтобы все отвечало его благородным намерениям, он всячески старался как следует наставить сынов своей церкви в свободных искусствах», — пишет о нем Рихер. См.: *Richerus.* Historiarum libri quatuor. III. 42.
- ²¹ В Испании у него была возможность в какой-то степени познакомиться и с арабской наукой; известно, по крайней мере, что Герберт при расчетах пользовался арабскими, а не римскими цифрами. Позднее сложилась легенда о том, что Герберт побывал не только в христианской части Испании, но и в арабской Кордове, где учился у мусульман. О пребывании Герберта в Испании см.: *Zimmermann M.* La Catalogne de Gerbert // *Gerbert l'Européen...*
- ²² Герберт при первой встрече с императором сказал ему, что «он достаточно хорошо знает математику, но желает еще изучить науку логику» (См.: *Richerus.* Historiarum libri... III. 44), поэтому приезд Геранна оказался для него очень кстати. Рихер сообщает также, что Герберт обучал Геранна математике (*Ibid.* III. 45).
- ²³ Л. Тейс предполагает даже, что знаменитая речь Адальберона в поддержку Гуго Капета на собрании в Санлисе была составлена Гербертом, хотя существуют большие сомнения в том, что Рихер, который приводит эту речь (IV, 11), не сочинил ее сам. См.: *Theis L.* L'avenement d'Hugues Capet: 3 juillet 987. P., 1984. P. 16.

- ²⁴ Вероятно, в данном случае низкое происхождение Герберта, скорее, привлекало Гуго Капета, потому что родственные связи его знатного предшественника, знатного Арнульфа, оказались опасными для новой династии.
- ²⁵ *Richerus. Historiarum libri...* III. 55—65.
- ²⁶ Сам автор оценивал современное ему состояние этой проблемы следующим образом: «В конце концов получается такая путаница, в которой разобраться в высшей степени трудно, и человек, прочитавший все посвященные этому предмету сочинения, приходит мало-помалу к убеждению, что вопрос о хронологии писем Герберта допускает лишь условное решение». См.: *Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта...* Ч.1. С. XIII.
- ²⁷ Х. Лэттин предположила, что Рихер был при Герберте таким же секретарем, как сам Герберт — при Адальбероне, и что именно он составил один из сборников писем Герберта. См.: *Lattin H.P. The Letters of Gerbert...* P. 30.
- ²⁸ *Ademarus. Historiarum libri tres.* III. 31.
- ²⁹ *Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis libri quinque.* I. IV.
- ³⁰ *Gerbertus. Epistolae.* 7.
- ³¹ Соответственно: *Ibid.* 24, 148, 40, 8.
- ³² *Gasc H. Gerbert et la pédagogie des arts liberaux à la fin du dixième siècle // Journal of Medieval History.* 1986. Т. 12. № 2. P. 114. П. Рише дополняет этот список: среди книг, которые Герберт передал Оттону III, он называет какие-то труды Иоанна Скотта Эриугены, Августина, Исидора Севильского, а также рукопись сочинения Рихера. См.: *Riché P. De la Haute Époque à l'expansion du réseau monastique // Histoire des bibliothèques françaises.* P., 1989. Т. 1. P. 22. О преподавании Герберта в Реймсе и возможном списке книг, на которые он опирался, см. также: *Lake J. Gerbert of Aurillac and the Study of Rhetoric in Tenth Century Rheims // The Journal of Medieval Latin.* 2013. Т. 23.
- ³³ *Darlington O.G. Gerbert, the Teacher // The American Historical Review.* 1947. Т. 52. № 3. P. 457.
- ³⁴ *Richerus. Historiarum libri...* III. 47, 48.
- ³⁵ «Этот прибор позволял делить и умножать множество чисел так быстро, что об их количестве можно скорее помыслить, чем передать словами» // *Ibid.* III. 54.
- ³⁶ *Ibid.* III. 50—53.
- ³⁷ *Lattin H.P. Astronomy: Our Views and Theirs // Medievalia et Humanistica,* 1955. № IX. P. 15.
- ³⁸ *Gerbertus. Epistolae.* 148.
- ³⁹ *Ibid.* 9.

- ⁴⁰ Mackinney L.C. Early Medieval Medicine with Special Reference to France and Chartres. Baltimore, 1937. P. 120.
- ⁴¹ Н.М. Бубнов приводит фрагмент из ответа папского легата Льва на сомнения Герберта в достаточной образованности римского духовенства и лично понтифика, высказанные им в «Реймском соборе»: «Викарии Петра и его ученики не желают иметь учителями ни Платона, ни Вергилия, ни Теренция, ни остальных скотов философов <...> Вы говорите, что тех, кто не пропитан всем этим нечистым знанием, нельзя делать даже и привратниками. Знайте же, что те, кто это сказал, лгут» // Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта... Ч. 2. Отд. II. С. 763.
- ⁴² Darlington O.G. Gerbert, the Teacher... P. 476.
- ⁴³ О библиотеке и работе скриптория этого монастыря см.: Mostert M. La bibliothèque de Fleury-sur-Loire // Religion et culture...
- ⁴⁴ Riché P. Ecoles et enseignement... P. 123.
- ⁴⁵ Abbo abbas Floriacensis. Epistolae // PL. T. 139.
- ⁴⁶ Aimoinus. Vita vel martirius s. Abboni abbati Floriacensis, I // PL. T. 139. Здесь же Аймоин упоминает имена родственников матери Аббона, которые тоже были монахами во Флери — Гунбольд и Кристиан.
- ⁴⁷ Ibid. III.
- ⁴⁸ Quaestiones grammaticales, De gestis romanorum pontificum, Praefatio commentarii in cyclum Victorii, In circulis R. Cyrilli et Dionisii Romani ac Bedae // PL. T. 139.
- ⁴⁹ Aimoinus monachus Floriacensis. Vita vel martirius... III.
- ⁵⁰ Vita S. Eadmundi, regis anglorum et martiris // PL. T. 139.
- ⁵¹ Ebert A. Histoire générale de la littérature du Moyen Âge en Occident. P., 1889. P. 424.
- ⁵² Aimoinus. Vita vel martirius... VI.
- ⁵³ Mostert M. The Political Theology of Abbo of Fleury. Hilversum, 1987. P. 32.
- ⁵⁴ Riché P. Ecoles et enseignement... P. 144. Ранее ту же точку зрения на мотивы поведения Аббона высказывал и Ж.-Ф. Лемаринье. См.: Lemaignier J.-F. Structures monastiques et structures politiques dans la France de la fin du X-e et des débuts du XI-e siècle // Il monachesimo nell'alto medioevo e la formazione della civiltà occidentale. Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'alto medioevo, IV. Spoleto. 1957. P. 384.
- ⁵⁵ Аббон даже ездил в Рим хлопотать перед папой за Арнульфа. См.: Aimoinus. Vita vel martirius... XI.
- ⁵⁶ См.: Gerbertus. Epistolae. 100.

- ⁵⁷ *Richerus. Historiarum libri...* IV. 66.
- ⁵⁸ *Ibid.* IV. 67.
- ⁵⁹ См.: *Aimoinus. Vita vel martirius...* XX.
- ⁶⁰ *Mostert M. The Political Theology...* P. 30.
- ⁶¹ *Saint Mesmin-de-Micy* недалеко от Орлеана. О школе этого монастыря см.: *Vulliez Ch. Les centres de culture de l'Orléanais — Fleury, Micy-Saint-Mesmin, Orléans et leur rayonnement aux alentours de l'an mil // Religion et culture...* P. 126.
- ⁶² *Riché P. Ecoles et enseignement...* P. 145.
- ⁶³ Летальд также является автором комической поэмы “*De quodam piscatore quem ballenam absorbit*”. См. о ней: *Ziolkowski J. Folklore and Learned Lore in Laetaldus Whale Poem // Viator. 1984. Vol. XV. О Летальде см. также: Vulliez Ch. Le miracle et son approche...* P. 99.
- ⁶⁴ *Abbo abbas Floriacensis. Epistolae.* XI.
- ⁶⁵ *Riché P. Ecoles et enseignement...* P. 185.
- ⁶⁶ См.: *Thompson J.W. A History of the Historical Writing. N.Y., 1942. P. 224.* В это время «на севере и северо-востоке мы обнаруживаем анналы и хроники, но мало документов. На юге мы находим документы, но очень мало анналов».
- ⁶⁷ См.: *Werner K. F. Les origines: Avant l'an mil. P., 1984, P. 278—279.* Данный перечень был составлен К. Остерле для немецкой средневековой историографии более позднего периода, но, по мнению К. Вернера, он применим и к французским авторам. См.: *Oesterle K. Studien zu Rahewin. Karlsruhe. 1964.*
- ⁶⁸ *Richerus. Historiarum libri...* II. 87—90.
- ⁶⁹ *Ibid.* III. 7—9.
- ⁷⁰ *Flodoardus. Annales.* 949, 956.
- ⁷¹ «Возможно», поскольку автор, очень подробно рассказавший о преподавании Герберта в Реймсе, ни разу не назвал себя в числе его учеников, а при том уважении, которое Рихер явно питал к Герберту, он должен был бы гордиться таким учителем и не стал бы этого скрывать.
- ⁷² *Richerus. Historiarum libri...* IV. 50. Херибранд, с которым Рихер поддерживал связь и до поездки, был хорошо осведомлен в медицине, причем не только теоретической, но и практической. «От него, столь искусного в этой науке, не укрылись тайны врачевания с помощью фармацевтики, ботаники и хирургии», — пишет о нем Рихер.
- ⁷³ *Ibid.* III. 109.
- ⁷⁴ *Mackinney L.C. Tenth Century Medicine: Classicism and Pragmatism // Medievalia et Humanistica. 1955. № IX. P. 12.*

- ⁷⁵ *Fulbertus Carnotensis episcopus. Epistolae. II* (письмо датировано 1003 г.). Ф. Ло полагал, что этот Рихер вполне мог быть нашим автором. См.: *Lauer Ph. Le règne de Louis IV d'Outremer. P., 1900. P. XI.*
- ⁷⁶ На словаре автора вообще сказалось увлечение античной литературой: в событиях X в. участвуют «центурионы», «клиенты» и даже «гладиатор», а феодальные войска подразделяются на легионы и когорты.
- ⁷⁷ *Ibid. I. 3.*
- ⁷⁸ *Ibid. I. 37; III. 98.*
- ⁷⁹ Ср.: *Ibid. IV. 2; Югуртинская война. XIV.*
- ⁸⁰ *Richerus. Historiarum libri... III. 73; Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины. XX.*
- ⁸¹ *Richerus. Historiarum libri... I. 14. 35.*
- ⁸² *Ibid. II. 2; IV. 11.*
- ⁸³ *Ibid. IV. 51—73; Acta consilii remensis // MGH. SS. T. III.*
- ⁸⁴ *Ibid. Prologus.*
- ⁸⁵ *Flodoardus. Annales. 923.*
- ⁸⁶ *Richerus. Historiarum libri... I. 44—46.*
- ⁸⁷ *Flodoardus. Annales. 937.*
- ⁸⁸ *Richerus. Historiarum libri... II. 7.*
- ⁸⁹ *MGH. SS. T. III.*
- ⁹⁰ *Richerus. Historiarum libri... II. 30.*
- ⁹¹ *Ibid. IV. 50.*
- ⁹² Сочинение написано в прозе, однако дважды Рихер перешел на стихи: *Ibid. IV. 29, 47.*
- ⁹³ Аймоин пишет, что не присутствовал при самой смерти Аббона, поскольку вышел из помещения наружу, пытаясь усмирить дерущихся, но перед этим успел попрощаться с умирающим аббатом. См.: *Aimoinus. Vita vel martirius... XX.*
- ⁹⁴ *Aimoinus. Vita vel martirius... XVIII.*
- ⁹⁵ *Aimoinus. Historiae francorum libri quattuor. In librum de gestis francorum epistola.*
- ⁹⁶ *Ibid.*
- ⁹⁷ См.: *Thompson J.W. History of the Historical Writing... P. 226, a также: Bautier R.-H. L'historiographie en France aux X-e et XI-e siècles // La storiografia altomedievale. Settimane di studio... Vol. XVIII. № 2. P. 834.*
- ⁹⁸ *Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident medieval. P. 334.*
- ⁹⁹ «Я опасаясь, что частое повторение имени “Карл” и других имен <...> расстраивает внутренний порядок. Поэтому пусть

разумный читатель, встречая то и дело упоминания о Карлах и Людовиках, различает королей, носивших одинаковые имена, учитывая время, о котором пишет автор» // *Richerus. Historiarum libri... Prologus.*

¹⁰⁰*Aimoinus. Historia...; Epistola.*

¹⁰¹Ср.: *Гай Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. VI. 26—28; Aimoinus. Historia...; Situs Germaniae vel Galliae. I.*

¹⁰²*Ibid. VI. V.*

¹⁰³См.: *Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P. 49.* Кроме названных выше классиков, при написании этого труда использовались также сочинения Григория Турского, Фредегара, Павла Диакона, некоторые агиографические тексты.

¹⁰⁴*Aimoinus. Historia... III. XXXIII.*

¹⁰⁵*Gregorius Turonensis. Historia Francorum. V. 33, 41.*

¹⁰⁶*Ibid. V. 34—36.*

¹⁰⁷Ср.: *Ibid. II. 12; Fredegarii Scholastici chronica. III. 1; Aimoinus. Historia... I. VII.*

¹⁰⁸*Aimoinus. Historia... II. XIV; Ср.: Gregorius Turonensis. Historia... III. 27.*

¹⁰⁹*Aimoinus. Historia... II. XII. Ср.: Gregorius Turonensis. Historia... III. 17.*

¹¹⁰*Aimoinus. Historia... III. XXVI—XVI. Ср.: Gregorius Turonensis. Historia... V. 18.* Возможно, этот эпизод оказался столь важным для Аймоина, поскольку его наставник Аббон также находился в оппозиции королю при разборе дела низложенного архиепископа Арнульфа.

¹¹¹*Aimoinus. Historia...; Situs Germaniae... VIII.*

¹¹²*Ibid. II. III.*

¹¹³*Ibid. III. LXXXII.*

¹¹⁴*Ibid. III. LVII.*

¹¹⁵Похоже, автор вспомнил о внешней привлекательности Фредегонды только потому, что ему надо было объяснить привязанность к ней Хильперика.

¹¹⁶*Ibid. II. XVIII.*

¹¹⁷*Ibid. II. V.*

¹¹⁸*Ibid. II. I.*

¹¹⁹*Ibid. III. C.*

¹²⁰*Ibid. I. I; I. II.*

¹²¹*Ibid. Situs Germaniae... IV.*

¹²²Сочинение представляет собой сборник, состоящий из отдельных эпизодов, в числе которых обычный рассказ о чудес-

ном исцелении (II. IV), о том, как во время осады монастыря вражеское войско окутала тьма (II. V), о том, как конь сбросил человека, посягнувшего на монастырские земли (II. X) и т.д.; весьма интересно также описание мощного разлива Луары в 1003 году (II. IX).

¹²³Мощи Бенедикта Нурсийского были перенесены во Флери из разоренного Монте-Кассино.

¹²⁴Любопытно отметить, что в этом сочинении Аймоина и в одном из писем Аббона рассказывается одна и та же история о женщине, поклонявшейся Венере, и ее сыне. Возможно, Аймоин запомнил этот сюжет со слов Аббона. См.: *Aimoinus. Vita vel martirius... X*. Ср.: *Abbo abbas Floriacensis. Epistolae. X*.

¹²⁵Текст договора не сохранился, однако существует диплом Карла Простоватого от 918 г., в котором упоминается передача Роллону земель “pro tutela regni”. См.: *Yver J. Les premières institutions du duché de Normandie // I Normanni e la loro espansione in Europa nell'alto medioevo. Settimane di studio, XVI. Spoleto, 1969. P. 314.*

¹²⁶О присвоении Роллону герцогского титула ничего не известно; его сын, Вильгельм Длинный Меч, в современных ему документах именуется “marchio”. Кстати, так его называет и Дудон (*Epistola. Col. 612*).

¹²⁷*Dudo decanus S. Quintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum, Epistola panegyrica atque apologetica ratione transcurra // PL. T. 141. Col. 612.* Этот отрывок из сочинения Дудона позволяет сделать и выводы о времени его написания: Ричард умер в 996 г., следовательно, Дудон начал работу приблизительно в 994 г. Завершил он свой труд уже после 1015 г., поскольку только тогда стал деканом, как он называет себя в прологе.

¹²⁸*Ibid.*

¹²⁹См.: *Ibid. Col. 613—614.* Обращенное к нему стихотворение в прологе так и озаглавлено “Versus ad comitem Rodulfum, huius operis relatorem”.

¹³⁰Другие авторы о таком человеке не знали. Рихер пишет о вожде пиратов Катилле (Кетиле?), а Роллона называет его сыном. См.: *Richerus. Historiarum libri... I, 4, 9, 10, 28.*

¹³¹*Dudo decanus S. Quintini. De moribus... III. Col. 755—756.*

¹³²*Ibid. II. Col. 635.*

¹³³*Ibid. I. Col. 621.*

¹³⁴*Ibid. III. Col. 692, 711, 733, 736.*

¹³⁵*Ibid. II. Praefatio.*

¹³⁶*Ibid. Allocutio ad librum. Col. 613; II. Col. 686.*

- ¹³⁷Ibid. I. Col. 622.
- ¹³⁸Ibid. II. Col. 634.
- ¹³⁹Douglas D.C. Time and Hour. L., 1977. P. 95.
- ¹⁴⁰Searle E. Fact and Pattern in Heroic History: Dudo of Saint-Quentin // Viator. 1984. Vol. XV. P. 120—121.
- ¹⁴¹Ibid. P. 122.
- ¹⁴²Labande E.-R. L'Historiographie de la France de l'Ouest // La storiografia altomedievale. Settimane di studio... T. XVII. № 2. P. 759.
- ¹⁴³Dudo decanus S. Quintini. De moribus... I. Col. 621. Вслед за этим описываются бесчинства норманнов во Франции и особенно в округе Вермандуа, откуда автор, вероятно, был родом.
- ¹⁴⁴Этому вопросу посвящена статья: Carozzi C. Des Daces aux Normands. Le mythe et l'identification d'un peuple chez Dudon de Saint-Quentin // Peuples de Moyen Âge: Problèmes d'identification. Aix-en-Provence, 1996.
- ¹⁴⁵О Вильгельме и его смерти пишет и Рихер (*Richerus. Historiarum libri...* II. 13, 20, 28, 30—33); известна также анонимная «Жалоба» на его смерть, изданная в приложении к монографии: Lauer Ph. Le régime de Lois IV... P. 319—323.
- ¹⁴⁶Dudo decanus S. Quintini. De moribus... III. Col. 680—681.
- ¹⁴⁷Ibid. III. Col. 721.
- ¹⁴⁸Richerus. Historiarum libri... IV. 96. 97.
- ¹⁴⁹Это не означает, что они не пытались осмыслить причины исторических событий, однако они говорят, скорее, о побуждениях, толкнувших того или иного персонажа на определенный поступок (зависти, оскорбленной гордости, мстительности), нежели о воле Провидения.
- ¹⁵⁰Southern R.W. Aspects of the European Tradition of the Historical Writing, 1: The Classical Tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth // Transactions of the Royal Historical Society. 1970. Vol. XX. P. 178.
- ¹⁵¹Существует версия, что сохранившиеся об Адсоне сведения относятся не к одному, а к двум различным людям — тезкам (вторым мог быть Адсон, аббат Сен-Базля). Некоторые детали биографии Адсона вызывают определенные сомнения — он стал учителем в Туле слишком молодым (ему было около 24 лет), а в Иерусалим отправился в возрасте 80 лет. См.: Verhulst D. Adson de Montier-en Der // Religion et culture... P. 28.
- ¹⁵²Richerus. Historiarum libri... III. 57.
- ¹⁵³“Rumpe moras omnes” — цитата из Вергилия. См.: Энеида. IX. 13.
- ¹⁵⁴Трудно сказать, что подразумевается под этим названием. Может быть, Герберт отозвался столь сурово о монастыре Адсо-

на? Н.М. Бубнов предлагает переводить это выражение Герберта как «ад кромешный». См.: Сборник писем Герберта... Ч. 2. С. 372.

¹⁵⁵По всей вероятности, Адальберон Реймский.

¹⁵⁶*Gerbertus*. Epistolae. 81.

¹⁵⁷*Riché P.* La "Renaissance" intellectuelle du X-e siècle... P. 29—30.

¹⁵⁸Полный список книг см.: *Verhulst D.* Adson de Montier-en Der... P. 29—30.

¹⁵⁹*Ebert A.* Histoire générale de la littérature... P. 512.

¹⁶⁰Мы имеем возможность сопоставить рассказ о св. Базоле из «Истории Реймской церкви» Флодоарда с вариантом Адсона — последний отличается гораздо более продуманной организацией материала, красочностью и весьма изысканным слогом, свойственным и другим его произведениям. Ср.: *Flo-doardus*. *Historiae ecclesiae remensis*. II. 3; *Adso Dervensis abbas*. *Vita S. Basoli*... 23.

¹⁶¹*Adso Dervensis abbas*. *Vita S. Basoli*..., Praefatio.

¹⁶²*Idem*. *Vita S. Bercharii*. 9.

¹⁶³*Richerus*. *Historiarum libri*... IV. 96. 97.

¹⁶⁴Ж. Бедье указывает, что имя «Асцелин» стало и оставалось некоторое время типичным именем предателя, как «Ганелон», «Бурмонт» и «Иуда». См.: *Bedier J.* *Les légendes épiques*. P., 1908. T. 1. P. 254.

¹⁶⁵*Richerus*. *Historiarum libri*... IV. 20.

¹⁶⁶*Fulbertus Carnotensis episcopus*. Epistolae. IV. Отношение Герберта к Адальберону-Асцелину было более неоднозначным и менялось с течением времени от обращения "o felix et quondam dulcis amice" (Ep. 164) до довольно язвительного и даже грубого (ann. V к названному изданию).

¹⁶⁷ *Flodoardus canonicus Remensis*. *Historia remensis ecclesiae libri quattuor*; *Annales* // PL. T. 135. Особенно хорошо в сочинении Флодоарда освещены вторая половина IX в. и первая — X. Первая книга «Истории» посвящена событиям от основания Реймса до смерти св. Ремигия, вторая — реймским епископам до Гинкмара, третья — почти исключительно Гинкмару, а третья — периоду от смерти Гинкмара до правления Артольда. Это сочинение посвящено «архиепископу R», — вероятно, Артольду Реймскому, хотя на этот счет есть и другие мнения. См.: *Chatillon F.* *Pour une relecture de Flodoard* // *Revue du Moyen Âge Latin*. 1981. T. 37. P. XXV—XXVI.

¹⁶⁸*Flodoardus*. *Historia ecclesiae remensis*... I. 1—3.

- ¹⁶⁹*Einhardus*. B. Caroli magni imperatoris vita // PL. T. 97; Anonymi Vita Hludowici imperatoris // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Berlin, 1956. Bd. I; *Nithardus*. De dissensionibus filiorum Ludovici Pii libri quatuor // PL. T. 116.
- ¹⁷⁰*Ademarus S. Gibardi monachus*. Historiarum libri III // PL. T. 141. Там же опубликована его “Epistola de apostolatu Martialis”, которое мы также используем.
- ¹⁷¹*Rodulfus Glaber*. Historiarum sui temporis libri quinque. IV. 4 // PL. T. 142.
- ¹⁷²*Odo abbas Cluniacensis I*, De Vita S. Geraldi Auriliacensis comitis libri quattuor // PL. T. 133.
- ¹⁷³Vita Odonis abbatis Cluniacensis // PL. T. 133.
- ¹⁷⁴Liber miraculorum Sanctae Fidis / Ed. di L. Robertini. Spoleto, 1994.
- ¹⁷⁵Примером исследования такого рода может служить диссертационная работа А. Пеллисье. Он провел семантический анализ понимания слова “natura” в Древнем мире и в Средние века, что позволило ему выделить различные оттенки этого понимания и определить несколько основных его типов, несхожих между собой. См.: *Pellicer A. Natura. Étude sémantique et historique du mot latin*. Thèse pour le Doctorat. P., 1966.
- ¹⁷⁶*Stock B. The Implication of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Princeton, 1983. P. 7.
- ¹⁷⁷*Ibid.* P. 90—91.
- ¹⁷⁸*Ibid.* P. 31.
- ¹⁷⁹*Ibid.* P. 522.
- ¹⁸⁰*Carruters M. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge, 1993. P. 12.
- ¹⁸¹М. Каррутерс указывает, что едва ли не основным предназначением литературы в Средние века считалось сохранение знаний, сохранение памяти о прошлом и настоящем, именно сохранение, а не интерпретация. Поэтому способность запоминать большой объем информации и быстро находить нужную цитату была так же необходима средневековому писателю, как и владение литературной латынью. См.: *Ibid.* P. 9.
- ¹⁸²*Le Goff J. Les trois fonctions indo-européennes, l'histoire et l'Europe féodale // Annales: É.S.C.* 1979. T. 34. № 6. P. 1188.
- ¹⁸³*Carruters M. The Book of Memory...* P. 13.

Глава II
“Natura”
и ее свойства

Необходимость дать четкое определение понятия «природа» ставит нас перед целым комплексом проблем. Трудно найти другой термин, обладающий столь же богатым набором значений и смысловых оттенков. Не легко и назвать иное понятие, порождающее такой же обширный круг вопросов. На протяжении всей своей истории человек то боролся с природой — с природой вокруг себя и с природным началом в себе, то предпринимал попытки научиться жить в гармонии с ней. Вопрос о том, является ли природа для человека источником блага или зла, и, соответственно, о том, как должны строиться их взаимоотношения (и может ли в этом случае идти речь именно о взаимоотношениях) был и остается для человека одним из важнейших. Ставили его перед собой и люди X столетия.

Однако нас сейчас интересует далеко не весь спектр проблем, связанных с отношениями человека и природы, и не все возможные значения самого слова, а лишь те, которые, судя по всему, были привычными для наших авторов или же более всего их занимали. На формирование их представлений о природе неизбежно должны были оказать влияние две традиции — христианская с ее идеей о переменчивости природы в противоположность создавшему ее Богу, и воспринятая в школе греко-римская, с ее теорией определенной самостоятельности природы и глубоким интересом к причинам всех природных явлений.

Природа — «вселенная», «мир»

В классической латыни слово «природа» — “natura” «оказывается в определенной степени синонимом слов и выражений, обозначающих общность всего сущего, в том числе — синонимом понятий “вселенная” и “мир”»¹, однако для указания на место обитания смертных авторы X в. обычно употребляют другие термины, которые имеют и другие значения. Среди них слово «мир» — “mundus”. Так, Рихер, рассказывая о деятельности Герберта в реймской школе, пишет, что тот «давал уроки по сверкающим звездам и побуждал учеников наблюдать за их перемещением в различных частях света» (“in mundi regionibus”)². Дудон, употребляя два слова (“*paux*” и “*mundus*”), переводимые на современный русский язык одним и тем же словом — «мир», приводит выражение «посев тихого мира на перекрестках мира»³. Но слово “*mundus*” может обозначать и сообщество людей, толпу, а производные от него прилагательные получают значение «мирской», «суетный». Адсон говорит, что Господь отправил св. Базола в путь, «чтобы еще шире возвестить миру»⁴, Дудон пишет, что герцог Вильгельм Длинный Меч «твердо избегал мирского блеска»⁵, Адальберон-Асцелин Ланский употребляет выражение «мирская грязь»⁶, а Аймоин утверждает, что «тот, кто пребудет бессмертным, лучше всякого мирского государя»⁷.

Авторы используют и чисто географическое выражение «круг земель» — “*orbis terrarium*”. «Тот, кто воздвиг мир и приводит в движение необъятный круг земель», — говорит Дудон о Боге⁸. Королева Базина у Аймоина надеется, что сможет оказаться полезной

Хильдерику “in finibus orbis”⁹. Рихер начинает свое повествование с описания разделения мира: “Orbis itaque plaga, quae mortalibus sese commodam praebet, a cosmographis trifariam dividi perhibetur...”¹⁰. Наконец, один из персонажей Дудона грозит стереть своих врагов и их потомство с лица земли — “a facie terrae”¹¹. Но слово “orbis” может означать не только мир в его географическом понимании, но и всех людей, обитающих в нем. Упомянув Григория Турского, Аймоин называет его “vir toto venerabilis orbe”¹²; схожее выражении он использует и говоря о св. Бенедикте (“toto orbe venerabilis vita et nomine Benedictus”)¹³.

«Природа вещей»

Перейдем теперь непосредственно к слову «природа» и к его пониманию авторами интересующей нас эпохи. Их отличала известная склонность к изучению окружающего мира, его устройства, причин и сути всего сущего — «природы вещей». Герберт, преподавая в реймской школе, затрагивал и этот круг вопросов¹⁴, но в целом в сочинениях наших авторов данная тема отражена очень слабо. Аймоин в своем навеянном «Записками о Галльской войне» Цезаря описании Германии и Галии рассказывает, что друиды «обсуждают и передают молодежи многое о светилах и их движении, о мире и величине земли, о природе вещей, о силе и могуществе бессмертных богов»¹⁵. Аббон Флерийский в одном из своих писем рассуждает следующим образом: «Когда кто-либо вопрошает о чем-нибудь из природы вещей — есть ли оно, что оно есть, почему есть и каким образом есть <...> очевид-

но, что никто не спрашивает о совсем неизвестных вещах. Но философия упражняется и в том, чего нет, так что от нее не укроется ничего из природы и ничего из морали...»¹⁶. Однако подобного рода упоминания редки и, как следует из приведенных выше цитат, вполне заслуживают названия «вторичных» по отношению к римским источникам.

Природа – «свойство», «естество»

Слово «природа» использовалось и для того, чтобы обозначить окружающий человека мир, но в строго определенных ситуациях. Одним из подобных случаев является описание климата и происходящих с ним сезонных перемен. «Благочестивый порыв толкает меня к вам, но препятствует природная необходимость (*naturae necessitas*), связавшая все своим законом, и свойства итальянского климата оказались в противоречии со свойствами моего тела» — читаем мы в одном из писем Герберта, написанном от лица Оттона III¹⁷, изменение природы как смена времени года или изменение погоды фигурирует и еще в одном письме Герберта, на сей раз — в аллегорическом смысле¹⁸. Рихер же рассказывает о болезни Лотаря следующее: «Когда теплая весна посетила охваченную холодом землю, король захворал в Лане из-за естественного изменения температуры (*pro rerum naturae inmutato aere*)»¹⁹. Однако случаи подобного употребления слова “*natura*” достаточно редки. Отметим также, что природа в указанных отрывках не подменяет собой погоду или время года, но, скорее, обуславливает их чередование, являясь причиной глобаль-

ных перемен, которые невозможно преодолеть, им остается лишь подчиняться.

Следовательно, слово «природа» может не только указывать на обширную и несколько туманную сферу интересов ученых мужей, но и употребляться в значении «естество» или «свойство», «особенность». «Одинакова природа самцов и самок», — пишет Аймоин в упомянутом описании Германии и Галлии²⁰ (эта фраза тоже заимствована у Цезаря²¹). Адсон говорит о собаках, что они «жадные от природы»²². “Natura” определяет также свойства стихий, по крайней мере, Рауль Глабер, характеризуя извержение вулкана и говоря о реакции воздуха на огненный поток, пишет, что «из-за его двойственной природы, состоящей из влаги и тепла, он часто приходит в движение и вспыхивает сухим пламенем, или превращается во влажную изморозь»²³. Адсон упоминает «воды, горячие от природы» (горячий источник)²⁴. Уместно вспомнить рассуждение Беды Достопочтенного о происхождении названия Красного моря: «Красное море называется так из-за своего розово-красного цвета, который, однако, присущ ему не от природы — вода его окрасилась так из-за соседних берегов кроваво-красного цвета»²⁵. Природа является источником качеств явлений и живых существ, изначально присущих им, а не приобретенных.

Оттенок необходимости, заданности присутствует и в более распространенном случае использования слова «природа» — при описании особенностей нрава отдельного человека или целого народа. Рассказывая о жителях Галлии, Рихер говорит, в частности, что «аквитаны действуют сторяча и очень прожорливы, но этого требует их природа», сообщая затем, что

все упомянутые им народы «по природе свирепы»²⁶. Повествуя о горе бедняка, ставшего жертвой воров, Адсон пишет: «С возмущенной душой, поскольку такова природа скоттов, он в горести бросился к могиле святого»²⁷. Природа определяет физические качества человека — Адсон рассказывает об исцеленном св. Базолом слепом мальчике, «которому из-за его природы были неведомы земля и небо, разве то, что он мог постичь на слух либо прикосновением»²⁸; Аймоин сообщает, что «природа одарила» сына герцога Гизульфа блестящими глазами и светлыми волосами²⁹. Интересующее нас слово фигурирует у Аймоина и в совсем приниженном контексте — «природная надобность»³⁰, а у Рауля Глабера демон вселяется в тело спящего человека “*per secreta naturae*”³¹: таким образом, слово “*natura*” обозначает также вещи «стыдные», не вполне пристойные, позволяя авторам говорить о них в более благозвучном тоне.

Но и душевные свойства закладываются в человеке природой. Рауль Глабер пишет об особом расположении Бога к тем, «кто по простоте своей природы познает своего Создателя через любовь»³². «Вы презрели короля из вашего рода, который от природы милостив», — упрекает у Аймоина франков Эгидий³³. У него же Хлотарь говорит о себе, что он «от природы преисполнен благочестия»³⁴. Адсон сообщает, что дьявол любит смущать «души от природы трусливых» людей³⁵. Природой закладываются и способности человека: Рихер говорит, что врач из Салерно «обладал природными способностями и большим опытом» (“*ex ingenio naturae multam in rebus experientiam habebat*”)³⁶. В письме к Эдберту Трирскому Герберт пишет: «Нас многое объединяет — и природ-

ное сходство, и привязанность»³⁷. Наконец, природа определяет черты, свойственные не только человеку, но и всему живому вообще. По словам Адсона, вепрь, преследуемый охотниками, бросился искать защиты у св. Базола, «поскольку в природе всех живых существ бояться смерти»³⁸.

«Закон природы» – родственные связи

К сфере воздействия природы относятся и родственные отношения. В «Истории франков» Аймоина королева Клотильда просит своих сыновей пощадить ее внуков, «полагая, что они воздержатся от подобного злодеяния, смягченные природной любовью». Ее уговоры подействовали на одного из сыновей, Хлотаря. «Растроганный, он стал молить брата о милосердии, чтобы тот умерил гнев, обратившись к природе, и пощадил племянников, поставив над гневом закон природы»³⁹ (этот эпизод заимствован у Григория Турского⁴⁰, но все рассуждения о «законе природы» привнесены Аймоином). Несколько ранее Аймоин рассказывал о том, как «Теодорика и Хильдеберта, которых объединяла природа, разделил раздор»⁴¹, а далее мы читаем у него призыв, обращенный к подобным же образом враждующим братьям: «Вы же, добрые сыновья, подумайте сперва о природной совести, милостью которой связаны даже животные, и останьтесь братьями»⁴². Наконец, у того же автора мы находим весьма примечательную молитву, с которой королева Клотильда, измученная бесконечными усами своих сыновей, обращается к Богу: «О добрый Иисус, Ты, Кто объединяет святым союзом

беспорядочный бег стихий, заставь объединиться в мире братьев, оскорбляющих закон природы дурным раздором <...> Ты, Всемогущий Отец, Движитель и Судия природы...»⁴³. Этот фрагмент позволяет нам перейти к вопросу о том, что определяет саму природу, будь то природа человека, или природа как окружающий мир.

Бог, природа и человек

Подобно королеве Клотильде и в полном соответствии с библейской традицией, ученый епископ Лана Адальберон-Асцелин в «Песне к королю Роберту» также говорит о том, что Бог создал мир и все в нем⁴⁴; все сущее, люди, животные и стихии повинуются Его власти, схожее утверждение Дудона приводилось выше. Однако этим круг вопросов, интересующих наших авторов, не ограничивается.

Епископ Фульберт Шартрский в одном из своих писем затрагивает вопрос о природе Христа и о ее подобии природе человека. Фульберт говорит о двойственности природы Христа — «одно есть рождение или природа, в которой “родился от жены, подчинился закону”⁴⁵, другое же начало — у Бога <...> Он оставил несмешанной истинность обеих природ, потому что особое единство в их разделении»⁴⁶. Человек также может быть причастным обеим природам. Он «от рождения принимает неотделимую природу нашей плоти и присоединяет природу своей плоти к вечной природе»⁴⁷. «Сколько природ дано человеку — полагаю, две»⁴⁸, «другая природа — преславная воля Бога»⁴⁹, — говорит и Адальберон-Асцелин, поясняя, в

чем заключается различие. «Природа Бога — Бог, а у человека — не так. Если Он истинно есть Бог, Он неизменен»⁵⁰. Все же, что заключает в себе первая природа, подвержено переменам⁵¹. Это непостоянство и служит одним из наиболее важных признаков всего сотворенного. «Вот земля и небо; они кричат о том, что созданы, ибо они меняются и облик их различен. В том же, что не сотворено, и, однако, существует, в том нет ничего, чего не было бы раньше, т.е. нет изменения и различия», — говорит Аврелий Августин в «Исповеди»⁵².

Однако отличие человека от животных и неживой природы состоит как в возможности приобщиться к «наилучшей природе» (по выражению Фульберта Шартрского⁵³), так и в его способности осознать свою принадлежность к обеим природам. «Перепуганный осленок дичает, избегая природы <...>, ему известно только то, что касается его тела, и от природы он никогда не получит другого»⁵⁴, — пишет Адальберон-Асцелин. Эти скудные сведения как будто согласуются с рассуждением Боэция: «Положение, уготованное человеку природой, таково, что лишь тогда человек отличается от всех прочих вещей, когда познает себя, и он же опускается ниже животного, если перестает осознавать свое предназначение. Если для других животных не знать самого себя соответствует их природе, то у людей это — следствие развращенности»⁵⁵.

Можно добавить также, что Адсон говорит еще и о «природе могущества» Антихриста, а также о том, что тот способен заставить природу меняться на разные лады, чтобы запугать людей⁵⁶. Однако в отличие от Христа с Его неизменной природой, и от человека, природе которого свойственна двойственность, Ан-

тихристу присуща только одна низменная природа, поскольку он «родился от связи отца с матерью, как другие люди»⁵⁷, но не в состоянии стать причастным к вечной божественной природе.

Сведя воедино все оттенки значения слова «природа» в наших источниках, мы получим следующую картину: все, что относится к природе, является внешним по отношению к человеку, существует помимо его воли и не испытывает на себе его влияния, хотя оказывает на него свое воздействие. Природа может быть двух видов, но в любом качестве она оказывается чем-то заранее заданным, авторам известно даже понятие «закон природы». Правда, действию «закона природы» подчиняются в первую очередь родственные отношения — родство ставится выше личных амбиций, ради родичей человек должен поступаться собственными интересами⁵⁸. Характер и особенности поведения жителей Галлии у Рихера также определяются их «природой», т.е. тем, что они родились именно в этом племени и именно в этих краях⁵⁹. Человек «принимает природу сразу, как рождается на свет»⁶⁰. Можно сказать, что значение слова «природа» оказывается во многих случаях близким к понятию «рождение», обозначает врожденные свойства человека или народа или обстоятельства, сопутствующие рождению. Рассуждения о двойственности природы человека тоже в известном смысле относятся к данной области. Близко к этому и понимание природы как свойства, соответствующего определенному возрасту — Адальберон-Асцелин в таком смысле употребляет выражение «природа старости»⁶¹, а Адсон, рассказывая о маленьком сыне короля-язычника, говорит, что тот «поступал, как велела природа

его нежного возраста»⁶². Природа определяет и кончину человека — король Лотарь, по словам Рихера, «ослабев, уступил природе»⁶³.

Однако мы уже упоминали и о существовании другой сферы действия природы и ее законов — о климате и погоде, хотя в таком контексте слово «природа» встречается гораздо реже: в одном из писем Герберта, и однажды — у Рихера⁶⁴. В этом случае мы также можем говорить о природе как о чем-то неподвластном влиянию человека, данности, с которой можно только смириться.

Наконец, существует еще и «природа вещей», учение о происхождении и причинах всего сущего, учение о мире. В сочинении Рихера об изучении «природы вещей» говорится в связи с уроками астрономии, которые давал Герберт, так что светила, их расположение и передвижение по небосводу включаются в окружающий мир и, как и он, подчиняются действию закона природы. Можно понимать природу и как первопричину всего, в том числе и как причину, определяющую поступки человека, помогающую ему ориентироваться в мире — «природа заставляет верить, что подобное не здраво», — пишет Адальберон-Асцелин⁶⁵.

Общим для всех этих значений является оттенок независимости от воли человека, внешний характер по отношению к нему. Кроме того, «латинское слово почти никогда не применялось к вещественным и сложным объектам, которые явно были творением рук человеческих»⁶⁶. Хотя в сочинениях X в. и встречаются (как мы покажем далее) эпизоды, рассказывающие, например, о вырубке леса или об осушении болот, однако эти действия, видимо, не осознаются

как борьба человека с природой; напротив, природа, похоже, всегда сильнее человека, но отношения между ними не являются конфликтными. Природа, сотворенная Богом, скорее определяет существующий в мире порядок вещей⁶⁷, которому человеку придется подчиняться, поскольку и он сам — часть этого мира и творение Божье.

Однако для человека, выдающегося своими добродетелями, избранного Богом, подобно королю Роберту в сочинении Адальберона-Асцелина, оказывается возможным в чем-то преодолеть действие законов природы. «То, в чем отказала природа, явила мудрость», — пишет он о здравомыслящем не по летам короле⁶⁸. Подобным же образом Адсон утверждает, что у св. Мансуэта «небесное вдохновение руководило природными дарованиями»⁶⁹.

Подводя итог, можно сказать, что хотя французским ученым клирикам X в. и было известно слово «природа», оно не относилось к числу самых употребительных. Более того, их толкование данного понятия неоригинально, оно практически во всех случаях навеяно литературой предшествующих веков. В школах этого времени уделяется некоторое внимание изучению природы, но наших авторов сам вопрос не слишком занимает, мы не находим у них описания устройства мироздания и управляющих им законов. Наиболее часто природа понимается как начало, определяющее качества человека, его образ жизни и родственные связи. У двух авторов — Фульберта Шартрского и Адальберона-Асцелина Ланского — встречаются также рассуждения о природе человека и природе Бога, впрочем, достаточно банальные. Причастность человека к природе подразумевает его

связь с окружающим миром — природа находится и вне, и внутри человека. Эта общность с миром дает ему силы жить в нем, но и порождает в человеке свойства, мешающие ему приблизиться к божественной природе. Однако все возможные трактовки понятия «природа» еще не оформились в целостный комплекс представлений об окружающем мире и действующих в нем причинах, они слишком фрагментарны. Это объясняется, как уровнем развития естественных наук в то время, так и тем, что жанр исторического сочинения или жития святого не позволял авторам уделять много внимания подобным отвлеченным материям. Наконец, даже если слово «природа» встречается в текстах X в. не слишком часто, из этого не следует, что их авторы не замечали природу вокруг себя: говоря об окружающем их мире, небесах, морях, лесах и животных, они просто обходятся без этого понятия.

Примечания

- ¹ См.: *Pellicer A. Natura. Étude sémantique et historique du mot latin. P., 1966. P. 243.*
- ² *Richerus. Historiarum libri... III. 50.*
- ³ “*Tranquillamque satus pacem per compita mundi*” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus... III. Col. 674.*
- ⁴ *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli... 8.*
- ⁵ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus... III. Col. 658.*
- ⁶ *Adalbero Laudunensis episcopus. Carmen ad Rotbertum regem. 246.*
- ⁷ *Aimoinus. Historia... II. XXXVII.*
- ⁸ “*Mundi altor et actor enormis orbis terrestris*” // *Dudo decanus S. Quintini. Versus ad Rotbertum archiepiscopum. Col. 619.*
- ⁹ *Aimoinus. Historia... I. VIII.*
- ¹⁰ *Richerus. Historiarum libri... I. 1.*
- ¹¹ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus... III. Col. 666.*
- ¹² *Aimoinus. Historia... II. XXII.*

- ¹³ Ibid. I. XXIV.
- ¹⁴ Richerus. Historiarum libri... III. 50.
- ¹⁵ Aimoinus. Situs Germaniae... V. Этот фрагмент является цитатой из «Записок о Галльской войне» Цезаря (VI. 14).
- ¹⁶ Abbo abbas Floriacensis. Epistolae. X.
- ¹⁷ Gerbertus. Epistolae. 162.
- ¹⁸ Ibid. 189.
- ¹⁹ Richerus. Historiarum libri... III. 109.
- ²⁰ Aimoinus. Historia...; Situs Germaniae... I.
- ²¹ См.: Caesar. Commentarii de bello Gallico. VI. 26.
- ²² Adso Dervensis abbas. Libellus de translatio et miraculis S. Basoli. XI.
- ²³ Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis... II. VII.
- ²⁴ Adso Dervensis abbas. Vita S Bercharii. 6.
- ²⁵ Beda Venerabilis. De rerum natura. 42. Цитируется по изданию: Беда Достопочтенный. Книга о природе вещей / Пер. и комм. Т.Ю. Бородай // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1988. № 1. С. 42.
- ²⁶ Richerus. Historiarum libri... I. 3. По поводу прожорливости аквитанцев автор приводит цитату из Сульпиция: “Edacitas in Graecis gula est, in Gallis — natura”.
- ²⁷ Adso Dervensis abbas. Vita S. Mansueti. I. XIV.
- ²⁸ Idem. Vita S. Basoli... 21.
- ²⁹ Aimoinus. Historia... IV. V.
- ³⁰ См.: Ibid. I. XX.
- ³¹ Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis... II, XI.
- ³² Ibid. I. I.
- ³³ Aimoinus. Historia... I. VII.
- ³⁴ Ibid. II. XXX. Аноним в «Жизни императора Людовика» также говорит, что герой его повествования был “natura misericordissimus” (Anonymi Vita Hludowici Imperatoris. 37. 42) или “clementissimus naturae” (Ibid. 55).
- ³⁵ Adso Dervensis abbas. Vita S. Frodoberti. 3.
- ³⁶ Richerus. Historiarum libri... II. 59.
- ³⁷ Gerbertus. Epistolae. 125.
- ³⁸ Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli. 23. Ср.: «Всему живущему от природы свойственно желать постоянства бытия и избегать гибели» // Boetius. Consolatio philosophia. III. XI. Цит. по изданию: Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты / Под ред. Г.Г. Майорова. М., 1990. С. 245.
- ³⁹ Aimoinus. Historia... II. XII.
- ⁴⁰ См.: Historia Francorum. III. 18.

- ⁴¹ *Aimoinus*. *Historia*. II. XI.
- ⁴² *Ibid.* IV. XXX (Ср.: Людовик Благочестивый говорит, что его сын преследовал его “contra naturam et Domini praeceptum” (*Anonymi vita Hludovici...* 63)).
- ⁴³ “O bone, inquit, Jesu, qui discordes elementorum cursus foedere sancto consocias, tu fratres, malo discordiae temerantes jura naturae, in unitatem pacis redire concede. <...> Tu modo, omnipotens Pater, qui naturae auctor atque arbiter est” // *Ibid.* II. XVIII.
- ⁴⁴ См.: *Adalbero Laudunensis episcopus*. *Carmen ad Rotbertum Regem*. 244—245.
- ⁴⁵ *Галат*. IV: IV.
- ⁴⁶ *Fulbertus Carnotensis episcopus*. *Epistolae*. V.
- ⁴⁷ *Ibid.*
- ⁴⁸ *Adalbero Laudunensis episcopus*. *Carmen ad Rotbertum regem*. 312.
- ⁴⁹ *Ibid.* 324.
- ⁵⁰ *Ibid.* 325, 326.
- ⁵¹ «В сотворенных вещах нет ничего, что не было бы изменчивым» // *Abbo abbas Floriacensis*. *Epistolae*. VI.
- ⁵² *Augustinus Hipponensis*. *Confessiones*. XI. IV. 6. Цит. по изд.: *Августин Августин*. *Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского*. М., 1991. С. 285.
- ⁵³ *Fulbertus Carnotensis*. *Epistolae*. V.
- ⁵⁴ *Adalbero Laudunensis episcopus*. *Carmen ad Rotbertum regem*. 340, 342, 343.
- ⁵⁵ *Boetius*. *Consolatio philosophiae*. II. V. Цит. по изд.: *Бозций*. «Утешение философией» и другие трактаты... С. 215.
- ⁵⁶ *Adso Dervensis abbas*. *Libellus de Antichristo...* Col. 1292, 1293.
- ⁵⁷ *Ibid.* Col. 1292.
- ⁵⁸ См.: *Aimoinus*. *Historia...* II. XII. XVIII.
- ⁵⁹ См.: *Richerus*. *Historiarum libri...* I. 3. Можно отметить и отзыв автора о норманнах, которые, по его словам, разжигали усобицы во Франкском королевстве, «движимые прирожденной жестокостью» (“paterna saevitia ducti”). См.: *Ibid.* I. 4.
- ⁶⁰ *Adalbero Laudunensis episcopus*. *Carmen ad Rotbertum regem*. 329.
- ⁶¹ *Ibid.* 309.
- ⁶² *Adso Dervensis abbas*. *Vita S. Mansueti*. I. VI.
- ⁶³ “deficiens naturae concessit” // *Richerus*. *Historiarum libri...* III. 109.
- ⁶⁴ См.: *Gerbertus*. *Epistolae*. 162. Ср.: *Richerus*. *Historiarum libri...* III. 109.
- ⁶⁵ *Adalbero Laudunensis episcopus*. *Carmen ad Rotbertum regem*. 310.
- ⁶⁶ *Pellicer A*. *Natura. Etude semantique et historique...* P. 145.

⁶⁷ «Не возник бы определенный порядок природы, не были бы расположены в согласованном чередовании места, времена, причины, пространство, качества, если бы не было Единого, который, сам оставаясь неподвижным, содержит в себе все возможные перемены» // *Boetius. Consolatio...* III. XII (*Бозций. «Утешение философией»* и другие трактаты. С. 247).

⁶⁸ *Adalbero Laudunensis episcopus. Carmen ad Rotbertum regem.* 173.

⁶⁹ *Adso Dervensis abbas. Vita S. Mansueti.* I. II.

Глава III
Небо и земля:
окружающий мир
и его составные
части

«В этом видимом мире есть две большие части: небо и земля; этим кратким обозначением охватываются все созданные существа», — говорит Августин¹. Мы позволили себе взять предложенное Гиппонским епископом определение в качестве заглавия к разделу, посвященному тому, как наши авторы описывают природное окружение, мир, происходящие в нем явления и его обитателей. Для нас представляет интерес не только непосредственное описание природных явлений, но и те их стороны, на которые авторы X в. обращают внимание, прежде всего, — роль, которую играют природные образы в повествовании, и эмоции, ими вызываемые. Но в отличие от следующей главы, речь сейчас пойдет об отдельных составных частях мира, а не о мироздании и не о природе в целом. В настоящий момент наша задача — составить своего рода каталог тех явлений природы, которые фигурируют в источниках, и оценить, насколько полно в нем отражается окружающий мир. Такой подход может показаться излишне «мелочным», но именно он позволит нам увидеть действительную степень присутствия природы в текстах X в.

Небо и небесные явления

В наших источниках не говорится об устройстве небес, а само слово «небо» — “*coelum*” употребляется авторами в различных смыслах. Оно может приравниваться к понятию «Бог» («только небо было свидетелем» каждодневных трудов св. Базола)². Под ним нередко подразумевался «рай» или «иной мир» — Адсон, например, пишет об умирающем человеке, что он «был словно

подвешен между небом и землей»³. В одном случае «небо» может пониматься как «мир» или «свет» — Аймоин пишет, что у города было «четверо ворот по четырем сторонам неба»⁴. Изредка для обозначения неба используется и слово “*polus*”⁵. Небо воспринимается как источник дождевой влаги и палящего зноя: «Небо сверху грозило медным ликом <...> суровое знойное небо, которое, пылая, казалось, выжгло землю, как в Сирии...» — пишет Адсон, рассказывая о засухе⁶. Светила — солнце, луна и звезды, сами по себе упоминаются нечасто⁷, в основном в связи с небесными явлениями разного рода. Подобные явления позволяют судить о грядущих событиях, поэтому за ними наблюдают, тщательно описывают их и истолковывают.

«Поутру поднялся бодрствующий отшельник и изучил при свете дня движение звезд», — читаем мы в «Чудесах св. Бенедикта»⁸. Знаки в небе могут быть разного рода. Прежде всего, это появление различных светящихся змеек, шаров или столбов. «В то же время в Реймсе видели в небе огненные острия и кровавые языки пламени, которые разбегались по небу наподобие стрел или змеек»⁹, «в декабре, в ночь на Рождество в небе были видны разноцветные острия»¹⁰, «посреди ночи по небу летал огненный светоч, далеко осветивший мир ярким светом. Была видна и огненная колонна, висящая в небе, а над ней находилась большая звезда. Люди сочли это за предвестие гибели Гундоальда...»¹¹. Предзнаменованием является и необычное свечение части неба¹², непривычный цвет луны или утренней зари¹³. Встречаются и упоминания о кометах, одна из которых, по словам Аймоина, появилась в небе на седьмой год правления короля Хильдеберта в день Пасхи¹⁴. Авторы описывают также лунные затмения,

причем Рихер пишет о них в более «научном» тоне («в то время луна, находясь в четырнадцатой фазе, затемненная расположением земли, пропала с глаз людских») ¹⁵, а Аймоин — в более простых выражениях ¹⁶. Он же упоминает солнечное затмение ¹⁷, а Флодоард приводит описание довольно любопытного небесного явления: «В Камбре были видны будто бы три солнца; или же вокруг солнца появились три отстоящие друг от друга кольца, затем в небе два острия надвигались друг на друга, пока их не скрыла туча, а затем два ствола сближались, пока и их не затянули тучи» ¹⁸. Рассказ о весьма зловещем небесном явлении мы находим у Рауля Глабера: «Само солнце стало цветом, как сапфир, и в верхней части приобрело вид луны в ее четвертой фазе. Лица людей казались друг другу бледными, как у мертвецов. В воздухе была видна полоса шафранного цвета. Тогда в сердце людей вселились изумление и трепет, ведь наблюдая за этим, они распознали предзнаменование грядущего горестного избиения рода человеческого» ¹⁹. Иногда автор просто сообщает о появлении знаков в небе, но все они, в большинстве случаев, возвещают о приближении войны, смуты или беды.

Однако небо привлекает не только как источник зловещих знамений. Рихер, как уже было сказано, называет причину лунного затмения, и он же рассказывает о том, как Герберт преподавал астрономию в реймской школе с помощью собственноручно изготовленных сфер с обозначенными созвездиями ²⁰. Кроме того, «в ночное время он давал уроки по сверкающим звездам и побуждал учеников наблюдать за их перемещениями в различных частях света как на восходе, так и на закате» ²¹. Герберт учил не толкованию небесных зна-

мений, но просто показывал ученикам «планеты, их орбиты, высоту и расстояние между ними»²². Письма Герберта также подтверждают существование интереса к такого рода премудрости: он посулил некоему Ремигию, монаху из Трира, сделать небесную сферу и для него, и в ряде эпистол мы находим сообщения автора о ходе работы и оправдания за не выполненное в срок обещание²³. О некоторых познаниях свидетельствует и дважды повторенное Дудоном упоминание о влиянии луны на морские приливы²⁴. В большинстве же случаев авторов интересует не астрономия, не причины небесных явлений, но их значение («в том году в небе видели множество пророческих знаков...»²⁵). Любопытно, кстати, отметить, что упоминания о небесных знамениях встречаются не у всех авторов и с неодинаковой частотой. Например, у Рихера мы находим такого рода пассажи всего лишь трижды (I, 52, 65; II, 7), а у Дудона их нет вообще; Аймоин рассказывает о двенадцати странных явлениях в небе, но одиннадцать из них приходится на третью книгу, и только одно — на вторую²⁶, а у Флоарда небесные знамения сначала упоминаются достаточно часто²⁷, но затем исчезают совсем.

День и ночь, свет и тьма

Переходя от отношения наших авторов к небу и светилам к восприятию света и тьмы, дня и ночи, следует сразу отметить, что слово «день» употребляется авторами скорее для обозначения отрезка времени, день не описывается, его особенности не обозначаются, в отличие от ночи. Изучив же фрагменты, в которых речь идет о ночи, мы не можем не обратить внимания

на ряд трудностей, неразрывно связанных с ее наступлением. Ночью почти невозможно продолжать путь, и Рихер, заблудившийся в лесу по дороге в Шартр, передает охватившую его тревогу: «Небо затянули тучи, солнце уже зашло, наступили сумерки <...> в потемках я едва разглядел мост <...> уже наступила ночь и покрыла мир ужасной мглой»²⁸. Ночь внушает трепет, поскольку темнота не позволяет оглядеться, верно оценить обстановку. «Итак, короли испугались этого ночного гула черни и стука копыт, и были охвачены ужасным страхом, и почли за счастье, когда в туманной ночной мгле подошло войско Рикарда», — пишет Дудон²⁹. Можно вспомнить и эпизод поисков упавшего в реку монаха у Летальда, которые пришлось прекратить с наступлением ночи³⁰. Ж. Вердон также полагает, что «страх перед темнотой <...> не оправдывало ничего, кроме отсутствия визуального восприятия. Человек не может жить в потемках, не терпя ущерба; надо было видеть, чтобы действовать»³¹. Ж.-К. Шмит добавляет к этому, что «ночью по традиции происходили наиболее угрожающие сверхъестественные явления: дьявола, демонов, призраков <...> Но поостережемся излишне драматизировать средневековый страх перед ночью»³². Ночное время имеет и свои преимущества. Аймоин рассказывает, как ночью олень сбежал от жестокого звериного царя — льва.³³ Согласно Рихеру, именно ночью произошло внезапное нападение на город Нуайон³⁴, ночью безымянный лодочник согласился перевезти через Сену своих гостей³⁵ (вопреки приказу герцога Гуго), ночью епископ Адальберон, которого содержали в Лане, спустился из окна по веревке и бежал³⁶, ночью реймский архиепископ Арнульф впустил в город вражеское войско³⁷, и но-

чью же Арнульф и его дядя, Карл Лотарингский, были преданы и попали в плен³⁸. В «Чудесах св. Бенедикта» упоминается некий Херберт, обидчик флерийских монахов, который «попытался укрыть тьмой смертной ночи нечестивое деяние свое и своих людей»³⁹. Ночью человек, спящий или лишенный возможности видеть, оказывается особенно беспомощным, но может, как мы отмечали, и воспользоваться ночной темнотой в своих целях. Кроме того, ночью к людям приходят сны или видения, как к королям Хильдерику и Гунтрамну у Аймоина⁴⁰, а также упомянутой Флодоардом женщине, попавшей в плен во время набега венгров: ей было велено передать священнику, ее товарищу по несчастью, что он должен бежать; при этом оковы обоих распались сами собой⁴¹. И, наконец, ночная темнота может быть побеждена вмешательством свыше: Флодоард (а вслед за ним и Рихер) сообщают о чуде, случившемся после смерти епископа Турского Теотилона, когда тело пришлось перевозить в Тур ночью, но путь процессии осветил сияющий шар, появившийся в воздухе⁴².

Хотя мрак более свойственен ночной поре, он может настичь и среди дня. Мы уже упоминали солнечное затмение; Флодоард описывает страшную бурю, во время которой землю покрыла тьма⁴³, а в «Чудесах св. Бенедикта» рассказывается о чуде, произошедшем в ходе осады монастыря: «Они увидели, что хотя солнце ярко освещает все остальные земли, округу замка заволокла густая мгла, которая ничуть не мешала им (защитникам — А.Т.) сражаться, а врагу застилала глаза»⁴⁴. Так что мрак может в виде исключения послужить благому делу.

Такое отношение к ночи и сопутствующей ей темноте — страх, благоговение, сознание своей беспо-

мощности — делает понятной и радость, с которой встречали рассвет; для его описания авторы находят яркие краски. «Затем Аврора разогнала ночной мраком сиянием своих одежд и вернула вещам их цвет, а впечатлениям — ясность» — пишет Дудон⁴⁵, а у Летальда мы читаем следующие слова: «Заря уже разбросала по небу факелы...».⁴⁶ Королева Базина дает толкование ночного видения своего супруга, «когда золотой лик и алые лучи солнца уже украсили дневной небосвод...»⁴⁷. Восприятие света как возможности видеть и ориентироваться в мире, приравнивание света к зрению делает такими выразительными рассказы о чудесных прозрениях слепых. «И сразу по завершении молитвы во тьме явился свет, в котором ему долго отказывалось, и он с открытым для новой радости лицом узнал новый мир, никогда им не виденный...»⁴⁸.

Времена года

По большей части наши авторы обозначают времена года просто словами “hiems”, “ver”, “aestas” и “autumnus”, но встречаются и именованья, связанные с сезонными работами: “vindemiae tempus” — время сбора винограда⁴⁹. Попадают у авторов и латинские названия месяцев.

«В то время зима была суровой, холоднее обычного, так что люди могли ходить по замерзшим потокам. Птицы, застигнутые морозом и голодом, увязали в снегу, и люди, не прибегая к хитрости, ловили их», — так описывает студеную зиму Аймоин⁵⁰. Говоря о зиме с ее холодами, авторы обращают внимание едва ли не прежде всего на то, как она сказывается на

состоянии дорог, на возможности передвигаться. Аймоин говорит, что морозная пора позволяла людям ходить по скованным льдом рекам. Летальд сообщает, что во время необычайно холодной зимы Луара покрылась таким прочным льдом, что «по ледяному настилу могли продвигаться не только люди, но и разные повозки», однако когда два монаха решили переправиться по льду, он подломился на середине реки, и они поплыли по воде на льдине⁵¹. Адсон рассказывает, как однажды зимой раскисшие болота не позволяли проехать к монастырю, и аббату пришлось молиться о похолодании. «О, если бы, — сказал аббат братьям, — высшая сила укрепила болотную трясину льдом и умерила выпавшим снегом неровность пути»⁵². Послы Роллона, отправленные им к одному из английских королей, вообще отказались от зимней поездки: «Нам преградила путь ледяная зима, которая покрыла землю ледяной коркой, заставила печально поникнуть травы и кроны деревьев, сковала бурные реки прочной ледяной стеной <...> Не в наших силах было плыть ни подо льдом, ни по нему»⁵³. Наконец, Аймоин сообщает о том, как византийский император Маврикий заставил свое войско совершить зимний переход через безлюдные области. Возмущенные этим воины подняли бунт, и император был свергнут⁵⁴.

Зима препятствует и ведению войны. «Приближалась зима, угрожала непогода, поэтому они не смогли соорудить военные машины», — говорит Рихер о неудачной осаде Людовиком IV крепости Монтегю⁵⁵; о трудностях ведения военных действий зимой сообщает и Адемар Шабаннский⁵⁶. Изредка можно встретить также известие о том, как холода влияли на хозяйственную деятельность, точнее, на уход за домашними

животными: так, заботливая владелица замка приказывает внести в отапливаемый дом коня, спасенного из колодца, “*quia hiems erat*”⁵⁷. Вообще же, если речь заходит о зимней погоде, внимание, естественно, уделяется, прежде всего, сильным холодам, которые даже отмечаются в анналах⁵⁸, а не обычным зимам.

Зиму сменяет весна, ее приход описывается в довольно мажорном тоне. «Тем временем зимний холод ослабел, воздух потеплел, пришла весна, и зазеленели поля и луга», — говорит Рихер⁵⁹. Более теплая погода и появление молодой травы благоприятствуют поездкам. «Когда зимний холод отступил, и его сменило весеннее тепло, Хлодвиг приехал в Тулузу», — читаем мы у Аймоина.⁶⁰ Но весна несет с собой и опасность заболеть — о причине смерти короля Лотаря Рихер пишет так: «В том же году, когда теплая весна посетила охваченную холодом землю, король захворал в Лане из-за естественного изменения температуры»⁶¹. По-разному авторы относятся и к наступлению лета. «Поскольку было начало лета, глаз радовало множество красных цветов, питающих нектаром пурпурных насекомых, и белели благоухающие лилии», — пишет Дудон⁶². Флодоард сообщает, что в 921 г. «летом стояла сильная жара, и заготовили много сена», а «сильная засуха продолжалась в течение почти трех месяцев, июля, августа и сентября»⁶³. А Аймоин упоминает об опасности заболеть и летом: «Между тем франкское войско сильно страдало от дизентерии, ведь стояла летняя пора и непривычный климат был неблагоприятным»⁶⁴.

О конце лета или об осени пишет Герберт: «Время года меняется и добрая земля, долго пустовавшая не по своей вине, приносит чудесные цветы и плоды»⁶⁵. Как и весна, осень с ее переменной погодой

тоже угрожает болезнями. «В то время, когда осень изливает меланхолию на подверженных ей, его поразило худосочие <...> и, слабая в течение всей осени, побежденный прилившими дурными соками, он умер» — пишет Рихер о смерти короля Радульфа⁶⁶, а о болезни реймского архиепископа Артольда рассказывает так: «Достопочтенный архиепископ Артольд усердно трудился весь день напролет, истекая потом от солнечного жара, так что ему пришлось сбросить верхнюю одежду. Тут-то осенний холод и проник в его тело через поры, открывшиеся от жары; внутреннее охлаждение породило болезнь печени...»⁶⁷.

Подводя итог, можно сказать, что когда авторы пишут о временах года и сезонных особенностях, их внимание обращено на вполне определенные вещи. Они говорят о том, как сказывается время года и погода на продвижении по дорогам (так, Герберт в письме, составленном от имени Оттона III, сообщает, что тот не может выехать из Италии «из-за свойств итальянского климата» — “*qualitates Italici aeris*”⁶⁸), препятствуют или способствуют военным действиям и осадам, какими болезнями угрожают. Все это, очевидно, отражает точку зрения горожанина, а не сельского жителя, причем горожанина, знакомого с путешествиями и имеющего некоторые познания в медицине. Холод в наших текстах угрожает в первую очередь зверям и птицам, а не людям. Сведения о сезонных работах — отрывочны и, скорее, случайны. Интересно также и то, что охота как своего рода «сезонное» занятие в текстах, как правило, не фигурирует, хотя Рихер, говоря о несчастном случае, произошедшем с Людовиком V на охоте, упоминает, что это случилось летом⁶⁹. Может быть, дело в том, что охота в круг занятий авторов не входила.

Погодные явления

Достаточно часто в наших текстах упоминаются осадки. Мы помним, что, согласно Адсону, снег может улучшить состояние дорог зимой. Вообще же сообщений о снеге мало, чему причиной, вероятно, является сравнительно мягкий французский климат⁷⁰. Аббон Флерийский в одном из своих писем говорит об альпийских снегах, пуститься в путь через которые человека может побудить только весьма веская причина⁷¹, а Аймоин, рассказывая об окрестностях Флери, упоминает о том, как птицы холодной зимой увязали в снегу. Известия о граде также редки: так, «Анналы» Флодоарда открываются сообщением о том, что «в Реймсе выпал удивительный град, размером превышающий куриное яйцо»⁷². А вот рассказы о дождях, наоборот, часты и разнообразны.

Засуха несет с собой серьезные беды, поэтому долгожданный дождь воспринимается как чудо. Адсон рассказывает о том, как люди, измученные засухой, собрались в церкви, чтобы вместе помолиться о даровании дождя, и их молитвы были услышаны. «Внезапно с неба дважды раздался гром такой силы, что перекрыл голоса поющих псалмы, и у каждого замерло сердце <...>, и это суровое знойное небо <...> вдруг стало затягиваться густыми тучами и даровало обильные дожди, а люди, испросившие влагу, от всей души вознесли благодарность»⁷³. Похожий эпизод мы находим и у Флодоарда: «Небо было совершенно безоблачным, но вдруг, в разгар суровой засухи, излило сильный дождь, что обильно увлажнил всю поверхность земли»⁷⁴. Однако дожди могут быть и чрезмерными, о чем сообщает Адемар⁷⁵. Наконец, дождь может сопровождать-

ся грозой или бурей, опасными для людей. «В Реймсе всю ночь бушевала буря, сверкали молнии, и земля тряслась так, что и колодцы переполнились, и некоторые дома разрушились»⁷⁶, «в этом году в разных местах много раз были бури, люди погибали от удара молний, а дома горели»⁷⁷, — пишет Флодоард. Отклонить эту опасность помогает благочестие: «Как только начали служить мессу, поднялась такая сильная буря с градом, что все их посевы погибли, спелые виноградные гроздья оказались побитыми и урожаем пропал. А поля тех, кто поднес дары Небесной Владычице, град даже и не тронул...»⁷⁸. О подобной «избирательной» буре мы читаем и у Аймоина: «...Утром раздались раскаты грома и шум дождя. Молнии пронзали сорванные порывами ветра палатки, а кони разбежались в разные стороны. Воины, прикрываясь от бурного ливня щитами, простерлись на земле, моля Господа о милости и прося смягчить заслуженное ими наказание. Удивительно, но в лагере Хлотаря не было ни дуновения ветра, не упало ни капли дождя, не блеснуло ни одной молнии»⁷⁹. Дождь бывает ниспослан свыше и для того, чтобы потушить пожар в монастыре⁸⁰, но в виде дождя может явиться и зловещее предзнаменование. Так, тот же Аймоин пишет: «В округе Парижа из тучи лилась кровь и обагрила одежду многих людей»⁸¹. При этом встречается и упоминания о вполне бытовых неудобствах, причиняемых дождем: Рихер, попав по дороге в Шартр под дождь, был этим весьма недоволен⁸².

Ветер, естественно, является одним из участников описанных бурь⁸³, однако можно добавить еще некоторые сведения о том, как его воспринимали люди X столетия. Дудон, который немного лучше других осведомлен в мореплавании, знает, какое значение имеет ветер

для моряков. «Подчинив всех нашей власти, мы хотели морем вернуться в свои края, но сперва нам в лицо подул Аквилон, а затем на нас обрушились Зефир и Нот, и нас, незваных, прибило к вашим берегам» — говорят у него норманны⁸⁴ (это не единственный случай использования античных названий ветров у Дудона⁸⁵). Рихер сообщает, что послы, отправившиеся в Англию звать к себе королем Людовика IV, плыли через пролив, «подгоняемые благоприятным ветром» и так же вернулись обратно, вместе с Людовиком⁸⁶. В «Чудесах св. Бенедикта» рассказывается о чудесном ветре, который отгонял от осажденного монастыря вражеские стрелы и метательные снаряды⁸⁷. Там же мы находим и нравоучительный сюжет об обстоятельствах смерти нечестивого предводителя норманнов Райнальда, который осквернил монастырь во Флери. Не успел он испустить дух, как «внезапно поднялся ветер такой силы, что не только снес кровли домов, но и повалил громады высоких деревьев»⁸⁸.

Разумеется, искренняя молитва служила лучшей защитой от буйства стихий и даже позволяла в отдельных случаях обратить их силу в свою пользу. В одном из эпизодов «Чудес св. Бенедикта» автор даже счел нужным поведать о своеобразном «распределении обязанностей» среди святых в этой области. Когда во Флерийском монастыре начался сильный пожар, монахи принялись истово молиться своему заступнику, а также его сестре, св. Схоластике, и тотчас с неба пролился дождь, а направление ветра изменилось таким образом, чтобы не разносить пламя. «Я считаю уместным полагать, — пишет автор, — что наш законодатель при движении элементов (*in commotione elementorum*) прибег к помощи своей досто-

почтенной сестры, о которой рассказывают, что она отвратила от себя бурю»⁸⁹.

Ландшафт

Помимо небесных светил и природных стихий, на человека оказывает определенное воздействие и неживая природа, окружающая его: плодородная земля и болота, горы и леса, моря и реки. Наши авторы просто не могли полностью обойти все это вниманием. Да и ориентация на античные образцы требовала достаточно подробных описаний как страны, в которой разворачивается действие, так и местностей, где происходят отдельные события. Согласно этим требованиям, автор должен был обозначить место этой страны в мире, рассказать о ее природных особенностях, ландшафте, преимуществах и недостатках. Соответствующий рассказ нередко строится на давно устаревших сообщениях древних авторов. Так поступили и Рихер, и Аймоин, ориентировавшиеся в этом вопросе в основном на Цезаря⁹⁰. Однако встречаются и вполне реалистические описания, основанные на собственных впечатлениях. Так, Аббон Флерийский в своем житии св. Эадмунда приводит весьма любопытный рассказ о природе Эссекса, где он побывал лично: «Упомянутая восточная часть известна, помимо прочего, тем, что почти со всех сторон окружена водой, поскольку с южной и восточной стороны ее омывает Океан, с севера же — безмерные сырые болота; они возникли по причине одинакового уровня земель по всей средней части Британии и занимают пространство в сто и даже более миль, тогда как в большей ее части реки стекают в море. А с той

стороны, где садится солнце, эта провинция примыкает к основной части острова, и из-за своей доступности, дабы не подвергаться вражеским нападениям, укреплена насыпным земляным валом, высоким, как стена. Внутри она богата плодородными землями, украшена садами и рощами, славится охотничьей добычей, изобилует пастбищами для мелкого и крупного скота. Мы не говорим о реках, полных рыбы, поскольку провинция, как уже отмечалось, с одной стороны вдается мысом в море, а с другой отделена болотами...»⁹¹. К сожалению, описания такого рода в наших текстах встречаются редко. Рихер весьма обстоятельно рассказывает об округе Вердена, хотя неизвестно, бывал ли он там, Аймоин же видел гасконский монастырь Ла Реоль и его окрестности собственными глазами⁹².

Земная твердь

Избранные нами источники не позволяют с уверенностью судить о том, каким образом авторы представляли себе форму земли. Рихер и Дудон описывают землю, скорее, как плоский щит, разделенный морями и реками на Африку, Азию и Европу, однако Герберт, согласно Рихеру, использовал для наставления своих учеников полушарие с обозначенными полюсами и полярным кругом⁹³; среди его приборов Рихер называет и земную сферу⁹⁴.

В наших источниках не так уж и редки упоминания о землетрясениях. «В те дни во Вьенне, галльском городе, многие дома и церкви были разрушены землетрясением», — сообщает Аймоин⁹⁵. Землетрясения угрожают не только целостности домов и жизни лю-

дей — Рихер, рассказав о землетрясении в Камбрези 923 г., полагает, что «можно было увидеть в этом знак беды, ибо первому мужу в королевстве (Карлу Простоватому — А.Т.) предстояло быть захваченным против закона и провести все оставшиеся дни своей жизни в темнице»⁹⁶. При этом естественные причины, порождающие землетрясения, авторов, по всей видимости, не интересуют⁹⁷. Чрезвычайно интересную деталь содержит уже упомянутый нами рассказ о гибели нечестивца Райнальда — когда его тело попытались предать земле, она разверзлась и исторгла из себя труп грешника, так что его пришлось зашить в мешок, набитый камнями, и утопить в реке⁹⁸ (земля оказывается как будто более покорной воле св. Бенедикта, проклявшего Райнальда, нежели вода).

Горы

Горы преграждают путешественнику дорогу и порождают много трудностей. Но подвижный образ жизни, который ведут авторы и их персонажи, заставляет преодолевать их. Аббон, в изображении Аймоина, по пути в Сполето прошел «по изогнутым долинам и горным отрогам»⁹⁹. Дорога через горы, неизбежная для тех, кто желал попасть, например, в Италию, представляла опасность не только сама по себе: горные ущелья были очень удобны для засад и внезапных нападений. Флодоард рассказывает в «Анналах» о том, как паломники из Англии, направлявшиеся в Рим, «в теснинах Альп» подверглись нападению сарацин, которые забросали их камнями,¹⁰⁰ а также о том, как король Родульф и граф Гуго

Вьеннский заперли в альпийском ущелье венгерское войско¹⁰¹. «Анналы» Флодоарда за 931 г. сообщают, что «архиепископ Турский Роберт по дороге из Рима в Альпах был ночью убит разбойниками в шатре вместе с его спутниками».¹⁰² В 933 г. «сарацины захватили проход через Альпы и разграбили некоторые соседние местности»¹⁰³. У Рихера мы читаем, что «белги» (т.е. жители Лотарингии), недовольные тем, что войско короля Лотаря пересекает их земли, «разместили лучников с луками и арбалетами на возвышенных местах, и пока войско проходило внизу, они с высоты одних пронзили, а других изранили стрелами и другими снарядами»¹⁰⁴. Гора или возвышенность представляет собой естественное укрепление для замка, и Рихер неоднократно упоминает о недоступности города Лана, крепость которого расположена на горе¹⁰⁵; горами защищены также города Лангр и Харбург¹⁰⁶.

Однако авторам известно и о возможности просто жить в горах, используя их преимущества, но и встречаясь с определенными опасностями. Летальд рассказывает о некоем бедняке, который за неимением дома вынужден был поселиться со своей семьей в пещере. А когда на Пасху все семейство отправилось в церковь, «та самая скала, которая столько дней защищала его от холода, обрушилась и скатилась вниз, разрушая все на пути»¹⁰⁷ (таким образом, обитателей пещеры спасло их благочестие). Летальд упоминает и какие-то работы в горах, закончившиеся трагически: когда рабочие, отправленные копать землю, «подкопали часть горного склона и вошли в подкоп выгresti землю, нависшая гора обрушилась на них»¹⁰⁸. Кстати, Дудон однажды сообщает об обнаружении в

горах залежей гипса¹⁰⁹, но других упоминаний о полезных ископаемых мы не находим ни у него, ни у других авторов.

Горы в силу своей относительной недоступности оказываются также и подходящим местом для уединенной кельи святого, хотя оно, как правило, оказывается довольно условным — рядом с местом обитания праведника часто находится город, а к нему стекаются толпы богомольцев. Св. Базол у Адсона поселился сперва «у подножия горы Реймса», а затем «избрал себе другое место на вершине поросшей лесом горы»¹¹⁰; поскольку на горе святой испытывал нехватку воды, по его молитве из скалы пробился чудесный источник¹¹¹. Гора может иметь и символическое значение — в пророческом сне, описанном Дудоном, гора означала церковь¹¹².

Помимо гор, реально окружавших авторов и препятствующих их пути, упоминаются также горы далекие и даже мифические. У Рихера дважды фигурируют Рифейские горы: сперва говорится, что они отделяют Азию от Европы¹¹³, но в другом пассаже король Людовик IV, вынужденный в детстве бежать в Англию, заявляет, что бежал «в заморские края, почти до самых Рифейских гор»¹¹⁴. Рауль Глабер, описывая расположение Галлии, сообщает, что она простирается от Рифейских гор до самой границы Испании, по левую сторону от нее находится Океан, а по правую — Альпы»¹¹⁵. Из сообщений обоих авторов следует как будто, что Рифейские горы находятся на севере Франции, представляют собой ее естественную границу. Но на севере, на пути в Англию нет гор, есть только Нормандская возвышенность. Вряд ли речь шла о ней, скорее можно предположить, что название

«Рифейские горы» к тому времени утратило конкретный смысл и его следует понимать просто в значении «далекие края».

В иносказательном смысле Адальберон Ланский использует и название вулкана: «Когда Этна порастет розами...» — говорит он как о чем-то совершенно невозможном¹¹⁶. Кстати, вулкан (видимо, Этна) дважды упоминается и у Аймоина, причем в качестве «двери в преисподнюю»¹¹⁷ (в первом случае некий отшельник видит, как в вулкан погружается душа Теодориха, во втором — уродливые демоны волокут туда душу короля Дагоберта, но его вызволяют святые, к которым он воззвал), а Дудон говорит, что норманны «опустошили все, подобно разбушевавшемуся вулкану»¹¹⁸. Наконец, однажды мы встречаем и упоминание о реальном извержении вулкана. У Рауля Глабера читаем: «На седьмой год от упомянутого тысячного гора Везувий, которую называют и Вулканом, извергла из увеличившегося против обычного жерла огонь, смешанный с серой и градом камней, которые раскатились на три мили. И так своим зловонным дыханием он стал превращать провинцию вокруг себя в необитаемую»¹¹⁹.

Но с горами, настоящими горами, а не простыми холмами и возвышенностями авторы сталкивались все же не каждый день. Гораздо более привычным был для них пейзаж, окружающий населенные места, где «окаймляя селения и проникая в них, простирались леса, кустарники и ланды, огромные дикие пространства, где человек не то чтобы вовсе отсутствовал, но где он, угольщик, пастух, отшельник или изгой, мог существовать, лишь решившись на долгое отчуждение от подобных себе»¹²⁰.

Лес

Леса также фигурируют в наших источниках достаточно часто. Некоторые упоминаются даже под своими названиями: Рихер называет Аргонну близ Вердена¹²¹, Адсон — рощу Ригетий¹²², Аймоин — лес Леценна, где находился дом королевы Брунгильды¹²³, а также, вслед за Цезарем, Герцинский лес¹²⁴. Лес является местом обитания диких зверей, оттуда они приходят в населенные людьми места¹²⁵, и местом охоты (“*silva, venationi congrua*” — так характеризует Аймоин упомянутый лес Леценну¹²⁶). В лесу могут прятаться разбойники. «Поросшие лесом земли простирались до Руана, и говорили, что разбойные дела творятся в этих лесах и рощах», — пишет Дудон¹²⁷. По лесным тропинкам Рихер и его спутники ехали в Шартр, причем, несмотря на глушь и позднее время автору казалось вероятным появление и других путников¹²⁸. Лес используется и в хозяйственных целях: там пасут свиней¹²⁹, добывают древесину. Флодоард рассказывает о человеке, пытавшемся срубить дерево в заповедном лесу. Аймоин пишет о плотнике, который, «повалив в соседнем лесу деревья, приготовился обтесывать их топором»¹³⁰. У Рихера герцог Верхней Лотарингии Теодерик, готовясь выдержать осаду, велит подвести в свою крепость для военных нужд бревна из Аргонны¹³¹. Далее Рихер описывает осадную башню, сооруженную осаждающими, приводя даже размеры дубовых стволов, использованных для ее постройки¹³².

Лес — излюбленное место для отшельников: св. Базол у Адсона сначала поселился в маленьком монастыре в месте, «которое затеняла своей густой

лиственной роща Ригетий»¹³³, а св. Мансуэт «избрал уединенное место в виду города, под тенистым пологом леса»¹³⁴. В связи с лесом как местом деятельности святого появляется и понятие заповедного леса, в котором нельзя охотиться, пасти скот, рубить деревья, дабы не нанести обиды праведнику. Таким становится лес вокруг хижины св. Базола, дарованный ему могущественным человеком по имени Аттила, о подобном лесе говорит и Флодоард¹³⁵.

Для ведения военных действий лес представляет собой некоторую преграду. Дудон сообщает, что часть войска противников Вильгельма Длинный Меч избежала гибели в бою, поскольку спряталась в лесу, однако многих герцог настиг и там¹³⁶. Аймоин, повествуя о сражении Теодеберта с Теодориком, уточняет, что «и дорога, и лесная чаща были завалены мертвыми телами»¹³⁷. Авторам, видимо, кажется, что для отступающих естественно искать укрытия в лесу или просто в зарослях. Так, у Рихера норманнский вождь Катилл, потерпев поражение, прячется в зарослях терновника¹³⁸. Примечательна и военная хитрость, которую у Аймоина пытается применить король Хильдеберт, дабы незамеченным подобраться к лагерю сторонников королевы Фредегонды. «Непогожей ночью он поднял войско и велел ему войти в лес <...> Там, достав топорик, он отсек ветку дерева и, укрепив ее на сбруе своей лошади так, чтобы она свисала с конской шеи, велел спутникам последовать его примеру...». Хитрость, однако, не удалась — один из дозорных в лагере спросил своих товарищей: «Что же это такое, я вижу этот лес, а вечером не было ни леса, ни даже кустарника?» Другие дозорные, взглядевшись, заметили блеск оружия среди ветвей и подняли тревогу¹³⁹.

Лес также воспринимается как место для отдыха — король Гунтрамн после охоты отдыхает под деревом, так же поступают и путники у Адсона¹⁴⁰. Присутствует и определенного рода противопоставление леса распаханной земле, местам, освоенным человеком. «С течением времени (*volvente tempore*) луга затянулись лесом, кустарником и рощами», — пишет Дудон¹⁴¹; Летальд же, напротив, рассказывает, как «новый земледелец вступает под лесную сень и где железом, а где огнем подготавливает для посева почву, доселе не приносившую плодов»¹⁴². Однако при всей настороженности, с которой авторы пишут о лесе, вряд ли можно сказать, чтобы для них «он был средоточием вымышленных или действительных опасностей, тревожным горизонтом средневекового мира», который «...обступал этот мир, изолировал его и душил»¹⁴³.

Болота

Кроме гор и лесов, полей и лугов авторы замечают еще и болота, непроходимые и безлюдные. Аймоин рассказывает, что император Валентиниан не смог преодолеть болота Меотиды и покарать аланов, восставших против него. Только храбрые троянцы — прародители франков — смогли настичь аланов в их убежище. «Император подивился доблести и отваге народа, который решился не только вступить в места, коих убоялись римляне, победители всего мира, но и изгнать оттуда бесчисленных врагов»¹⁴⁴. Адсон упоминает заболоченную местность, которую св. Фродоберт делает пригодной для обитания¹⁴⁵, а Флодо-

ард говорит, что священник, сбежавший от венгров, «прятался в болотах несколько дней»¹⁴⁶. Можно вспомнить и эпизод из сочинения Дудона: Карл Простоватый сперва предложил Роллону не Нормандию, а Фландрию, но тот отверг ее из-за болот¹⁴⁷.

Растительность

Следует остановиться и на терминологии, обозначающей разного рода растительность. Лес или рощу авторы называют “*silva*” и “*nemus*”, им известен просто кустарник — “*virgultum*”, и его заросли — “*dumetum*”. Из пород деревьев Рихер упоминает дуб (“*quercus*”), Адсон — ольху (“*alnus*”), калину (“*viburnum*”) и кипарисы (“*cupressi*”)¹⁴⁸. Аймоин называет также сливу — “*prunus*”¹⁴⁹, терновник — “*sentis*”¹⁵⁰, ежевику — “*rubus*”¹⁵¹ и бузину — “*sambucus*”¹⁵². В «Чудесах св. Бенедикта» один из персонажей призывает грушевое дерево (“*pirus*”¹⁵³) в свидетели своих слов, в текстах неоднократно упоминаются и виноградники. Из цветов авторам известны розы и лилии (упоминания о которых, возможно, навеяны Библией), а Дудон, как уже говорилось, пишет о неизвестных красных цветах¹⁵⁴. Из лекарств растительного происхождения Аймоину и Рихеру известно алоэ¹⁵⁵.

Вода. Источники

Ландшафт включает в себя и реки, родники и море. Мы находим несколько эпизодов, в которых фигурируют источники. Уже упоминался родник, про-

бившийся из скалы в ответ на молитву св. Базола. Источник этот оказался целебным и получил название “Legit ossa”, поскольку люди с искривленными костями исцелялись, испив из него воды или омывшись ею. «Этот родник прежде вытекал из-под могилы святого, а ныне вытекает сквозь фундамент церкви из небольшого сосуда, его вода на вкус сладкая и хороша для питья», — пишет о нем Адсон¹⁵⁶. В приведенном Дудоном пророческом сне фигурирует целебный источник, исцеляющий от проказы, но он символизирует собой таинство крещения, очищающее от прежних грехов¹⁵⁷. Флодоард также рассказывает об источнике, внезапно пробившемся близ монастыря, который нуждался в воде, но не сообщает, была ли его вода целебной, или же просто пригодной для питья¹⁵⁸. Источник питьевой воды очень ценен и сам по себе, особенно он важен в крепости, где без воды невозможно выдержать осаду. «У подножия скалы пробивался родник, над ним возвышалась башня, с помощью которой горожане, спустившись по подземному ходу, защищали воду от врагов, могущих ее испортить», — пишет Аймоин¹⁵⁹.

Реки

Отношение к рекам было несколько иным и при этом более разнохарактерным. Мы встречаем очень выразительные описания наводнений и разливов рек, а также порождаемых ими невзгод. Особенно много подобных известий мы находим у Аймоина. «Во всех частях Галлии произошли такие наводнения, что реки вышли из берегов как никогда прежде, и это вызвало

падеж скота и причинило большие разрушения в некоторых местах»¹⁶⁰, «в то время <...> в землях венетов и в Лигурии случилось наводнение, какого, кажется, не было со времен Ноя. В Риме напор воды в Тибре был столь мощным, что его вода перелилась через стены города и заняла большую его часть»¹⁶¹, — читаем мы в его «Истории франков», где можно найти еще два сообщения о наводнениях¹⁶². В «Чудесах св. Бенедикта» рассказывается о разливе Луары 1003 г., свидетелем которого стал автор: «Наводнение было столь сильным и началось так внезапно, что и работающих крестьян, и всадников, едущих по дороге, захлестнуло волной...», которая «увлекла не только овец вместе с овчарнями и людей вместе с домами, но даже отцов и матерей семейств вместе с сыновьями и дочерьми и со всей домашней утварью <...> Мощь водяного потока обрушилась на самые большие деревья, и они повалились, изувеченные его натиском, хоть и укрепили их долгие годы»¹⁶³.

Однако и обычная переправа через реку оказывается небезопасной. Флодоард рассказывает о том, как путешествующий священник по дороге в Рим не решался перейти реку «из-за ее весьма сильного течения», но его ослы чудесным образом указали ему брод¹⁶⁴. У Летальда же некто Альбальд подобным образом попытался перейти через Луару со своими осликами, но неудачно — потеряв животных, их хозяин чудом остался в живых¹⁶⁵. В том же сочинении мы читаем и о попытке двух монахов перейти Луару по льду, который подломился под ними¹⁶⁶, и о некоем «безрасудном» брате, поплывшем через эту реку на лодке. «Достигнув середины реки, он неосторожно уронил в воду свой шест и сам свалился за ним, и пролежал в

воде до девятого часа, почти до ночи, причем множество людей искало его и не могло найти. Наконец, когда все уже отчаялись, и спускалась тьма, некий рыбак по имени Барбас подтянул его крюком, уложил в лодку и отвез на берег»¹⁶⁷. О препятствии, создаваемом рекой на пути пишет и Аймоин в «Житии св. Аббона», рассказывая о путешествии некоего брата, задержанного проливными дождями, «из-за которых разлились реки в Аквитании. Была среди них Андрия, на вид — жалкая речонка, но часто меняющая русло, с заболоченными берегами, трудная для переправы; дойдя до этой, как ее называет народ, “матери-воды”, упомянутый брат обнаружил воды, широко разлившиеся и посему недоступные для лошадей, а также две лодки, одну — полузатонувшую на середине реки, другую же — на том берегу»¹⁶⁸. Аймоин рассказывает и о том, как «вожди вражеского войска <...> решили вплавь пересечь реку (Гаронну — А.Т.). Некоторые из них, увлеченные ослабевшими под натиском воды конями, погибли»¹⁶⁹. Рихер пишет о гибели герцога Гислеберта при переправе через Рейн, когда «конь не смог справиться с течением, был побежден силой волн и погрузился в воду вместе с всадником»¹⁷⁰. Флодоард также рассказывает об этом событии: “герцог, как говорят, бросился в Рейн вместе с конем; и там сила волн убила его, и после его, говорят, так и не смогли найти. Некоторые, однако, рассказывают, что будто бы рыбаки нашли его и похоронили»¹⁷¹. Примечательно, что в наших текстах никто, по-видимому, не умеет плавать, и попадание человека в воду грозит ему смертью, если не произойдет чуда. Так, Адсон, повествуя о спасении св. Мансуэтом мальчика, упавшего с городской стены в реку, говорит, что «река была столь глубокой, что

изобретательные мужи, разыскивающие со всем умением и надеждой мальчика, поглощенного этой пучиной, отступились»¹⁷². Отношение к воде хорошо отражает клятва, данная франками Хлодвигу: «Повелишь ли погрузиться в речные воды или войти в прожорливый огонь, нам все равно, лишь бы только исполнить твое желание»¹⁷³.

Эта недоступность рек позволяла использовать их в ходе военных действий (что, разумеется, не было изобретением X в.). У Рихера герцог Гуго, предвидя нападение короля Людовика IV на свои земли, «приказал отогнать все лодки от берега, обращенного к врагам на протяжении 20 миль»¹⁷⁴, и тем самым сделал невозможной переправу через Сену. Граф Шартра Одон лично оборонял броды через Луару, чтобы не дать переправиться королевскому войску¹⁷⁵, а успешная осада замка Мелен, расположенного на острове, оказалась возможной только благодаря участию норманнов, которые на лодках подошли к ее стенам¹⁷⁶. Флодоард рассказывает, как войска противников расположились по обеим сторонам реки, а между ними сновали послы, договариваясь о мире¹⁷⁷.

Несмотря на страх перед речными водами, в них, естественно, ловят рыбу. Монахи-рыболовы упоминаются у Флодоарда¹⁷⁸, рыбак, как говорилось чуть выше, фигурирует у Летальда. Адсон сообщает о несчастном случае с аббатом Дрогоном, который «вошел в реку порыбачить и, преследуя крупную рыбу, внезапно упал в воду и утонул»¹⁷⁹. Наконец, описывая реку, наши авторы иногда считают нужным особо сказать о наличии в ней рыбы¹⁸⁰.

Река, по-видимому, может служить и орудием божественного Провидения, о чем свидетельствует сле-

дующий эпизод у Аймоина. Когда король Дагоберт приказал спустить по Сене в Париж украденные из церкви «створчатые двери, отлитые из расплавленной бронзы», вода поглотила одну из створок, и ее так и не нашли¹⁸¹. Аймоин приводит также заимствованный у Григория Турского рассказ о разбойничьей шайке, ограбившей монастырь Латта — на обратном пути их корабль затонул и река поглотила всех участников набега, кроме одного, который ранее уговаривал остальных отказаться от нападения¹⁸². Подобная судьба постигла и Теодоберта, сына Хильперика, который разорил монастырь св. Мартина — на обратном пути река поглотила нечестивцев вместе с лодками и добычей¹⁸³. Встречается и единичное упоминание о воде, которая не приемлет убийцу, — он не тонет, а остается на поверхности¹⁸⁴.

Итак, авторы признают полезность рек, но в отношении к ним все же преобладает ощущение опасности. Один лишь Дудон не только пишет о плавании по воде, как о занятии обыденном, но и оказывается способным отметить красоту реки и ее берегов: «Роллон по совету своих верных людей подставил ветру паруса своих кораблей, покинул русло реки Шельды и прошел мост, возле которого Сена образует лазоревые омуты и прозрачные водовороты, омывая благоуханные прибрежные травы»¹⁸⁵.

Море

Во время путешествий персонажам наших авторов приходится пускаться в плавание и по морю, что особенно их пугает. У реки, воды которой тоже вну-

шают страх, все же есть берега, а мореплаватели, по словам Дудона, «когда легкий ветер отогнал их корабли на середину морской глади, не видели ничего — только небо, обнимающее поверхность моря»¹⁸⁶. О «неведомом море», как уже говорилось, пишет Рихер, хотя речь идет всего лишь о проливе между Англией и Францией¹⁸⁷. Аймоин рассказывает, как Антенор, предводитель троянцев, «пустился на кораблях в открытое море» и как он, «испытав множество великих трудов плавания по волнам, вошел в устье Танаиса»¹⁸⁸. В рассказе о плавании благочестивого отшельника Феликса и дьявольском коршуне из «Чудес св. Бенедикта» привлекает внимание следующая деталь: вернувшись в лодку и подобрав своих спутников, отшельник увидел богослужебную книгу, которая плавала по воде, но не тонула. Когда же он вытащил книгу, она оказалась совершенно сухой, «как будто не волны носили ее по морю, а ветер по суше»¹⁸⁹. В «Житии св. Аббона» моряки во время плавания видят за бортом корабля резвящихся морских свиней и бален — китов, что служит признаком надвигающейся бури, и только молитвы находившегося на корабле Аббона спасают их¹⁹⁰. Примечательно, что единственное упоминание о животных, которые с натяжкой могут быть названы «чудовищами», в наших текстах оказывается связанным с морем. Отметим также, что авторы, как правило, говорят о вполне конкретных реках, но о море «вообще».

Особенно выразительны описания моря и морских бурь у Дудона, писавшего, как мы помним, о норманнах. «Вам известно, каким жребием мы были изгнаны из Дакии и, влекомые удивительным морским потоком по волнам всех морей, прибились к

берегам Франкского королевства», — рассказывают у него предки норманнов¹⁹¹. Обращает на себя внимание и сцена морской бури, которая застигла Роллона и его спутников. «Небо грохотало, испуская частые молнии, тьма сгустилась, и их покрыла темная ночь <...> Итак, истощив все силы, они вверили себя ветрам. Корабли болтало туда и сюда, словно по горам и ущельям, и все готовились к безвременной смерти». Но искренняя молитва Роллона, бывшего до тех пор язычником, спасла их: «Сразу же море успокоилось, буря утихла, вскоре, словно по их желанию, улеглось дуновение ветра, вздымавшего огромные волны, и корабли, потрепанные непогодой, пристали к берегу»¹⁹². Сравнение морских волн с горами, использованное Дудоном, встречается и в «Чудесах св. Бенедикта»¹⁹³. На этом фоне лишь однажды мы встречаем рассказ о вполне благополучном плавании: «Выйдя в море с парусами, наполненными благоприятным ветром, вспенивая веслами тихую воду, подошли они к земле», — пишет Рихер о прибытии молодого Людовика IV в свое королевство¹⁹⁴. Однако чаще море, “*velivolum et fluctuagum mare*”¹⁹⁵, все же вселяет страх, что позволяет авторам сравнивать отчаянное положение, в котором оказался человек с чувствами мореплавателя¹⁹⁶. «Выйдя в бурное море, мы терпим крушение и стенаем, и нет нигде ни берега, ни порта»¹⁹⁷, — жалуется Герберт в одном из своих писем, а в другом, адресованном императрице Аделаиде, сообщает, что государство «словно носится по волнам без весел»¹⁹⁸. Стоит заметить, что средневековые авторы охотно использовали сравнения и обороты, позаимствованные у римских писателей. «Наиболее простым и распространенным примером подобного

общего места служит сравнение литературного труда с полным опасностей плаванием, когда конец работы соотносится с прибытием в безопасный порт». ¹⁹⁹ И вот Дудон в стихотворном эпилоге к своему сочинению говорит о себе следующее: «Ах, для меня повсюду небо и повсюду море! Я едва достиг середины морской глади, а вступил в море не для того, чтобы здесь пропасть. За углой кормой бормочет морская рябь, враждебное течение вспенивает мощные волны и недружелюбная вода омывает киль. Сулит гибель объятие ужасного ночного ветра, гневное море удерживает меня себе на добычу, и кудрявые волны свирепо качают меня» ²⁰⁰.

Животный мир

Окружающий человека X столетия мир населен множеством тварей, иногда — хорошо знакомых и полезных, иногда — неведомых и опасных. Наши авторы не уделяли животным специального внимания, но восприятие животного мира их современниками все же нашло отражение в их трудах. Безусловно, изучение бестиариев могло бы дать нам более богатые сведения, однако различие в подходе к этому материалу делает исторические сочинения, жития и письма в определенном смысле более ценными в качестве источника. Что касается бестиариев, то их главная цель «состояла не в изложении явлений природной действительности, а в демонстрации символического смысла этих явлений, служащего христианскому воспитанию человека» ²⁰¹. Поэтому «в бестиарии каждый зверь — зверь невиданный» ²⁰², даже если речь идет

о хорошо знакомом, привычном животном, не говоря уже о таинственных обитателях далеких стран. В анналах же, историях и житиях наряду с подобным толкованием образов животных мы находим и упоминания об их хозяйственном использовании, о связанных с ними заботах, об охоте и нападении диких зверей на скот; встречаем эпизоды, напоминающие сказки или басни, в которых фигурируют животные. Кроме того, не будучи специально посвященными животным, они позволяют составить более объективное представление о реальных познаниях людей X столетия в этой области.

Символические образы животных

Сперва мы все же остановимся на символическом толковании образов представителей животного мира. Наиболее интересен в этом смысле рассказ о видении короля Хильдерика у Аймоина. Мудрая королева Базина велела Хильдерiku трижды выйти за ворота и затем рассказать ей об увиденном. «И вот он видит, как перед воротами замка прохаживаются огромные звери: леопарды, единороги и львы <...> Когда король вернулся, на сей раз перед ним предстали образы рыскающих кругом медведей и волков. Выйдя в третий раз, он увидел собак и мелких зверьков, грызущихся между собой». По словам королевы, это видение раскрывало судьбы и нрав потомков короля: «львы и единороги, которых ты узрел, есть знак могущества нашего и того, кто первым произойдет от нашего семени и будет признан сыном. Фигуры волков и медведей означают его потомство,

в котором еще преобладает доблесть, но есть и жадное стремление к разбою. А собаки, неумеренные в похоти, вовсе лишённые доблести <...>, предсказывают малодушие тех, кто в грядущие века примет скипетр этого королевства. Мелкие же зверьки, грызущиеся друг с другом — это простой народ без страха перед правителем...»²⁰³. Лев оказывается царем зверей и в приведенной Аймоином притче о льве, олене и лисице²⁰⁴ (последняя выступает в привычной для нас роли воплощенной хитрости и коварства²⁰⁵), со львам же Дудон Сен-Кантенский сравнивает норманнских правителей²⁰⁶. Распространенным символом верховной власти был также орел, и в приведенном Аймоином забавном рассказе о бурной молодости византийского императора Юстиниана орел, пролетевший над ним спящим, предвещает восшествие на престол²⁰⁷.

Волк и собака

Особого внимания заслуживает толкование нашими авторами образов волка и собаки. Эти животные были, разумеется, хорошо знакомы жителям Западной Европы X столетия. Орталли указывает на перемены в отношении к волку по сравнению с Античностью, «которая рассматривала его как специфического врага домашних животных, самое большее — как зловещее предзнаменование, появление которого слегка тревожило человека. Средние века создали совершенно иной стереотип; волк сделался страшной реальностью, конкретной и прямой угрозой для всех, и даже пожирателем людей»²⁰⁸. Этот

вывод в целом подтверждается нашими источниками: волки представлялись большой опасностью для людей, причем не только в сельской местности. Аймоин раз за разом пишет о том, как «волки и медведи, покинув леса, стали в бесчисленном количестве нападать на город, и, растерзав многих горожан, вынудили остальных покинуть свои жилища»²⁰⁹, как в Пуатье волк вышел из леса и вошел в городские ворота²¹⁰, как волки поели в городе собак²¹¹. Флодоард же в «Истории Реймской церкви» упоминает нападение волка на стадо²¹²; причем подобные случаи страшны не только сами по себе: они являются предзнаменованием еще более зловещих событий. Следует отметить, что, хотя подобным восприятием волка наши авторы во многом обязаны реальной опасности, которая исходила в то время со стороны этих хищников, оно вполне согласуется и с библейской традицией²¹³.

Однако в отношении к волку заметно и некоторое уважение: Аймоин в вышеизложенном рассказе о видении Хильдерика счел зверя не лишенным доблести, а блаженному Леунизию, советовавшему королю Теодерику не оставлять начатых трудов, приписал следующую «крестьянскую басню»: «Волк, ведя своих детенышей на разбой, призвал их к себе на гору и дал им такое наставление: “Знайте, сыновья, никто из вас не освобождается от поисков, разве что малыши из вашего рода. Поэтому я убеждаю вас не бросать начатого дела и искать себе необходимую пищу”»²¹⁴. Дудон Сен-Кантенский сравнивает с волками двух нормандских правителей, говоря об их храбрости в бою²¹⁵. Примечательно и «участие» волка в эпизодах, повествующих о смерти при различных обстоятельствах двух несхожих королей: английского — Эадмунда,

и франкского — Людовика IV. Когда сподвижники Эадмунда, павшего от рук язычников-норманнов, пришли забрать тело короля, оказалось, что его отрубленную голову стережет огромный волк, «ужасный с виду»²¹⁶, который кротко позволил поднять останки и шел за ними до самого места погребения, «плача, словно по покойному родичу»²¹⁷. Людовик же, как уже говорилось, умер в результате несчастного случая на охоте; он упал вместе с конем, погнавшись по неровному полю за волком, согласно Рихеру²¹⁸, или же, по Флодоарду, за призраком волка²¹⁹.

Собака же оказывается животным малопривлекательным²²⁰. Аймоин, как мы уже видели, считает ее воплощением похоти и трусости. Аббон Флерийский же, по словам Аймоина, писал в своем обращении к королям Гугону и Роберту: «Пусть изгрызет меня собачьими клыками злобное коварство завистников, пусть противники облают меня со всех сторон...»²²¹. Адсон, рассказывая об осквернении сворой собак источника св. Базола, подчеркивает их недостойное поведение: «Собаки бродили на воле и, поскольку они невоздержанны от природы, неосторожно приблизились к источнику св. Базола <...>, где (ведь никто не помешал им) стали частыми глотками недостойно лакать воду, и вся собачья свора взбесилась»²²². Он же, говоря о язычниках, пишет, что они поступают «со звериной яростью собак»²²³. А посол короля Дагоберта, желая оскорбить вождя славян Самона, сказал ему: «Не может того быть, чтобы рабы Христовы вступили в союз с собаками»²²⁴. Никаких намеков на отношение к собаке как к символу верности, казалось бы, типичное для Средневековья, мы не находим²²⁵.

В анализируемых текстах встречаются также образы некоторых других животных, несущие символическую нагрузку. Сон, в котором фигурируют конь, кобылица и жеребенок, расценивается как благоприятный²²⁶. В достаточно привычном качестве олицетворения чистоты и святости выступает голубка²²⁷, а дьявол и его посланцы могут принять обличье змеи или дракона²²⁸, жуков²²⁹, чудовищного коршуна «размером с гору»²³⁰, или диких коней²³¹. С овцами вполне предсказуемым образом сопоставляются беззащитные монахи, лишённые аббата²³², а осиротевший малолетний император Оттон III — с ягненком²³³.

О том, что животные в сознании людей наделялись вполне определенным набором свойств, говорит и сам факт использования их образов в речевых оборотах, возможность сравнения с ними людей²³⁴. «В одеяниях овцы, внутри же — хищный волк», — пишет Адемар о своем недоброжелателе²³⁵. Герберт называет «змеиным шипением» обвинение, возводимое на королеву Эмму²³⁶, себя же, проводящего много времени в разъездах, сравнивает с посольской лошадью²³⁷. Образы животных встречаются и в составе устойчивых выражений типа пословиц. «Ворон ворону глаза не вырвет», — говорится у Аймоина²³⁸, «никогда волк волка или лис лиса не схватит», — пишет Дудон²³⁹.

Фантастические и экзотические звери

В наших текстах упоминания о подобных созданиях достаточно редки. Мы уже говорили о единорогах, привидевшихся Хильдерику, о чудовищных размеров коршуне — дьяволе, и о драконе, который вырвался

из поверженного идола в храме Юпитера и напал на своих же почитателей²⁴⁰. Дракон может фигурировать и вне очевидной связи с нечистой силой: королю Гунтрамну у Аймоина является во сне змей, который указывает ему место, где зарыты вполне реальные сокровища²⁴¹. Образы необычных зверей нередко навеяны античной литературой, как в случае с Аймоином: королю Хлодвигу является чудесная лань, указывает его войску брод через реку и исчезает, что напоминает известный эпизод у Иордана²⁴². В прологе к «Истории» Аймоин описывает также удивительных обитателей Герцинского леса: «Быка с видом оленя» у которого «на лбу между ушами выдается один рог», лосей («строением тела и пестротой похожи на козлов, но несколько больше их, рога у них тупые, а ноги без связок и сочленений») и свирепых зубров, однако этот фрагмент практически дословно заимствован у Цезаря²⁴³. И только рассказывая о путешествии Аббона Флерийского, Аймоин говорит, что во время плавания по морю тот увидел в воде бален (“balœnae”) — китов со спинами «наподобие огромной крыши», морских свиней — “marsuprae”, а также “porcipiscēs” (обозначение, которое также можно перевести как «морских свиней») ²⁴⁴. Этим список экзотических зверей и ограничивается, причем обращает на себя внимание одна деталь: почти все они появляются либо во сне или видении, либо связаны с чудом,²⁴⁵ но как существа, реально обитающие где-то в отдаленных уголках мира не воспринимаются. Исключением оказывается единственный эпизод у Аймоина, в сочинениях которого мы и встречаем подавляющее большинство подобных созданий.

Заморские звери

Помимо фантастических зверей, в наших текстах изредка упоминаются заморские животные, необычные для Западной Европы; однако подобных случаев крайне мало. Хотя такие звери должны были бы восприниматься как нечто диковинное, наши авторы никак не описывают ни их внешний вид, ни повадки. Мы встречаем лишь скурые упоминания о слоне²⁴⁶ или о львах, например, о тех, которых Гуто Капет послал в подарок императору Оттону II²⁴⁷. Последний эпизод, правда, позволяет нам сделать вывод о том, что лев, символ власти, вполне логично оказался достойным даром монарха своему царственному собрату. Верблюды дважды появляются у Аймоина, причем в первый раз — в качестве вьючных животных. Второй же эпизод оказывается более красноречивым: именно на верблюда усаживают плененную королеву Брунгильду, чтобы провезти ее по лагерю для всеобщего осмеяния²⁴⁸.

Домашние животные

Мы встречаем и упоминания о домашних животных, которые жили бок о бок с людьми. Они могут как принимать участие в повседневной жизни, так и оказываться участниками сверхъестественных событий. Как и следовало ожидать, сведения о хозяйственном использовании животных в наших текстах довольно скудны, и ничего оригинального в них нет. Естественно, животные служат источником мясной пищи: отшельник, о котором рассказывает Адсон, выращивал поросенка, чтобы затем съесть его²⁴⁹, а один из пер-

сонажей Дудона жалуется, что его противник «луга моих крестьян выкашивает, пасет лошадей <...>, коров и баранов, быков и свиней убивает и ест»²⁵⁰. Рихер, рассказывая о наступившем голоде, приводит возросшие цены на кур, яйца и коров²⁵¹, а Флодоард сообщает, что во время острой нехватки пищи «едва ли уцелели хоть какие-нибудь мелкие животные»²⁵². Кроме того, корова еще и дает молоко, поэтому Адсон пишет, что хорошая молочная корова представляла собой значительную ценность для монастыря, а ее утрата — большой ущерб,²⁵³ а на быках пашут: «Земля оцепенела, отдыхая, не тронутая трудом быка» — сообщает Дудон.²⁵⁴ Коровы также упоминаются в качестве дани, которую платили саксы²⁵⁵. В качестве транспортных средств мы встречаем ослов²⁵⁶, вероятно, мула²⁵⁷ (слово “*parvaredus*” может означать и просто «кляча») и, разумеется, лошадей. Конь является еще и непременным атрибутом благородства и власти, знаком удали и достаточно высокого общественного положения²⁵⁸. Рихер приводит очень выразительный эпизод укрощения молодым Людовиком IV, только что прибывшим в свое королевство, строптивного скакуна: «Подбежал герцог и подвел королю коня в по-королевски украшенной сбруе. Когда тот попытался сесть на него, нетерпеливый конь шарахнулся в сторону, но Людовик легко и проворно прыгнул и, пренебрегая ржанием коня, внезапно вскочил на него верхом. Всем это было на радость и вызвало громкие одобрительные крики»²⁵⁹. На склоне лет тот же Людовик не сможет справиться с конем, упадет и расшибется насмерть²⁶⁰. Несмотря на особую роль коня в ту эпоху, упоминания о лошадях достаточно редки и лишены красок. Мы не находим в наших текстах опи-

сания, сколько-нибудь близкого к описанию коня епископа Турпена в «Песне о Роланде»²⁶¹.

Авторам известны и некоторые детали ухода за животными: Флодоард сообщает, что летний зной позволил заготовить много сена²⁶²; Рихер пишет: конюхи из Лана ежедневно пасли и поили лошадей за городскими стенами и возвращались с охалками осоки для них²⁶³; сено в качестве корма для коня упоминает и Аймоин²⁶⁴. Наши авторы также знают, что скот пасут в лесу²⁶⁵, студенной зимой замерзают птицы²⁶⁶, упоминают о последствиях стихийных бедствий для животных: в «Чудесах св. Бенедикта» сообщается, что во время наводнения погибло множество скота, а монастырское стадо уцелело благодаря умелым действиям пастухов²⁶⁷.

Дикие звери и охота

Нельзя обойти вниманием охоту — занятие, широко распространенное в то время, охоту, которую Аймоин называет «обычаем франков»²⁶⁸. Мы встречаем упоминания об охоте на диких коз (“саргеа” — их ловят сетью)²⁶⁹, кабанов²⁷⁰, оленей²⁷¹, вепря²⁷². Надо сказать, что, хотя отношение к собакам в наших текстах скорее пренебрежительное, однако на охоте они представляют собой ценность. Собаки, идущие по следу и нападающие на добычу, встречаются в эпизодах, связанных с охотой²⁷³. Адсон, рассказывая о заповедном лесу вокруг хижины св. Базола, говорит, что в его чащу не дерзали вступить «ни собака, ни охотник»²⁷⁴. Флодоард и Рихер также сообщают: Бернард Санлисский нанес королю оскорбление, захватив его охотничьих собак и лошадей²⁷⁵.

Часто животные упоминаются в связи с военными действиями. Домашний скот — стандартная военная добыча²⁷⁶. Рихер также рассказывает, что быки использовались при осаде города: они подтягивали к стене осадную башню²⁷⁷. Дудон в свою очередь приводит довольно устрашающий рассказ о том, каким образом норманны укрепляли свои позиции в случае внезапного нападения: «Норманны же быстро перебили многочисленных животных, которых гнали с собой; содрав со спин животных половину кожи и подняв ее вверх, они сложили вокруг себя вал изtrupов, навалив один на другой и сорвав с внешней стороны окровавленные кожи»²⁷⁸. Война и голод ударяли не только по людям — животные тоже вынуждены были искать себе спасение и пропитание, которым могли служить и люди. «И становились люди пищей и находили погребение в желудках диких зверей и птиц», — пишет Адемар, рассказывая о голоде²⁷⁹.

Отношение к животным

Говоря о повседневном общении с животными, нельзя не задаться вопросом о том, какие эмоции они вызывали. В большинстве случаев авторы X в. относятся к ним со страхом, с презрением, иногда — с благоговением, но почти никогда не говорят о привязанности. Домашнее животное могут ценить за приносимую им пользу, но это не выливается в восприятие животных как «братьев наших меньших». Лишь изредка встречаются упоминания о сочувствии, вызываемом животным (так, Фульберт Шартрский пишет о «несчастной козочке»²⁸⁰), хотя, надо

сказать, писателям той поры вообще не свойственна излишняя чувствительность, даже когда речь идет о людях. Исключение представляет собой Адсон, аббат Монтьеранде. У него мы находим яркий и забавный эпизод о том, как св. Вандеберт урезонивал стаю диких гусей, разорявших крестьянские поля²⁸¹, а также сюжет о поисках сбежавшей монастырской коровы²⁸². Он же пишет о том, как св. Базол защитил вепря, преследуемого охотниками, «пожалев неразумное животное, поскольку был исполнен сострадания и благодати»²⁸³. Наконец, в «Житии св. Мансуэта» он приводит весьма любопытную историю о некоем праведнике и его поросенке. Бедняк завел поросенка, чтобы впоследствии его съесть. Однако затем он привязался к животному (автор использует даже выражение “amica bestiola”), и когда свинку крадут у него, тяжело переживает утрату. Он обращается к св. Мансуэту с молитвой, начинающейся следующими словами: «О Божий святой, ты — скотт, говорю я, скотт, так пожалей меня, человека из рода скоттов!» Святой снисходит до его молитв и воскрешает уже зарезанную свинку, которая, к ужасу похитителя, поднимается на ноги и благополучно возвращается домой²⁸⁴. Адсон не сообщает, помешала ли хозяину привязанность и благоговение перед животным, с помощью которого святой явил чудо, поступить с ним согласно первоначальному намерению. И в любом случае это — единичное упоминание о теплых чувствах человека к животному, хотя оно позволяет предположить, что в отношении к домашним зверям в X в. присутствовал и такой оттенок.

Животные как орудия божественного Провидения

В изучаемых текстах имеются эпизоды, как будто указывающие на присутствие у животных своего рода разума. Точнее — на их способность в определенных ситуациях действовать в соответствии с логикой, моралью, священными законами. В большинстве своем подобные случаи связаны с чудесами.

В таких эпизодах животные выступают как орудия божественного Провидения. Используя животных, Господь карает за святотатство или предотвращает его. Аймоин рассказывает о том, как король лангобардов не смог ворваться в Павию (где он намеревался истребить всех христиан), поскольку его конь споткнулся и упал в воротах города²⁸⁵. В «Чудесах св. Бенедикта» конь сбрасывает человека, посягнувшего на монастырские земли²⁸⁶; всадник, отобравший у бедной женщины «секстарий овса» для своего коня, падает вместе с конем²⁸⁷. В «Житии св. Базола» Адсона говорится, что человек, въехавший верхом в прилежащий к жилищу праведника лес был сброшен и помят собственным конем²⁸⁸. Адсон также рассказывает о разбойниках, которые на лесной дороге ограбили благочестивых супругов, направлявшихся с дарами к гробнице св. Базола. Кони грабителей не тронулись с места, пока те не вернули украденное и не покаялись в содеянном²⁸⁹. В «Истории» Флодоарда пастух, совершивший прегрешение, обнаружил в своем стаде свиней волка, попытался преследовать его и погиб, а тем временем животные, которые паслись вместе со свиньями (козы, быки и т. д.) принялись драться между собой, вовлекая в потасовку и пастухов²⁹⁰. Орудием, покаравшим несправедного законника Гаузфреда,

стал черный пес, который искусал его, заразив бешенством, хотя никого из окружающих не тронул²⁹¹. Подобным образом животные помогают карать людей и просто за неблаговидные поступки. В этой связи стоит вновь вспомнить ответ вождя славян Самона послу короля Дагоберта, сравнившего славян-язычников с собаками: «Коль скоро вы объявили себя рабами Господа, а мы — его собаки, то когда вы поступаете дурно и против его воли, нам дозволяется кусать вас, негодных слуг, в наказание»²⁹².

Животные-святотатцы

Встречаются эпизоды, в которых самих животных постигает возмездие за совершенные ими святотатственные поступки, как если бы они отвечали за свои действия, подобно наделенным душой и разумом существам. У Летальда, например, говорится: «Спустя много дней свирепый бык пришел и потревожил ограду (у могилы святого — А.Т.) рогами и боками, но сразу, как отошел от ограды, упал и испустил дух»²⁹³. Адсон пишет, что собаки, вошедшие в воду источника св. Базола и тем самым осквернившие ее, немедленно взбесились²⁹⁴, а запрет на вход в лес святого был, как мы помним, адресован в равной степени и охотникам, и их собакам. Аймоин же рассказывает, как охотничьи собаки не дерзнули преследовать оленя, забежавшего в церковь, где были похоронены останки св. Дионисия²⁹⁵. Разумеется, подобное уравнивание животных и людей может объясняться тем, что наказание первых совершается для устрашения вторых, является наглядным уроком для человека.

Различия между человеком и животным

Однако можно допустить, что при определенных обстоятельствах граница между человеком и животным оказывается стертой. Сама возможность сопоставления человека с животным, уподобления ему, как будто, подтверждает это, по крайней мере, в тех случаях, когда речь идет о человеке, с точки зрения автора, греховном. «О змеиные жала, о аспиды!» — так отзывается Адемар о своих противниках²⁹⁶. Рассказывая о язычнике, который дерзновенно прикоснулся к алтарю, и его руки приросли к камню, Адсон говорит, что тот был как «пойманное животное»²⁹⁷. Сближает человека с животным и жестокость, необузданная ярость. По словам Адсона, венгры орудовали на территории Франции “*more ferino*”²⁹⁸, а Аббон пишет, что варварский народ (датчане) обладал «звериным характером»²⁹⁹. У Рихера же Герберт называет графа Блуа «этот свирепый зверь Одон»³⁰⁰; Аймоин в свою очередь говорит, что король Хильперик убил свою жену, «охваченный звериной яростью» (“*feralibus furiis exagitatus*”)³⁰¹. Но и просто невежество и глупость низводят человека до уровня животного. «Они глупы, грубы и невежественны, словно тупые животные» (“*bruta animalia*”) — пишет Адемар о плохих певцах³⁰². По его же словам, во время страшного голода «некоторые ели человеческое мясо подобно волкам» (“*more luporum*”)³⁰³. В общем, как сказано в Библии, «человека, который не понимает своего достоинства и пренебрегает им, можно сравнить со скотиной бессмысленной и уподобить ей»³⁰⁴.

В то же время мы отмечаем случаи, когда животные ведут себя вполне разумно и сознательно.

Так, вепрь, «мохнатая зверюга», прибегает к помощи св. Базола, «словно обладая разумом»³⁰⁵; гуси, вожака которых св. Валдеберт посадил под замок, собираются вокруг праведника и словно бы просят прощения за свои проступки (разорение полей), а когда Валдеберт отпускает их лидера, кротко удаляются прочь³⁰⁶. Аймоин приводит притчу о том, как звери избрали себе царя, впоследствии оказавшегося тираном³⁰⁷, а у Аббона Флерийского волк оплакивает казненного короля Эадмунда.³⁰⁸ Во всех этих случаях поведение животных вполне «человечно».

Все это позволяет предположить, что, по мнению наших авторов, человека от животного отличает именно наличие разума³⁰⁹, доброты, соблюдение правил морали и, разумеется, приверженность христианской вере³¹⁰. Поэтому животное может подняться до человека и даже помочь его исправлению, если оно выказывает способность поступать разумно и почитать христианскую веру и праведников. Главное, чем животное отлично от людей, помимо облика, порой ужасного, — это его «непросвещенность», его отчужденность от человеческой культуры и истинной религии³¹¹.

* * *

Основной (хотя и достаточно скромный) вывод, который мы можем сделать, изучив доступный нам материал, заключается в том, что природа на страницах сочинений авторов той эпохи, несомненно, присутствует. Наш «каталог», безусловно, не является исчерпывающим, но все же он вполне полон, в нем присутствуют и небо, и небесные светила, и времена года, и стихии, и земля, и реки, и моря, и разнообразные животные. Своеобразие наших источ-

ников состоит, скорее, в скудости описаний внешней стороны явлений, внешнего вида местностей или живых тварей, но, как уже отмечалось, французские авторы X в. вообще крайне сдержанны на подобные описания. Такова характерная черта литературного стиля того времени.

Восприятие природы писателями-монахами X столетия оказывается очень разносторонним, в нем различимо влияние и книжной премудрости, и народной традиции, и личного опыта каждого из них. Их интересует, прежде всего, что несет человеку то или иное природное явление, та или иная сторона природы, будь то солнечное затмение, землетрясение, засуха или дождь. Природа оказывает сильное воздействие на жизнь человека, корректируя его планы, заставляя подчиниться неизбежному, вмешиваясь в дела людей и в политические события. Однако при наличии определенных знаний и навыков человек может жить в ладу с окружающим миром. Наблюдение за небом позволяет предугадать грядущие беды, знакомство с искусством мореплавания — пуститься в путь по морю, умение обрабатывать землю — вырастить урожай. Но набор этих знаний еще очень скуден, их недостаточно для того, чтобы не испытывать трепета перед явлениями природы. Помочь человеку — усмирить бурю, прекратить засуху, словом, совладать со стихией, — может только Провидение. Окружающий человека мир оказывается одновременно ареной деятельности Провидения, книгой, в которой оно пишет, и просто средой обитания. И эти две противоречивые стороны мировосприятия причудливым образом уживаются в сознании людей.

Примечания

- ¹ *Augustinus Aurelius. Confessionum...* XII. XIX. 28. Цит. по изд.: *Аврелий Августин. Исповедь...* С. 325. Исидор Севильский также говорит, что Эмир — это вся вселенная, состоящая из неба и земли. См.: *Isidorus Hispalensis. Originum sive Ethymologiarum libri XX. I. 9.* Цит. по изданию: *Исидор Севильский. О природе вещей. Пер. и комм. Т.Ю. Бородай // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985. С. 137.*
- ² *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli.* 18.
- ³ *Ibid.* 25.
- ⁴ “*Portae ibi quattuor a quattuor plagis coeli*” // *Aimoinus. Historia...* II. XXIV.
- ⁵ См.: *Flodoardus. Historia...* I. XXII.
- ⁶ “*Coelum desuper speciem minabatur aeream <...> illa vero aestuosa coeli serenitas, quae ardente Syrio terras videbatur exurere*” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Mansueti.* II. XX.
- ⁷ См. исключение: *Aimoinus. Translatio patris Benedicti.* 122. Аймоин упоминает луну для обозначения времени, причем его слова явно навеяны античной традицией: “*Vecta bigis Phebe ad medium devenerit axem*”.
- ⁸ *De miraculis S. Benedicti.* I. IV.
- ⁹ “*Haec quoque tempestate, igneae Remis in caelo acies visae, et flammae sanguineae, quasi iacula aut serpentes, discurrere*” // *Richerus. Historiarum libri...* I. 65.
- ¹⁰ “*Hoc anno acies diversorum colorum in caelo visae sunt mense Decembrio nocte dominica*” // *Flodoardus. Annales.* 940. См. также: *Ibid.* 927.
- ¹¹ “*Pharus quoque ignea, per coelum nocte currens media, late mundum luce lustravit clara. Columna etiam ignis coelo pendere est visa, cui superposita erat stella magna. Quae aestimabant homines interitus Gundoaldi esse indicia*” // *Aimoinus. Historia...* III. LXI. «Появились знаки, а именно светящиеся шары летали по небу на востоке, подобные скоплению звезд» // *Ibid.* III. LXXXVII. См. также рассказ Эйнхарда о знаменьях, предвещавших кончину Карла Великого. «На протяжении трех последних лет его жизни случались частые затмения солнца и луны, а на солнце в течение семи дней виднелось черное пятно. <...> И сам Карл, <...> однажды выйдя перед восходом солнца из лагеря, <...> внезапно увидел, что справа налево в чистом воздухе в ярком

свечении пронеслось упавшее с неба пламя» // *Einhardus. Caroli Magni imperatoris vita*. Цит. по изд.: Историки эпохи Каролингов. М., 1999.

- ¹² «Следующей ночью в северной части неба виден был дивно пылающий огонь (Et nocte diei succedente, caeli pars prodigiose flammis erumpentibus in septentrione ardere visa est)» // *Richerus. Historiarum libri...* II. 7. Как отмечает Рихер, это явление предвещает набег венгров. См. также: *Flodoardus. Annales*. 937.
- ¹³ “Luna in pallorem conversa est <...> sique aurora jam incipiente tota mutata est colorem” // *Flodoardus. Annales*. 926; “Luna quartadecima sanguineo colore obducta” // *Ibid*. 936.
- ¹⁴ *Aimoinus. Historia...* III. XXXIX; кометы упоминаются и в других главах этого сочинения (II. XXV. III. LXXXII), а также у Адемара Шабаннского (*Ademarus. Historiarum libri...* III. 58). Ср.: *Nithardus. De dissentionibus filiorum...* IV. V.
- ¹⁵ *Richerus. Historiarum libri...* I. 52; далее Рихер сообщает, что вслед за этим вдруг объявились недуги, сопровождавшиеся лихорадкой и кашлем (“Tunc etiam luna quartadecima terrae objectu obscurata, visibus intuentium defecit. Acies quoque igneae Remis in celo visae sunt. Quibus praesagientibus signis, febrium ac tussicularum morbus e vestigio irrepsit” // *Ibid*).
- ¹⁶ «В том году луна померкла...» // *Aimoinus. Historia...* III. LXXVIII.
- ¹⁷ *Ibid*. III. XC.
- ¹⁸ *Flodoardus. Annales*. 922.
- ¹⁹ *Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis...* IV. IX.
- ²⁰ *Richerus. Historiarum libri...* III. 50, 52, 53.
- ²¹ *Ibid*. III. 50.
- ²² *Ibid*. III. 52.
- ²³ *Gerbertus. Epistolae*. 134, 148, 152, 162. Судя по ответам Герберта, Ремигий в своих посланиях не раз напоминал ему об этой сфере.
- ²⁴ “Fluctuque inflatiare maris saepe reverberatio secundum discrimina Lunae” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 638. Ср. также: *Ibid*. II. Col. 749.
- ²⁵ “Multa autem signa est prodigia eo anno in coelo sunt visa” // *Aimoinus. Historia...* III. XL.
- ²⁶ *Ibid*. II, XXV; III, XXXIII, XLVI, LXI, XXXIX, XL, LXXV, LXXVIII, LXXX, LXXXII, LXXXVII, XC.
- ²⁷ *Flodoardus. Annales*. 922, 926, 927, 934, 936, 937, 940, 944, 945.
- ²⁸ *Richerus. Historiarum libri...* IV. 50 (из текста, однако, следует, что и ночью в глухом лесу могли встретиться другие путники, поскольку Рихер объясняет мальчику, оставленному сторо-

жить у дороги поклажу, что отвечать на их расспросы). Аймоин также отмечает случай, когда посол продолжал путь и ночью, чтобы скорее добраться до места назначения. См.: *Historia*... IV. XVIII.

- ²⁹ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus*... III. Col. 722.
- ³⁰ *Laetaldus. Liber miraculorum S. Maximini*. VIII. 32.
- ³¹ *Verdoun J. La Nuit au Moyen Âge*. P., 1994. P. 15.
- ³² *Schmitt J.C. Les revenants, les vivantes et les mortes dans la société médiévale*. P., 1994. P. 204.
- ³³ *Aimoinus. Historia*... I. X.
- ³⁴ *Richerus. Historiarum libri*... I. 63.
- ³⁵ *Ibid.* II. 57.
- ³⁶ *Ibid.* IV. 20.
- ³⁷ *Ibid.* IV. 34. 35.
- ³⁸ *Ibid.* IV. 47.
- ³⁹ "Obscuritate quoque mundanae noctis impius quisque se suosque actus celare nititur" // *De miraculis S. Benedicti*. I. VII. 19. В этой фразе можно заметить аллюзию на Священное Писание. «Нет ни тьмы, ни тени смертной, где могли бы укрыться делающие беззаконие» // Ин 11:10. Ср.: "Mundanae concupiscentiae tenebras dijudicare valebat" // *Vita Geraldi*. II. I.
- ⁴⁰ *Aimoinus. Historia*... I. VIII, III, III.
- ⁴¹ *Flodoardus. Annales*. 937.
- ⁴² *Ibid.* 945. Ср.: *Richerus. Historiarum libri*... II. 46.
- ⁴³ *Flodoardus. Historia*... I. XXII.
- ⁴⁴ "Viderunt namque, sole totius terrae reliquas clarissime illustrante partes, ambitum castris densissima vallari nebula, quae quidem nullum sibi pugnandi afferret impedimentum, hostium vero obnubilaret intuitum" // *De miraculis S. Benedicti*. II. V. 14.
- ⁴⁵ "Cum autem aurora tenebrosae noctis caliginem puniceo amictu emicans dessicaret, rebusque color notionisque imaginatio redirect" // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus*... III. 723.
- ⁴⁶ *Laetaldus. Vita S. Juliani*. II. 19.
- ⁴⁷ "Dum ergo aurea polum facies rutilique jubar solis diem decorarent" // *Aimoinus. Historia*... I. VIII.
- ⁴⁸ "Nam mox expleta oratione, inter medias tenebras diu negata lux patuit, atque ad novae claritates gratiam reserata fronte novum sibi mundum quem nunquam viderat recognovit" // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli*... 21. Можно отметить, что слово «свет» — "lux" используется и в значении «этот свет» ("ab hac luce ad Dominum" — читаем мы в рассказе о смерти Базола). См.: *Ibid.* 27.
- ⁴⁹ *Flodoardus. Annales*. 947. Ср.: *De miraculis S. Benedicti*. II. XV.

- ⁵⁰ “Gravis eo tempore ac solito asperior hiems facta est, ita ut torrentes congelati pervium super se populis iter praeberent. Aves quoque rigore astrictae vel fame, absque ullo hominum dolo, immersae nivibus capiebantur” // *Aimoinus. Historia... II. XXV.*
- ⁵¹ *Laetaldus. Liber miraculorum S. Maximini. V. 29.*
- ⁵² “Et utinam, inquit abbas fratribus, superna pietas per hujus meritum paludeis mollietem gelu constringere, et nivium superventu difficultatem itineris temperaret. Mox devota desideria clementia Creatoris excepit, noctemque totam glaciolis rigor validissime coarctavit” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Frodoberti. 34.*
- ⁵³ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus... II. Col. 634.*
- ⁵⁴ *Aimoinus. Historia... IV. III.*
- ⁵⁵ *Richerus. Historiarum libri... II. 74.*
- ⁵⁶ *Ademarus. Historiarum libri... III. 42.*
- ⁵⁷ *De miraculis S. Benedicti. II. VI.*
- ⁵⁸ Например, в «Анналах» Флодоарда запись за 964 г. начинается со слов: «Зима была очень морозной вплоть до февральских календ».
- ⁵⁹ *Richerus. Historiarum libri... IV. 21.*
- ⁶⁰ *Aimoinus. Historia... I. XXII.*
- ⁶¹ “Pro rerum naturae inmutato aere” // *Richerus. Historiarum libri... III. 109.*
- ⁶² “Cum autem primae aestatis tempore, rutilantium mollifer florum arrideret copia, purpureisque blatis lactea et odorifera alberent lilia” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus... II. Col. 635.*
- ⁶³ *Flodoardus. Annales. 921.*
- ⁶⁴ “Interea Francorum exercitus, cum esset tempus aestivum, propter inconsueti aeris incommoditatem, dysenteriae morbo graviter laborabat” // *Aimoinus. Historia... III. LXXXIII.*
- ⁶⁵ *Gerbertus. Epistolae. 189.*
- ⁶⁶ *Richerus. Historiarum libri... I. 65.* Медицинские представления Рихера основывались на учении Гиппократы и Галена о естественных причинах заболеваний и о телесных соках, нарушение сочетания которых несет за собой болезнь, и отличались известной трезвостью.
- ⁶⁷ *Ibid. III. 14.* Согласно Рихеру, осень стала причиной и болезни Людовика IV (II. 99); подобным же образом и графа Одона, его современника, свела в могилу перемена времени года (IV. 94).
- ⁶⁸ *Gerbertus. Epistolae. 216.*
- ⁶⁹ *Richerus. Historiarum libri... IV. 5.*
- ⁷⁰ «Период VIII—XIII вв. (с перерывом на вторую половину XII в.) исследователи рассматривают как своеобразный кли-

матический оптимум <...> Ибо при общем господстве в Северной Франции морских и климатических влияний успешному развитию сельского хозяйства <...> благоприятствовала именно тенденция относительного усиления континентальности климата и сокращения количества осадков» // *Бессмертный Ю.Л. Климат и сельское хозяйство...* С. 172—173.

⁷¹ *Abbo abbas Floriacensis. Epistolae. IV.*

⁷² *Flodoardus. Annales. 919.*

⁷³ “Tantus de coelestibus fragor repente bis inhorrui, ut voces rumberet psallentium, et corda stupentia redderet singulorum. Illa vero aestuosa coeli serenitas <...> in nubis mox coepit densere, et datis largis imbribus, impetrati raris gratiam pleniter ministrare” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Mansueti. II. 20.*

⁷⁴ *Flodoardus. Historia... II. XXI.*

⁷⁵ «Аквитания, которую уже долго заливали дожди» // *Ademarus. Historiarum libri... III. 56.*

⁷⁶ *Flodoardus. Annales. 947.*

⁷⁷ *Ibid. 921.*

⁷⁸ *Flodoardus. Historia... III. VII.* О буре у Флодоарда см. также: *Idem. Historia... I. XXII; Annales. 927. 944.*

⁷⁹ “Matutino sub tempore audita sunt tonitrua mugire, imbres ruere. Fulgura vero per procellas dejecta tentoria rupere, equosque eorum in diversa egerunt. Porro militaris manus, solis contra violentiam imbrum contacta clypeis, misericordiam Domini efflagitatura humi prosternitur, utque moderatori quam merebantur vindictae poena ferirentur exorant. Quodque admirabilis est, in castris Clotarii nec spiritus flavit venti, nec pluviae cecidit gutta, nec ulla prorsus coruscationis apparuerunt signa” // *Aimoinus. Historia... II. XVIII.* Эта буря произошла в ответ на молитвы королевы Клотильды, просившей о мире между своими сыновьями, Хлотарем и Хальдебертом. Хильдеберт, уstraшенный знаменем, запросил мира, и братья заключили союз.

⁸⁰ *De miraculis S. Benedicti. II. XIX. 43.*

⁸¹ “In pago Parisiaco sanguis, de nube fluens, vestimenta multorum hominum cruentavit” // *Aimoinus. Historia... III. XXXIX.*

⁸² *Richerus. Historiarum libri... IV. 50.*

⁸³ Аймоин, рассказывая о множестве зловещих предзнаменований, выпавших на пятый год правления короля Хильдеберта, сообщает среди прочего, что «с юга дул необычайно сильный ветер, который валил леса, разрушал дома и заборы, поднимал в воздух и убивал людей». См.: *Historia... III. XXXIII.*

⁸⁴ “Verum omnibus nostris ditionibus subjugatis, reverti volentes ad terram nostrae nativitatis, prius aquilonibus postea Zephyro

- Nothoque nobis contrariis obruti, finibus inviti vix adnativimus vestries" // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* I. Col. 630.
- ⁸⁵ *Ibid.* I. Col. 623. Здесь также упоминаются Зефир и Нот.
- ⁸⁶ *Richerus. Historiarum libri...* II. 2. 4.
- ⁸⁷ *De miraculis S. Benedicti.* II. V. 16.
- ⁸⁸ "Tantaque moriente subito eo ventorum procella inhorruit ut non solum culmina ventorum, verum etiam eminentium subrueret moles arborum" // *Ibid.* I. II. 9.
- ⁸⁹ *Ibid.* II. XIX. 43.
- ⁹⁰ *Richerus. Historiarum libri...* I. 1. 2; *Aimoinus. Historia...*; *Situs Germaniae...* I.
- ⁹¹ *Abbo Floriacensis abbas. Vita S. Eadmundi.* II.
- ⁹² *Richerus. Historiarum libri...* III. 103; *Aimoinus. Vita vel martirius...* XIX. Ср. другие описания такого типа: *Aimoinus. Historia...* III. LXX; *De miraculis S. Benedicti.* II. V.
- ⁹³ *Richerus. Historiarum libri...* III. 51.
- ⁹⁴ *Ibid.* III. 50.
- ⁹⁵ *Aimoinus. Historia...* I. XXV. У Аймоина землетрясения упоминаются еще трижды (*Historia...* III. XXXIII, XLVI, LXI); сообщения о них можно найти у Флодоарда (*Annales.* 922. 947) и у Адемара (*Historiarum libri...* III. 51, 52).
- ⁹⁶ *Richerus. Historiarum libri...* I. 46.
- ⁹⁷ Интерес к данному вопросу проявляет, к примеру. Беда Достопочтенный, который приводит объяснение причин этого явления. «Говорят, что землетрясение происходит из-за ветра, заключенного в пористых, как губка, недрах <...> Одновременно с землетрясением случаются иногда и наводнения; они вызываются, очевидно, либо тем же ветром, либо оседанием земли» // *Beda Venerabilis. De rerum natura.* 49. Цит. по изд.: *Беда Достопочтенный. Книга о природе...* С. 152.
- ⁹⁸ "Corporis ejus tumulo pyramidem superaedificatam validissimo accepimus terrae motus subversam, ac ejus cadaver tellurem a suo rejecisse sinu; quod culeo cum lapidum mole insutum, in Sequanam est demersum, quandoquidem humo non poterat contineri tectum" // *De miraculis S. Benedicti.* I. II. 9.
- ⁹⁹ *Aimoinus. Vita vel martirius...* X.
- ¹⁰⁰ *Flodoardus. Annales.* 921.
- ¹⁰¹ *Ibid.* 924.
- ¹⁰² *Ibid.* 931.
- ¹⁰³ *Ibid.* 933. Ср также: *Ibid.* 939, 940, 951. О нападениях на путников в Альпах упоминают и другие авторы. См.: *Vita Geraldii.* II. 17; *Vita Odonis.* II. 18.

- ¹⁰⁴*Richerus. Historiarum libri... III. 98.*
- ¹⁰⁵*Ibid. II. 23, 54, 84; IV. 22, 40.*
- ¹⁰⁶*Ibid. II, 5 и I, 38.*
- ¹⁰⁷*Laetaldus. Liber miraculorum S. Maximini. XV. 44.* Эти горы автор описывает так: «Там были высокие скалы, переднюю сторону они обратили на юг, что согревало из внутреннюю часть, а тыл подставили Аквилону <...> и позволяли желающим как следует погреться у своего подножия». Об обвале в горах см.: «С Пиренейских гор обвалились огромные камни и поубивали без числа скота и множество людей» // *Aimoinus. Historia... III. XXXIII.*
- ¹⁰⁸*Ibid. XIII. 42.*
- ¹⁰⁹*Dudo decanus S. Quintini. De moribus... III. Col. 750.*
- ¹¹⁰*Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli. 14. 18.*
- ¹¹¹*Ibid. 20.*
- ¹¹²*Ibid. II. Col. 633.*
- ¹¹³“*Interius a Ripheis montibus <...> ab Europa distinguitur*” // *Richerus. Historiarum libri... I. 1.*
- ¹¹⁴“*Me vero parvum <...> in partes transmarinas et prope in Rifeos fugere compulsi*” // *Ibid. II. 73.*
- ¹¹⁵*Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis... II. III.*
- ¹¹⁶*Adalbero Laudunensis episcopus. Carmen ad Rotbertum regem. 426.*
- ¹¹⁷*Aimoinus. Historia... II. 1; IV. XXXIV.*
- ¹¹⁸*Dudo decanus S. Quintini. De moribus... II. Col. 631.*
- ¹¹⁹“*Septimo igitur de supradicto millesimo anno Vesevus mons, qui et Vulcani dicitur, solito multipliciore hiatu evomens igne permistam sulhurrogantium saxorum multitudinem, qui usque in tertium rotabantur milliarium. Sicque suo halatu putido circa se inhabitabilem coepit facere provinciam*” // *Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis... II. VII.*
- ¹²⁰*Блок М. Феодальное общество // Он же. Апология истории. М., 1973. С. 117.*
- ¹²¹*Richerus. Historiarum libri... III. 103.*
- ¹²²*Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli... 14.*
- ¹²³*Aimoinus. Historia...; Situs Germaniae... IV.*
- ¹²⁴*Ibid. I.*
- ¹²⁵*Ibid. I. XXV.*
- ¹²⁶*Ibid.; Situs Germaniae... IV.*
- ¹²⁷*Dudo decanus S. Quintini. De moribus... III. Col. 717.*
- ¹²⁸*Richerus. Historiarum libri... IV. 50.*
- ¹²⁹*De miraculis S. Benedicti. I. VIII. 20; Flodoardus. Historia... I. XX.*
- ¹³⁰*Aimoinus. Vita vel martirius... XVII.*

- ¹³¹ *Richerus. Historiarum libri...* III. 103.
- ¹³² *Ibid.* III. 105.
- ¹³³ *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli...* 14.
- ¹³⁴ *Idem. Vita S. Mansueti.* I. 14.
- ¹³⁵ *Idem. Vita S. Basoli...* 23. 24; *Flodoardus. Historia...* I. XX.
- ¹³⁶ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* III. Col. 667.
- ¹³⁷ *Aimoinus. Historia...* III. XCVIII.
- ¹³⁸ *Richerus. Historiarum libri...* I. 9. Густые заросли терновника служили также дополнительной защитой города Харбурга (*Ibid.* I. 38).
- ¹³⁹ *Aimoinus. Historia...* III. LXXXII.
- ¹⁴⁰ *Ibid.* III. III. См. также: *Adso Dervensis abbas. Vita S. Bercharii...* 10.
- ¹⁴¹ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 622.
- ¹⁴² "Ut enim novus agricola opacam silvam ingressus, nunc ferro, nunc igne utitur, quo jaciendis seminibus tellus eatenus sterilis praeparavit" // *Laetaldus. Vita S. Juliani.* III. 22.
- ¹⁴³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 125.
- ¹⁴⁴ *Aimoinus. Historia...* I. I.
- ¹⁴⁵ *Adso Dervensis abbas. Vita S. Frodoberti.* 12.
- ¹⁴⁶ *Flodoardus. Annales.* 927.
- ¹⁴⁷ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 650.
- ¹⁴⁸ *Richerus. Historiarum libri...* III. 105; *Adso Dervensis abbas. Vita S. Bercharii.* 10.
- ¹⁴⁹ *Aimoinus. Historia...* II. XI.
- ¹⁵⁰ *Ibid.* IV. I.
- ¹⁵¹ *Ibid.*
- ¹⁵² *Ibid.* II. XXV.
- ¹⁵³ *De miraculis S. Benedicti.* I. V. 17.
- ¹⁵⁴ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 635.
- ¹⁵⁵ *Aimoinus. Historia...* II. XXVI. Ср.: *Richerus. Historiarum libri...* III. 96.
- ¹⁵⁶ *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli...* 20.
- ¹⁵⁷ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 633.
- ¹⁵⁸ *Flodoardus. Historia...* I. XXVI.
- ¹⁵⁹ *Aimoinus. Historia...* III. LXX.
- ¹⁶⁰ *Ibid.* III. XXXIII.
- ¹⁶¹ *Ibid.* III. LXXII. За этим наводнением последовала эпидемия, но это кажется вполне естественным и не дает оснований полагать, что наводнение также истолковывалось как дурное предзнаменование.

- ¹⁶²Ibid. III. LXXV. LXXXV. В последнем случае автор приводит следующую деталь — спавшее половодье оставило на берегах множество задыхающейся рыбы.
- ¹⁶³“Tanta vero tamque repentina ejus fuit profusio ut agrarios laborantes, seu equites iter agentes, subita involverit ruina <...> non solum pecudes cum ovilibus, homines cum domibus, verum etiam patrem matremve familias cum filiis ac filiabus, seu cum universis improvise impetu protraxit utensilibus <...>. Ruerat radicitus aquarum alluvies maximas arborum moles, quarum impetu trunci quoque antiqua duitirnitate solidati evertabantur” // *De miraculis S. Benedicti*. II. IX. 25.
- ¹⁶⁴*Flodoardus*. *Historia*... II. VIII.
- ¹⁶⁵*Laetaldus*. *Liber miraculorum*... VII. 31.
- ¹⁶⁶Ibid. V. 29.
- ¹⁶⁷Ibid. VIII. 32.
- ¹⁶⁸“Ejus accelerationem itineris inundantes profusione imbrium retardavere Aquitanici amnes. Inter quos Andria despicibilis quidam visu fluviolus, sed crebra in multiplicas discursus alvei sectione, ac paludum aliquantis in locis interpositione, ad transmeandum difficilis; ad cujus, ut vulgariter loquar, matrem aquam praedictus perveniens frater, offendit vadum inundasse aquis, ac ideo impermeabile equis; naviculas vero duas, unam medio in flumine semimersam, aliam ulteriori in ripa detineri revinctam” // *Aimoinus*. *Historia*... I. XVIII. 32.
- ¹⁶⁹*Aimoinus*. *Histoire*... III. LXXXI. Точно так же тонут в Роне и люди Гунтранна (Ibid. III. LXI). Аймоин пишет, однако, и о вполне удачной переправе всадников во главе с королем Лотарем (Ibid. IV. XVIII), и о том, как Аттал и его спутник переплыли реку на щитах (“super parmas” // Ibid. II. XI).
- ¹⁷⁰*Richerus*. *Historiarum libri*... II. 19.
- ¹⁷¹*Flodoardus*. *Annales*. 939.
- ¹⁷²“Tantaque erat illic aquarum profunditas, ut absorptum hac voragine puerum arte et spe descisceret quaerentium soleres industria virorum” // *Adso Dervensis abbas*. *Vita S. Mansueti*. I. VII.
- ¹⁷³“Aut mergi fluminibus aut flammis jubeas tradi voracibus, nil ad nos attinet; tantum ut tuo satisfiat desiderio” // *Aimoinus*. *Historia*... I. XII.
- ¹⁷⁴*Richerus*. *Historiarum libri*... II. 57.
- ¹⁷⁵Ibid. IV. 92.
- ¹⁷⁶Ibid. IV. 77.
- ¹⁷⁷*Flodoardus*. *Annales*. 950.
- ¹⁷⁸*Flodoardus*. *Historia*... II. VIII.
- ¹⁷⁹*Adso Dervensis abbas*. *Miracula S. Waldaberti*. 11.

- ¹⁸⁰См. например: *Aimoinus. Historia...* II. XXIV.
- ¹⁸¹*Ibid.* IV. XX.
- ¹⁸²Причем имущество ограбленной обители не утонуло, и монахи смогли выловить его из воды: *Ibid.* III. XII. Ср.: *Gregorius Turonensis. Historia Francorum.* IV. 48.
- ¹⁸³*Aimounus. Historia.* III. XII.
- ¹⁸⁴*Adso Dervensis abbas. Vita S. Bercharii.* 19.
- ¹⁸⁵“Rollo consultu fidelium suorum libravit vela ventis navigeris, fluminis Scaldi alveum deserens, atque permensso ponto qua Sequana caeruleo gurgite, perspicuisque cursibus flens, odoriferasque excellentium riparum herbas lambens” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 638.
- ¹⁸⁶“Cum vero lenibus ventis congressus navigii factus esset, usque ad medium aequaris, nihilque viderent nisi coelum complexum super faciem maris” // *Ibid.* II. Col. 635.
- ¹⁸⁷*Richerus. Historiarum libri...* II. 3.
- ¹⁸⁸*Aimoinus. Historia...* I. I.
- ¹⁸⁹“Prospicit eminus librum per quem laudes Deo persolvere consueverat, undis jactari, nec mergi. Post quem directo cursu navis eum levavit, ita omni humore introrsus carentem quasi non undae ipsum per maria, sed ventus per terras portaverit” // *De miraculis...* II. XII. 28.
- ¹⁹⁰*Aimoinus. Vita vel martirius...* IV.
- ¹⁹¹*Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* I. Col. 623. Ср.: *Ibid.* III. Col. 749.
- ¹⁹²“Coelum crebrescentibus fulguribus intonuit densarumque tenebrarum nox atra illis incubuit <...> Itaqueviribus exhausti, onmia ventis permirunt. Huc illucque naves quasi per montes et valles fluctuant, mortemque repentinam omnibus intentant <...> mox mare quiescit, serenatis procellis, immensosque nequoris tractus optato flamine breviter explicuerunt; navesque tempestate diruptas littoribus <...> vix applicuerunt” // *Ibid.* II. 636.
- ¹⁹³*De miraculis S. Benedicti.* II. XIII.
- ¹⁹⁴*Richerus. Historiarum libri...* II. 4.
- ¹⁹⁵*Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* III. 655.
- ¹⁹⁶Следует отметить, что выражение «житейское море» стало общим местом еще в античной литературе. См., например, это выражение у Боэция (*Consolatio...* I. III).
- ¹⁹⁷*Gerbertus. Epistolae.* 166.
- ¹⁹⁸*Ibid.* 181.
- ¹⁹⁹*Gautier Dalché P. Comment penser l'Océan? Modes de connaissance des “fines orbis terrarium” du Nord-Ouest (de l'Antiquité du XIII siècle) // L'Europe et l'Océan au Moyen Âge...* P. 217—218.

- ²⁰⁰*Dudo decanus S. Quintini. De moribus... II. Epilogus. Col. 654—655.*
- ²⁰¹*Муратова К. Вступительная статья // Средневековый bestiарий... С. 11.*
- ²⁰²*Микушевич В. Карнавал бытия // Средневековый bestiарий... С. 231.*
- ²⁰³*“Nostro namque qui primus surget a semine filiique censebitur nomine, insignis erit potentiae, quem leonis vel unicornis conspexisti in speciem. In figura sane lupi ac ursi signantur ipsius posterī, virtute praevalidi, rapinaeque avidi. At canis, libidinis impatiens, nulliusque virtutis, humana sine ope esse non praevalens, eorum praesagit ignaviam qui ultimis in saeculis hujus regni potentur sceptris. Porro minorum turba animalium semet invicem lacerantium, populus est sine timore principium” // Aimoinus. Historia... I. VIII.*
- ²⁰⁴*Ibid. I. X. Согласно М. Пастуро, на средневековом Западе имела место «борьба между германской и кельтской Европой, для которой царем зверей был медведь, и Европой романской, в которой эта роль отводилась льву», причем лев стал одерживать верх только с начала XII в. См.: Pastoureau M. Figures et couleurs: Etude sur la symbolique et la sensibilité medievale. P. 159. А у Аймоина лев оказывается царем уже в конце X в.*
- ²⁰⁵*О лисе как о животном коварном и хитром говорят также Дудон Сен-Кантенский (De moribus et gestae... II. Col. 640) и Герберт Орильякский (Epistolae. 18).*
- ²⁰⁶*De moribus et gestae... III. Col. 719.*
- ²⁰⁷*Aimoinus. Historia... II. V. В данном эпизоде речь идет о птицегаданиях, упоминание о которых мы находим и у Флодоарда в рассказе об основании Рима, наваянном Титом Ливием (Historia... I. I). Также в наших источниках птицы неоднократно указывают место для основания монастыря. См, например: Adso abbas Dervensis. Vita S. Frodoberti. 28; Flodoardus. Historia... I. XXIV.*
- ²⁰⁸*Ortalli Gh. Animal exemplaire et culture de l'environnement: Permanences et changements // L'animal exemplaire au Moyen Âge... P. 45.*
- ²⁰⁹*Aimoinus. Historia... I. XXV.*
- ²¹⁰*Ibid. III. XXXIII.*
- ²¹¹*Ibid. III. XLVI.*
- ²¹²*Flodoardus. Historia... I. XX.*
- ²¹³*В Библии с волками неоднократно сравниваются грешники (Сир 13:21; Мф 10:16; Лк 10:3), лжепророки (Мф 7:15), дурные правители (Иез 22:27).*

- ²¹⁴*Aimoinus. Historia... III. XCVIII.*
- ²¹⁵“Fremit circa muros praesidiorum, ceu lupus circa aulas ovium” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus... I. Col. 621. Ср.: Ibid. II. Col. 639.*
- ²¹⁶*Abbo abbas Floriacensis. Vita S. Eadmundi. XII.*
- ²¹⁷*Ibid. XIII.*
- ²¹⁸*Richerus. Historiarum libri... II. 103.*
- ²¹⁹“Apparuit ei quasi lupus praecedens” // *Flodoardus. Annales. 954.*
- ²²⁰Отрицательное отношение к собаке было свойственно классическим авторам. См., например, упоминание о «презренной собаке» в «Фарсалии» Лукана (М. Annaei Lucani De bello civili sive Pharsalia. VII. 828). Библейская традиция относит собак к «нечистым» животным и сопоставляет с ними дурных пастырей («Стражи их слепы все и невежды: все они немые псы, не могущие лаять, бредящие лежа, любящие спать. И это псы, жадные душою, не знающие сытости, и это пастыри бессмысленные...» // Ис 56:10—11) и еретиков («Берегитесь псов, берегитесь злых делателей...» // Филип 3:2). И в сочинении Лукана, и в Библии собаки осуждаются за то, что они едят трупы. Но Исидор Севильский в «Этимологиях» отзывается о собаках совершенно иначе. «Нет ничего умнее собак, они более чутки, чем остальные животные. Только одни они узнают свое имя; любят своих хозяев; защищают их кров; ради хозяев идут навстречу смерти, охотно идут с хозяином на добычу; не покидают тела даже мертвого хозяина. По своей природе, словом, они не могут быть без людей» // *Isidorus Hispalensis. Encyclopaediae. XII. 25—26. Цит. по изд.: Агрикультура в памятниках западного Средневековья. М.;Л., 1936. С. 39.*
- ²²¹*Aimoinus. Vita vel martirius... VIII.*
- ²²²“Interea dum solitis habenis palantes canes laxius evegentur, ut sunt naturae avidae, ad fontem sancti Basoli <...> incaute perveniens, ubi cum frequenter indignis haustibus sacri fontis aquas nil lambere prohibentur, omnia illa canica multitudo versa in rabiem” // *Adso Dervensis abbas. Libellus de translatione S. Basoli... XI.*
- ²²³*Ibid. I. VI.* Аноним также пишет о заговорщиках, которые действовали «по подобию собак и хищных птиц» — “more sanum aviumque rapatum”. См.: *Anonymi Vita Hludovici. 44.*
- ²²⁴*Aimoinus. Historia... IV. XXIII.* У Рихера, в ранней редакции, герцог Хугон назвал «лающей собакой» немецкого воина, вызывавшего на поединок защитников осажденного Оттоном II Парижа. См.: *Richerus. Historiarum libri... III. 76.*
- ²²⁵Так, в «Песне о Роланде» пес фигурирует в двух вещих снах Карла Великого. В первом из них пес спасает короля от напа-

дающих на него медведя и леопарда и, по-видимому, символизирует собой Роланда (LVII 725—736); во втором сне пес, также сражающийся с медведями, — это Тьерри, выступивший на судебном поединке против Пинабеля, защитника Ганелона (CLXXXV. 2555—2569).

²²⁶*Aimoinus. Historia...* I. X.

²²⁷*Adso Dervensis abbas. Vita S. Bercharii. 10; Idem. Vita S. Flodober-ti. 28; Flodoardus. Historia...* I. XIII; *Abbo abbas Floriacensis. Vita S. Eadmundi...* IV; *De miraculis S. Benedicti. II. II. 4.*

²²⁸*Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli. 18; Letaldus. Vita S. Juliani. III. 25, 26.* Впрочем, змея может выступать и в лишенном отрицательной окраски качестве символа острого ума: Аймоин пишет об Аббоне Флерийском, что тому «была присуща голубиная простота в сочетании со змеиным хитроумием, так что расположенных к нему людей он успокаивал своей кротостью, а происков коварных — предусмотрительно избегал». См.: *Aimoinus. Vita vel martirius...* II.

²²⁹*De miraculis S. Benedicti. I. XI. 25.*

²³⁰*Ibid. II. XII. 29.*

²³¹*Flodoardus. Annales. 944; Richerus. Historiarum libri...* II. 41.

²³²*Gerbertus. Epistolae. 27.*

²³³*Ibid. 42.*

²³⁴Бозций приводит целый перечень подобного рода сравнений: «Томится ли жаждой чужого богатства грабитель? — Скажешь, что он подобен волку в своей злобе и ненасытности. Нагло нарывается на ссору? — Сравнишь с собакой. Замышляет втайне худое, злорадствует незаметно для других? — Подобен лисице. Бушует в неукротимом гневе? — Думаю, что уподобился льву. Труслив и бежит от того, чего не следует бояться? — Похож на оленя. Прозябает в нерадивости и тупости? — Живет как осел. Кто легко и беспечно меняет желания? — Ничем не отличается от птицы. Кто погружен в грязные и суетные страсти? — Пал в своих стремлениях до уровня свиньи». См.: *Boetius. Consolatio...* IV. III; *Бозций. «Утешение философией»* и другие трактаты... С. 258.

²³⁵*Ademarus. Epistola de apostolatu Martialis.* Само сравнение заимствовано из Библии. «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» // Мф. 7:15.

²³⁶*Gerbertus. Epistolae. 39.*

²³⁷*Ibid. 18.*

²³⁸*Aimoinus. Historia...* I. XXI; III. XXVI—XXVII.

- ²³⁹“Numquam lupo lupis nec vulpis vulpe capietur” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 640.
- ²⁴⁰“Ut vero insani populi cognoscerent, cui eatenus culturam deitatis exhibuissent, ex everso simulacro immanissimus erupit draco, qui facto impetu contra cultores proprios, flatu sulphureo et atro eis verbere caudia, devotorum sibi phalanges in mortem coepit ardent-er urgere” // *Letaldus. Vita S. Juliani.* III. 25.
- ²⁴¹*Aimoinus. Historia...* III. III. Следует отметить, что в этом эпизоде дракон связан с кладом, т.е. выступает в качестве, достаточно характерном для североевропейского фольклора.
- ²⁴²*Ibid.* I. X—XI.
- ²⁴³См.: *Situs Germaniae...* I; *Caesar. Commentarii de bello Gallico.* VI. 26, 27, 28 (цит. по изд.: *Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне.* М., 1993).
- ²⁴⁴*Aimoinus. Vita vel martirius...* IV.
- ²⁴⁵В видении или чуде может также фигурировать животное, необычное лишь какой-то стороной своего облика, как у Дудона, описывающего многотысячную стаю птиц, у каждой из которых было красное левое крыло (*Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II) или не совсем обычно себя ведущее, как вепрь или стая гусей у Адсона (*Adso Dervensis abbas: Vita S. Basoli.* 23; *Miracula S. Waldaberti.* 5). Вообще же «различие между удивительным в природе и чудесами святых в этот период объяснялось не слишком ясно». См.: *Ward B. Miracles and the Medieval Mind: Theory, Record and Event, 1000—1215, Philadelphia, 1982.* P. 8.
- ²⁴⁶*Aimoinus. Historia...* III. XIX; IV. XXI.
- ²⁴⁷*Flodoardus. Annales.* 961.
- ²⁴⁸*Aimoinus. Historia...* III. LXXI; IV. I.
- ²⁴⁹*Adso Dervensis abbas. Vita S. Mansueti.* I. XIV. Впоследствии поросенок был зарезан вором, а затем чудесным образом воскрешен.
- ²⁵⁰*Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* III. Col. 713.
- ²⁵¹*Richerus. Historiarum libri...* I. 5.
- ²⁵²*Flodoardus. Annales.* 942.
- ²⁵³*Adso Dervensis abbas. Vita S. Mansueti.* II. XIX.
- ²⁵⁴*Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* I. Col. 622.
- ²⁵⁵*Aimoinus. Historia...* IV. XXVI.
- ²⁵⁶*Letaldus. Liber miraculorum S. Maximini.* VII. 31; *Flodoardus. Historia...* II. VII; *Adso Dervensis abbas. Liber de miraculis...* 19. В «Чудесах св. Бенедикта» упоминается некий защитник монастыря Гауфред, прозванный Ослом «за силу, а не лень». См.: *De miraculis S. Benedicti.* II. V. 15.

- ²⁵⁷*Richerus. Historiarum libri... IV. 50.* Г. Фихтенау пишет, что «домашние животные были частью семейного круга. Они жили в доме, находились под защитой отца семейства и иногда имели личные имена». См.: *Fichtenau H. Living in the Tenth Century...* Поэтому данный эпизод у Рихера примечателен еще и тем, что своего мула (или свою «клячу») автор именует «Буцефалом», то ли иронически, то ли употребляя это имя в качестве клички животного.
- ²⁵⁸Особняком стоит эпизод, в котором кони используются для зверского убийства королевы Брунгильды. См.: *Aimoinus. Historia... IV, I.*
- ²⁵⁹*Richerus. Historiarum libri... II. 4.*
- ²⁶⁰*Ibid.* II. 103.
- ²⁶¹«Несет Турпена в бой скакун поджарый.
На загляденье у него все стати:
Короткий в бедрах, длинен он боками;
Подъемистый в седле, широк он задом;
Хвост белый у него при гриве чалой;
Он мордой рыжеват и мал ушами.
Коню такому нет на свете равных».
Цит. по изд.: Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976. СХIV, 1490—1496. С. 72.
- ²⁶²*Flodoardus. Annales.* 921.
- ²⁶³*Richerus. Historiarum libri... II. 89. 90.*
- ²⁶⁴*De miraculis S. Benedicti.* II. V.
- ²⁶⁵*Ibid.* I. VIII; *Flodoardus. Historia... I. XX.* В последнем случае речь идет о стаде свиней.
- ²⁶⁶*Aimoinus. Historia... II. XXV.*
- ²⁶⁷*Ibid.* II. IX.
- ²⁶⁸*Ibid.* I. XXI.
- ²⁶⁹*De miraculis S. Benedicti.* II. VI. 20.
- ²⁷⁰*Ibid.* II. V.
- ²⁷¹*Aimoinus. Historia... IV. XVII.*
- ²⁷²*Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli.* 23.
- ²⁷³См., например: *Aimoinus. Historia... IV. XVII.* Здесь автор, говоря о собаках, употребляет слово “*sagacitas*” — «чутье»; при охоте на оленя собаки в этом эпизоде используются и для выслеживания зверя, и для его преследования.
- ²⁷⁴“*Nec canis, nec venator*” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli.* 23.
- ²⁷⁵*Flodoardus. Annales.* 955; *Richerus. Historiarum libri... II. 43.*
- ²⁷⁶См., например: *Richerus. Historiarum libri... I. 46; II. 19.*

²⁷⁷Ibid. III. 106.

²⁷⁸“Nortmanni vero innumerabilia animalia quae secum adduxerant, statim occiderunt; atue tergora dimidia animalium diripientes et exorientes, ex cadaveribus ipsis castrum circa se fecerunt, ponentes unum super alium, coria sanguinolentia forinsecus avellerunt” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 647.

²⁷⁹*Ademarus. Historiarum libri tres.* III. 47.

²⁸⁰*Fulbertus Carnotensis. Epistolae.* III.

²⁸¹*Adso Dervensis abbas. Miracula S. Waldeberti.* V.

²⁸²*Idem. Vita S. Mansueti.* II. XIX.

²⁸³*Idem. Vita S. Basoli.* 23.

²⁸⁴*Idem. Vita S. Mansueti.* I. XIX. Ср. с молитвой бедняка, утратившего своего кормильца-осла в «Чудесах св. Веры». “Scio quidem meum te posse ad vitam reformare utensile animal, que in multorum predicari restitutione opifex mirifico” // *Liber miraculorum Sanctae Fidis.* IV. 20.

²⁸⁵*Aimoinus. Historia...* III. XVII.

²⁸⁶*De miraculis S. Benedicti.* II. X.

²⁸⁷*Ibid.* I. XIV. 28.

²⁸⁸*Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli.* 24.

²⁸⁹*Idem. Libellus de translatio...* X

²⁹⁰*Flodoardus. Historia...* I. XX.

²⁹¹*De miraculis S. Benedicti.* II. XIII. 33.

²⁹²“Quandoquidem vos servos profitemini esse Dei, et nos ejus sumus canes, ideo ea quae vos nequiter contra ejus geritis voluntatem, ut inutiles famuli, nobis frequenter conceditur morsibus ipsa ulcisci” // *Aimoinus. Historia...* IV. XXIII. Милость, которую святые проявляют к животным, также служит воспитанию людей. Вот как, например, комментирует автор оживление св. Верой мулов: “Quis insanus ultra hominum resurrectionem fore dubitet in futuro, quando jam in presenti resurgunt etiam animalia?” См.: *Liber miraculorum Sanctae Fidis.* I. 4. См. также еще два эпизода с воскрешением животных: *Ibid.* I. 3; IV. 19—20. А также III. 11—12 (чудесное исцеление лошадей).

²⁹³*Letaldus. Delatio corporis S. Juniani.* 3. Ср.: животные, наступившие на то место, где стояли погребальные носилки святого, тут же умирали. См.: *Vita Geraldii.* IV. X.

²⁹⁴*Adso Dervensis abbas. Libellus de translatio corporis S. Basoli.* XI.

²⁹⁵*Aimoinus. Historia...* IV. XVI.

²⁹⁶*Ademarus. Epistola de apostolatu Martialis.*

²⁹⁷“Captiva bestia” // *Adso Dervensis abbas. Libellus de translatio...* IX. “Ad hec torva belua, nec Deum, nec sanctam ejus magni pendens,

effero furoris rugitu frendens, diu conceptum blasphemie venenum
ita verbis evomit sacrilegis” // Liber miraculorum Sanctae Fidis.
I. 1.

²⁹⁸*Adso Dervensis abbas*. Vita S. Basoli. VIII.

²⁹⁹*Abbo abbas Floriacensis*. Vita S. Eadmundi. IV.

³⁰⁰*Richerus*. Historiarum libri... IV. 104.

³⁰¹*Aimoinus*. Historia... III. V. См. также упоминание о «звериной ярости» королевы Брунгильды. См.: *Ibid*. III. IV.

³⁰²*Ademarus*. Historiarum Libri. III. II. 8.

³⁰³*Ibid*. III. 23.

³⁰⁴Пс 48:21.

³⁰⁵*Adso Dervensis abbas*. Vita S. Basoli. 23. Ср.: *Aimoinus*. Historia... IV. XVII. Во время охоты олень, спасаясь от собак, прячется в часовне св. Дионисия, а собаки не могут вбежать туда вслед за ним.

³⁰⁶*Adso Dervensis abbas*. Miracula S. Waldeberti. 5.

³⁰⁷*Aimoinus*. Historia... I. X.

³⁰⁸*Abbo abbas Floriacensis*. Vita S. Eadmundi. XIII.

³⁰⁹«Даже животные, лишённые разума, охотнее подчиняются вожаку из своего рода, а не чужаку» // *Aimoinus*. Historia... I. VII.

³¹⁰Мы уже говорили о том, что для франка славяне-язычники автоматически превращаются в «собак», в противоположность «рабам Христовым». См.: *Aimoinus*. Historia... IV. XXIII.

³¹¹Герберт в язвительном послании к Адальберону-Асцелину пишет, что «если вера связует смертных с Богом, то и безверие низводит обладателя разума до грубых животных». См.: *Les lettres de Gerbert / Ed par J. Havet*. P., 1889. P. 241.

Глава IV
Взаимоотношения
человека
и природы

Позволяет ли составленный «каталог» перейти на уровень общих аспектов взаимоотношений человека и природы — так, как их понимали наши авторы? Каким именно образом человек той эпохи осмыслял свою зависимость от природного окружения? Какими виделись отношения с ней? Как те обрывочные теоретические представления о природе, о которых говорилось во второй главе, сочетаются с непосредственным восприятием различных природных явлений?

Гармония в окружающем мире

Изученные тексты оставляют впечатление, что, согласно их авторам, в окружающем мире царствует гармония, он как будто подчиняется определенному порядку. Времена года сменяют друг друга своим чередом, по ночам светит луна, а днем — солнце, капризы погоды не слишком мешают привычной жизни людей и ведению сельскохозяйственных работ, земная твердь находится в неподвижном положении, а реки текут в своих руслах. «Когда Луара примется омыwać луга Калабрии, а стремительный Тибр — поля Испании, когда Этна извергнет розы, а на болоте вырастут лилии»¹, — пишет Адальберон-Асцелин, желая описать нечто совершенно невозможное.

Наиболее наглядно представление о мире и всем существе как о едином механизме выражено Раулем Глабером во введении к его «Истории», отрывок из которой уместно привести. «Итак, есть четыре Евангелия, которые в наших умах образуют горний мир. Столько же и элементов, составляющих мир дольний. И главных добродетелей, что превосходят все остальные и приобщают нас к остальным, <...> также четыре. Таким же

образом существуют четыре чувства, которые через телесные ощущения служат познанию других, более тонких материй. И то, что есть огненный эфир в чувственном мире, есть благоразумие в интеллектуальном. Ведь оно поднимается ввысь и благоговейно пылает близ Господа. То, что в телесном мире — воздух, в интеллектуальном — мужество, которое ободряет все живое и укрепляет, побуждая к действиям. Подобным же образом то же, что вода делает в телесном мире, терпение делает в интеллектуальном. Поскольку оно питает все благое, то возвышает множество добродетелей и служит вере в стремлении к божественной любви. И в заключение скажу, что земля из дольного мира является в облике справедливости в интеллектуальном. Ведь своими вескими и правильными рассуждениями она придает всему устойчивость»². Разумеется, Рауль Глабер со своей стройной системой воззрений на мир и его историю, к тому же писавший несколько позже, стоит особняком среди остальных наших авторов. Однако представление о наличии некоего мирового порядка не чуждо и писателям X столетия. Это проявляется в том, что отклонение от существующего порядка вещей воспринимается как зловещее предзнаменование.

Нарушение гармонии как предзнаменование или чудо

Ярким примером подобного нарушения порядка являются всевозможные небесные знамения. К ним относятся лунные затмения, появление комет и странное свечение в небе. «В марте месяце в Реймсе в небе видели огненные острия поутру в воскресенье, и за этим знаком

по пятам следовала болезнь с лихорадкой и кашлем, и вместе они довели до смерти некоторых людей из германского и галльского народов», — пишет Флодоард в «Анналах»³. Небесные «огненные острия», которые появились в Реймсе семь лет спустя, также предвещали приближение различных болезней⁴. Но небесные знамения сулят не только недуги. Аймоин, например, пишет следующее: «В тот год луна затемнилась, и между франками и бретонцами началась война»⁵. Интересно сопоставить сообщения Флодоарда и Рихера (последний основывался на данных предшественника) о нашествии венгров в 937 г. Согласно Флодоарду, «часть неба запылала и с той же стороны во Францию вторглись венгры»⁶. У Рихера же само появление огня в небе и нашествие венгров предваряется событием, положившим начало новой смуте внутри королевства: граф Вермандуа Хериберт коварно захватывает замок Шато-Тьерри⁷. Вероятно, не только небесные знамения могут повлечь за собой беду, но и поступки людей способны спровоцировать появление знамени и их печальных последствий.

Сильная буря также может служить предзнаменованием тревожных событий, особенно та, в которой открыто участвует нечистая сила. «В то время, рассказывают, на Париж внезапно обрушился смерч такой силы, что прочные стены, сложенные из камней на Горе мучеников⁸, были разрушены до основания; также видели, как демоны в обличье коней разрушили некую базилику, располагавшуюся неподалеку, и метали бревна в упомянутые стены с такой силой, что развалили их, также они повырывали виноградники с этой горы и вытоптали посевы. Сразу после того, как видели это чудесное знамение, последовала гибель бриттов», — рассказывает Рихер⁹. Отшельник Феликс, о путеше-

ствии которого говорилось выше, чуть не стал жертвой кораблекрушения по вине чудовищного коршуна, который, по всей видимости, намеревался помешать ему посетить мощи св. Павла и Бенедикта¹⁰. В связи с этим уместно вспомнить и эпизод из «Истории» Адемара: он сообщает, что на Рим однажды налетел ураган, вызванный издевательством иудеев над распятием. Ветер улегся, только когда виновных обезглавили¹¹.

С тревогой воспринимаются и менее значительные отклонения от нормы — например, несвоевременное цветение растений: подобные случаи оказываются достойными упоминания наряду с прочими мрачными предзнаменованиями. «Тогда же вокруг города Реймса в колосьях обнаружили мед, а на некоторых деревьях — цветы, хотя уже созрели и были собраны плоды», — читаем мы у Флодоарда¹². Ему вторит Аймоин: «В том году в январе видели розы, и деревья, что плодоносят в июле, в сентябре вновь принесли плоды»¹³.

Однако чаще, говоря о тревожных знамениях, авторы называют не единичное отступление от привычного хода событий, но целый комплекс нарушений разного рода. «В то время звезда, придя с противоположной стороны неба, вошла в луну. Тогда же на дереве, которое называют бузиной, народились виноградные гроздья, а цветы этого дерева, которые обычно дают черные семена, дали белые. В тот год зима была холодной, суровее обычного...»¹⁴; «...был десятый месяц, и появились на виноградниках листья и гроздья, полностью сформированные, а на деревьях — цветы. Также посреди ночи огненный светоч, летая по небу, широко осветил мир ярким светом. И видели, как в небе висел огненный столп, над которым находилась большая звезда. Люди считали, что это — предзнаменование убийства Гундоальда, ведь

и земля дрожала, и много других знаков появилось»¹⁵, — пишет Аймоин. В другом пассаже его «Истории франков» говорится о том, как одновременно произошло сильное наводнение, бушевали грозы, горные обвалы губили людей и скот, ураган сносил дома, из надломленного хлеба сочилась кровь, волки вошли в город, а на небе появились зловещие знаки. «Но за этими знаменами последовали ужасные беды. Ведь между королями начался раздор, который разжег гражданскую войну, и почти всю Галлию поразила недуг — дизентерия»¹⁶. Несколько лет спустя появились похожие знамения: «В тот год произошло лунное затмение, а в Турской земле из надломленного хлеба текла настоящая кровь. В округе Санлиса дом одного человека, когда тот поднялся поутру, оказался снаружи забрызган кровью. В Суассоне чудесным образом обрушились стены. В Анжере случилось землетрясение...»¹⁷. Кровавый дождь, по словам Аймоина, сопровождал также появление кометы и небесного огня¹⁸. Известно письмо Фульберта Шартрского к королю Роберту Благочестивому, в котором он, судя по всему, в ответ на запрос государя, со ссылками на авторитетных лиц, в том числе и на Григория Турского, рассуждает о значении появления кометы¹⁹. Выдержанный в том же духе отрывок из сочинения Адемара Шабанского заканчивается более устрашающим и однозначным образом: «В те времена среди звезд появились знаки, происходили засухи, сильные ливни, страшные болезни и тяжелые голодовки, много солнечных и лунных затмений <...> И вышеназванный монах Адемар <...>, проснувшись непогожей ночью и наблюдая за звездами, увидел на юге в небесной выси огромное распятие на самом небе и фигуру Господа, висящего на кресте и плачущего горючими слезами»²⁰.

Разумеется, в таком внимании к зловещим и просто необычным явлениям в природе, в подобной их трактовке нет ничего специфического. Схожие эпизоды мы нередко встречаем и у римских авторов. Поэтому возникает вопрос: а не являются ли процитированные выше пассажи данью античной традиции, и ничем более? Так, например, согласно Лукану, которого Герберт читал вместе со своими учениками, перед началом войны Цезаря и Помпея:

«Людам во мраке ночном неизвестные звезды являлись,
Видели небо в огне и наклонно летящее пламя
Факелом в тверди пустой, и комету зловредную, страшно
Космами гривы своей земным грозящую царствам...
Падали в храмах дары, зловещие птицы мрачили
День и, покинув леса, средь ночи дикие звери
Неустрашимы ничем, ложились на улицах Рима»²¹.

Но все же исключительно под влиянием римской литературы или нет, но эти эпизоды становятся частью той картины, которая формируется текстами X—начала XI в. И схожее описание, связывающее воедино дела человеческие и реакцию окружающего мира, мы находим и в «Песне о Роланде»:

«Над Францией меж тем гремит гроза,
Бушует буря, свищет ураган,
Льет ливень, хлещет град крупней яйца
И молнии сверкают в небесах,
И — то не ложь! — колеблется земля.
От Ксантена и до нормандских скал,
От Безансона и по Уиссан
Нет города, где стены не трещат,
Где в полдень не царит полночный мрак.

Блестят одни зарницы в облаках.
Кто это видит, тех объемлет страх.
Все говорят: «Настал конец векам,
День Страшного господнего суда».
Ошиблись люди, не дано им знать,
Что это по Роланду скорбь и плач»²².

И очень характерной оказывается у Аймоина реакция Мамерта, епископа Вьенна: когда в этом городе произошло землетрясение, небесный огонь сжег королевский дворец, а волки и медведи пробрались внутрь городских стен, епископ, не дожидаясь других бедствий, созвал народ и предписал ему поститься и молиться, прося у Бога снисхождения²³.

Во всех этих случаях речь идет не о чудесах, а о предзнаменованиях и вещих знаках (“indicia”, “prodigia”, “signa”), которые, как уже говорилось, представляют собой большие или меньшие отклонения от нормы. Отклонения в окружающем человека мире неизбежно сопровождаются неблагоприятными переменами в жизни людей. Помимо непосредственного ущерба, который причиняют холода, бури и землетрясения, они влекут за собой нарушение гармонии как внутри сообщества людей (войны и смуты), так и внутри человеческого организма (болезни).

Политические события

Политическая жизнь людей связана с окружающим миром, испытывает на себе его влияние. Знаки в небе и землетрясения предвещают потрясения в государстве или предупреждают об их приближении. Но известны

также случаи, когда участие природы (или, точнее, воздействие природного окружения как инструмента, направляемого свыше) в людских делах оказывается благоприятным. Так, мы уже упоминали о благополучном путешествии франкских послов в Англию, куда они отправились звать на престол молодого Людовика IV. Они пустились в плавание «подгоняемые благоприятным ветром» (“*velis tumentibus prosperis ventis*”), а об их возвращении автор пишет так: «Выйдя в море с парусами, наполненными благоприятным ветром, вспенивая веслами тихую воду, подошли они к земле» (“*velisque aura comoda turgentibus pelagus ingressi, per quieturum spumantibus remis ad terram feruntur*”²⁴; как мы помним, чаще морские путешествия описываются в наших источниках как полные опасностей). Рауль Глабер, рассказывая о сражении короля Генриха, сына Роберта Благочестивого, с венграми, сообщает, что «во время битвы венгерскую сторону окутал такой туман, такой мрак, что едва ли кто из них мог различить, что находится перед ним. А войско короля, казалось, со всех сторон было освещено ярким солнцем»²⁵. Говоря о положительном для людей влиянии природных явлений, можно вспомнить о похолодании и снегопаде, которые позволили добраться до монастыря по непроезжим до тех пор из-за сырости дорогам²⁶, а также об осаде монастыря, когда в ответ на молитвы осажденных к своему святому покровителю «изгибы долины отразили имя Бенедикта, и ближние лесные дебри ответили «Бенедикт!». Трепет сотряс соседние горы, и враги внизу ясно это увидели». После этого стены монастыря окутал мрак, препятствующий осаде, и подул ветер, относящий в сторону вражеские стрелы²⁷. В обоих случаях силы природы явно выступают в качестве орудия Провидения. В упомянутом во

второй главе пассаже из сочинения Аймоина буря, посланная Богом в ответ на молитвы королевы Клотильды, способствовала примирению ее сыновей. “O, bone Jesu <...> qui discordes elementorum cursus foedere sancto consocias”, — обращается она к Христу, уподобляя связь между элементами природы связи между родственниками, которую требуется восстановить²⁸. Случаи с Клотильдой и с аббатом, молившемся о заморозках, говорят о том, что человек может с Божьей помощью повлиять на силы природы, обратить их в свою пользу. О взаимосвязи природы и политической жизни и их общей зависимости от Провидения говорит и Адсон, утверждающий, что когда воцарится последний и величайший из королей франков, «будет великое богатство, и земля принесет свои плоды, так что модий пшеницы будет продаваться за один денарий и подобным же образом — вино и масло»²⁹. Можно сказать, что мир предстает подобием огромного, тщательно отлаженного механизма,³⁰ работой которого руководит Господь. Изменение одного из его элементов приводит к изменениям в других, сбой в работе одной детали грозит потрясениями всему механизму, но по Божьей воле может быть и так, что одно нарушение уравнивает и исправляет другое.

Болезни

Далеко не всегда недуги насылаются свыше, и для избавления от них персонажи сочинений наших авторов полагаются не только на молитвы и покровительство святых. Мы уже говорили о том, что у Рихера, наиболее сведущего в медицине, причины заболеваний чаще оказываются вполне естественными: переохлаждение и сме-

на времени года³¹, плохо залеченные раны³², неудачное падение с лошади³³. Часто пишет он и о «дурных соках» как о причине или симптоме болезни³⁴. Следовательно, процессы, происходящие в окружающей человека природе, даже простая смена времен года и изменение температуры влияют на процессы внутри человеческого организма, нарушают его гармонию и приводят к заболеванию. Согласно Рихеру, болезнь достаточно часто возникает и лечится без непосредственного вмешательства свыше, но мы встречаем у него и более обычные для его времени рассказы о недугах, например, об эпидемии, которой предшествовали лунное затмение и другие знаки, и которая, вероятно, служила одним из предвестий очередной смуты в королевстве³⁵, или о страшном недуге — божественной каре Винемара, убийцы архиепископа³⁶. Л. Маккинни пишет о Фульберте Шартрском, епископе и знаменитом медике того времени, что тот «был известен как один из столпов французской ортодоксии. Тем не менее, среди множества медицинских пассажей в его сочинениях нет указаний или ссылок на чудесное исцеление, и очень мало упоминаний о сверхъестественном в медицине»³⁷. И действительно, в письме Фульберта к Адальберону-Асцелину мы читаем: «...Мы готовы, если будет на то Божья милость, всеми известными средствами оказать помощь вашему верному другу Эбалу в его болезни; мы посылаем ему три отвара, рекомендованных Галеном, и столько же пилюль териака; если они помогут, вы легко найдете, как их принимать и изготавливать, в ваших книгах про лекарства»³⁸. Кстати, Рихер также ездил совершенствовать свое медицинское образование именно в Шартр³⁹.

Однако упоминания о болезнях, следующих за предзнаменованиями, и о чудесных исцелениях весь-

ма часты. В «Анналах» Флодоарда рассказывается, как во время очередной эпидемии люди, которые приходили помолиться в церковь Пресвятой Девы в Париже, сразу же выздоравливали⁴⁰; схожим образом, согласно Рихеру, король Радульф, когда болезнь его затянулась, прибег к помощи св. Ремигия⁴¹ и, как и следовало ожидать, поправился. Гармонию в организме человека возможно и нарушить, и восстановить тем же путем, что и гармонию в общественной жизни — через вмешательство высшей силы.

Воздействие Провидения на происходящее в мире

Бог руководит равным образом и человеком, и природой, Он способен повлиять и на саму природу человека или явления, на набор качеств, заданных от рождения. Поэтому в один ряд можно поставить и только что упомянутого убийцу архиепископа с его чудовищной болезнью, и названную Флодоардом девушку Озанну, которая оказалась в состоянии в течение двух лет не есть хлеба и мяса, неделю лежать без чувств, потея кровью и пророчествовать⁴², и сочащийся кровью хлеб, и цветы, появляющиеся среди зимы, и виноградные гроздья на бузине. Это касается и сферы общественной жизни. Так, Аббон Флерийский сетует: «Ведь если юноши презирают установления старых времен, с которыми должны были бы соглашаться, то остается разве что свинцу плыть по воде, а древесине — погружаться на дно и трескаться»⁴³. Во власти Господа сделать то, чего быть вроде бы не может; Он способен внести новое свойство в природу явления. «Ежедневно в мире случается, что подвижное становится неподвижным, а неподвижное движется, и

причиной этому ни что иное, как доброта Всемогущего. С самого начала, по божественному усмотрению доброго Создателя, среди стихий являются вещи чудеса и необычайные знаки, и для мудрейших из людей это божественное предзнаменование, которое внушает и надежду, и ужас» — так объясняет это Рауль Глабер в XI в.⁴¹

Но это только одно из возможных объяснений. Эпизоды, в которых прямо говорится о вмешательстве свыше, сравнительно немногочисленны. Как правило, участие божьего Промысла лишь подразумевается. Возможно, огромный мировой механизм действует и сам по себе, представляется самодостаточным, включая в сферу своего действия и человека как один из своих элементов. Недостаточная определенность в этом вопросе отражает отсутствие ясности в отношении человека к окружающему миру. Но очевидно, что человек не сознает себя как нечто вполне отдельное от мира и это мешает ему определить свое отношение к нему. Более того, влиять на обычный порядок вещей способен и враг рода человеческого. Адсон говорит, что Антихрист, подражая Богу и стремясь ввести людей в заблуждение, «сделает так, что с неба сойдет ужасный огонь, деревья внезапно начнут цвести и расти, море будет волноваться и внезапно успокаиваться; природа станет меняться на разные лады, воды потекут против течения, будут бушевать ветры»⁴⁵.

Ожидание конца света — миф или реальность?

Описания бедствий, необычных явлений природы и тревожных предзнаменований заставляют остановиться еще на одном вопросе: есть ли в сочинениях этого

времени намеки на ожидаемый их авторами конец света и страх перед его приближением? Строго говоря, на теме грядущего Страшного суда останавливается только один автор: Адсон в своей «Книжечке об Антихристе» говорит, помимо прочего, и о наступающем конце времен, хотя и не называет никакой конкретной даты. «Наши ученые сообщают, что один из франкских королей примет власть над всей Римской империей, и это произойдет в самом скором времени; он станет величайшим и последним из всех государей и будет как должно править своим королевством, а в конце придет в Иерусалим и сложит свои скипетр и корону на Елеонской горе. Это будет конец и погибель Римской и христианской империи», — пишет Адсон⁴⁶. Следует, правда, отметить, что это сочинение было написано им в середине века, около 954 г. Согласно Адсону, на приближение конца света должны указывать, прежде всего, события в политической сфере, но и природа не остается в стороне — правлению величайшего короля будет сопутствовать небывалое изобилие. В изображении других авторов стихийные бедствия и зловещие чудеса служат предзнаменованиями не мирового катаклизма, а вполне конкретных и ограниченных по своему масштабу бед. Пылающее небо у Флодоарда предвещает набег венгров; упомянутые Аймоином «огненный светоч» в небе, землетрясение и появление гроздьев на винограднике в октябре — убийство Гундоальда; лунное затмение у Рихера — распрю между королем Радульфом и графом Вермандуа Херибертом, а также начало эпидемии⁴⁷; землетрясение у того же автора сулит скорый плен королю Карлу Простоватому⁴⁸. Рауль Глабер, напротив, пишет, что знамение, явленное океаном, предшествовало потрясениям в большей части христи-

анского мира: «По всей западной части круга земель разгорелись войны, в том числе и в галльских землях, и на заморских островах, у англов, бриттов и скоттов»⁴⁹. Но отличие заключается не только в духе, в котором выдержаны отдельные эпизоды. У Глабера вся история и людей, и природы подчинена воле Провидения, выстроена в четкую схему, показывающую логическую обусловленность грядущего конца времен. В сочинениях авторов X в. эпизоды, рассказывающие о предзнаменованиях и бедствиях, разрозненны, они перемежаются фрагментами бытового, занимательного и просто забавного содержания. Кроме того, Аймоин, у которого мы находим довольно много мрачных описаний знамений и бедствий, писал все же о далеком прошлом. А у Рихера сообщения о зловещих явлениях и их последствиях в основном сосредоточены в той части повествования, которая основана на сочинениях Флодоарда (приблизительно с 15 главы первой книги по 22 главу третьей книги). Четвертая же книга, в которой речь идет о событиях последней четверти X в., выдержана во вполне «трезвом» духе, посвящена исключительно людским делам и явно лишена следов какой-либо тревоги по поводу дальнейших судеб мира. В последних главах сочинения Рихера, действие которых разворачивается непосредственно перед тысячным годом (и которые были написаны на самом рубеже тысячелетий), автора беспокоит исключительно судьба Герберта, которого пытаются несправедливо лишить реймского архиепископства⁵⁰, но никак не приближение Страшного Суда. Да и самого Герберта, судя по его письмам, тема конца света не занимает. По сравнению с «Историей» Глабера, труды авторов X в. выдержаны в более оптимистическом и «светском» тоне. Мрачным может

быть отдельный эпизод, но не повествование в целом. Пугающие явления в природе предрекают скорее единичные бедствия, ограниченные по силе воздействия, или указывают на конкретные отклонения определенных людей от правильного пути. Причем ошибки людей можно исправить, а бедствий — избежать. Авторам порой присуще настороженное отношение к окружающему миру, даже страх перед ним, но это не страх перед грядущим концом света.

Противопоставление «природа» — «культура»

Связь между человеком и окружающим миром оказывается в сочинениях ученых монахов довольно тесной. Несмотря на это, логично было бы предположить — они осознавали различие между природой и культурой, т.е. всем, что создано человеком или несет на себе отпечаток его деятельности, причем в каких-то сферах данное различие должно было проявляться более отчетливо. Само слово «культура» авторы используют крайне редко и, как правило, в другом смысле; оно известно, например, Адсону, но в значении «культ», «верование». «Что это за новая и доселе нам неведомая религия, кичась превосходством которой над культом наших богов, ты возвещаешь нам, что мы должны исповедовать другое?» — спрашивает у св. Мансуэта языческий правитель Лев⁵¹. А в сочинении об Антихристе Адсон сообщает, что тот «призовет мир к поклонению демонам» (“*daemonum culturum in mundum revocabit*”)⁵². Наконец, описывая засуху, автор использует слово “*cultura*” в значении «земледелие», что позволяет говорить о наличии в данном случае оппозиции

природа — культура (из-за разбушевавшихся сил природы гибли посевы на полях — “cultura deperiebat”)⁵³.

Сельское хозяйство

Сведения о сельском хозяйстве, пахотных землях, садах и виноградниках в наших источниках довольно скудны. При описании местности, как правило, указывается на плодородие здешних земель⁵⁴. Сельскохозяйственные работы могут упоминаться и для уточнения времени года — мы уже говорили о выражении “tempus vindemiae”, а Аймоин однажды сообщил, что «войско вторглось, когда зеленели посевы и лен еще стоял в поле»⁵⁵. Упоминаются и пастбища, например, у Флодоарда⁵⁶. Он пишет и о неурожаях: «В этом году в округе Реймса не было винограда, разве что совсем немного»⁵⁷. Дудон упоминает не совсем понятное распоряжение, сделанное Роллоном: тот «повелел, чтобы никто не относил домой пахотные орудия, но оставлял их на пашне, и не присылал никого стеречь лошадь, осла или быка, чтобы не потерять их»⁵⁸. Однако более всего авторов беспокоят случаи, когда земля по каким-либо причинам остается невозделанной. «Начался большой голод, ведь землю не вспахивал плуг» — пишет Дудон⁵⁹. Ему вторит Адсон: «Поскольку земля растрескалась и человеческий труд оставил из-за невыносимой жары почти сожженную землю (страшно сказать!), земледелие пропадало...»⁶⁰. Словом, они вполне понимают значение земледелия, но эта сфера, видимо, слишком далека от их круга занятий и потому плохо им знакома, а приведенные ими сведения скудны и не слишком оригинальны.

Природа и город (монастырь)

Судя по отрывочным биографическим сведениям, наши авторы большую часть жизни провели в монастырях, так что монастырский или городской жизненный уклад должен был быть для них наиболее привычным. Они подвизались в рукотворном пространстве, защищенном от мира каменными стенами, поэтому отличие их среды обитания от природного окружения, вероятно, осознавалось ими особенно остро. «Фундаментальный дуализм «культура-натура» отражался, прежде всего, в противоречии между тем, что является построенным, возделанным и обитаемым (город — замок — деревня вместе взятые) и тем, что близко к состоянию дикости (море, лес, — западные аналоги восточной пустыни), мир, населенный обществом людей, и мир уединения»⁶¹. Поэтому можно было бы предположить, что сопоставление описаний городов и монастырей с «пейзажами», которые мы сможем найти в наших источниках, позволит понять, имело ли место в умах ученых клириков X в. противоречие между “natura” и “cultura”, и насколько отчетливо они его осознавали.

Сложность в том, что описания городов встречаются в наших текстах не так уж часто, авторы обращают внимание, прежде всего, на стратегическое расположение населенного пункта и на его укрепления, а не на архитектурные достоинства или местные достопримечательности. Удачное местонахождение крепости означает наличие естественных рубежей (гор или рек), источников питьевой воды, запасов древесины, близость сельскохозяйственных угодий и отсутствие легкого доступа для противника. Вот как, например, Рихер описывает окрестности Вердена: «Расположение

города позволяло нападающим подступить к нему спереди по удобопроходимой равнине, но с тыла он был недоступен. С этой стороны поднималась скала и простиралось глубокое ущелье. На другом его краю высились крутые отроги. Город изобиловал источниками и колодцами, а также соседствовал с лесом и омывался Маасом с крутыми берегами»⁶². Аймоин, рассказывая о монастыре Ла Реоль, где погиб Аббон Флерийский, сообщает, что он «был возведен на горе. Эта гора с трех сторон, восточной, северной и западной, была окружена другими горами, а с юга его огибали глубокие воды реки Гаронны. На востоке между этой и другими горами находилось узкое ущелье, по которому бежал ручей»⁶³. Из этого следует, что природа и культура не враждебны друг другу: и та, и другая вносят свой вклад в обеспечение безопасности жителей укрепления. Природа создает подходящее для обитания место, человек находит его и возводит городские или монастырские стены, умело используя преимущества ландшафта. Однако сама по себе, без приложения человеческих рук, природа не в состоянии предоставить необходимую защиту. Близ монастыря Ла Реоль находился королевский замок Кассиньоль, очень удачно расположенный («местность была неприступна для неприятеля, разве что с севера, где к нему примыкала небольшая равнина...»⁶⁴), но пришедший в запустение из-за небрежения людей: и каменная башня, защищавшая замок со стороны равнины, и стены превратились в руины. Глядя на развалины, Аббон Флерийский говорит: «Нынче в этих краях я могущественнее государя нашего короля франков, ведь никто не убоится господина, владеющего таким вот домом»⁶⁵. И действительно, подлежавший власти Аббона Ла Реоль находился в

куда лучшим состоянии, чем Кассиньоль — владение короля Роберта.

Описание развалин Кассиньоля содержит, в отличие от типового описания укрепления, некоторые детали, относящиеся не к стратегическому расположению, а к архитектурному своеобразию постройки: упомянуты башня, сложенная из квадратных каменных блоков, и остатки стен, цепляющиеся за склоны горы. Рихер, рассказывая о взятии Лана, также приводит конкретные сведения о городской застройке близ ворот. «Королевские воины были защищены с левой стороны некоей стеной, справа же — домами»⁶⁶, упоминает он и отдельно стоящую неприступную башню⁶⁷, которую Людовик VI отделил от города стеной. Вообще же подобные детали — редкость для наших источников: их авторы не проявляют особого внимания к светской архитектуре, восхищение красотой города им тем более не свойственно⁶⁸. У них практически не упоминается городская застройка. Если не считать цирков, которые Хильперик приказал возвести в Суассоне и Париже⁶⁹; авторы рассказывают только о строительстве новых укреплений. Карл Лотарингский, взяв Лан, укрепил его для обороны: «Башню, стены которой были низкими, надстроил зубцами и окружил со всех сторон глубокими рвами»⁷⁰; готовясь к обороне замка Монс, его владелец отстроил там «стены поперек самых лучших строений», причем людей для работы нанял со стороны⁷¹. Города и замки фигурируют в текстах только как опорные пункты, которые враждующие стороны стремятся удержать или захватить (войны зачастую сводятся к череде осад). С этим связано и восприятие городов как символов власти над страной: у Рихера вновь коронованный монарх торжественно

объезжает «большие и малые города» своего королевства⁷². Признаков отношения к городу как к средоточию культуры мы не находим, хотя выдержанные в мрачном тоне сообщения о появлении в городах волков и медведей можно истолковать следующим образом: диким зверям надлежит находиться в лесу, а приходя в города, они нарушают границу мира людей⁷³.

Монастырь и окружающая местность

Если место для укрепления должно отличаться стратегическими преимуществами, то местность, подходящая для возведения монастыря, — еще рядом специфических признаков. «Само по себе место для основания монастыря не могло быть выбрано случайно: в нем либо угадывался образ райского ландшафта, некое подобие Эдема, либо оно отвечало идеалу аскетического уединения, напоминало овеянную легендами пустынь <...> Так или иначе, но в любом из вариантов “sanctus locus” понимался как место, “приготовленное” или “указанное” Богом для монашеского подвижничества»⁷⁴. Адсон очень выразительно рассказывает о том, как св. Берхарию и его спутникам было свыше указано место для создания обители. «Посреди широкой поляны, затемненной раскидистой листвой, они выбрали для необходимого отдыха бук с зелеными листьями. Он поднимал голову среди зарослей ольхи, словно кипарисы среди гибкой калины. Они скорее бросились под это дерево отдыха ради <...> святой муж Берхарий глядя на небо, любовался светом, как вдруг из ясного воздуха с высоты спустилась голубка, блистающая, словно снежная молния, и медленно воссела на то самое дерево, под

которым они находились»⁷⁵. Столь красивая и располагающая к безмятежному отдыху местность, несомненно, была предназначена свыше для богоугодной цели. Удобным и привлекательным оказывается и пристанище, избранное св. Вальдебертом: «И сейчас показывают место, отстоящее от монастыря на две мили, лежащее у подножия скалы, превосходно орошаемое водой, что пробивается из земли — там, говорят, он и построил себе келью»⁷⁶. Красота еще более, нежели удобство, является признаком того, что место отмечено особым благословением. «Он решил увенчать тихую красоту земли Господним храмом — отрадой для глаз», — пишет Адсон о св. Берхарию⁷⁷. Описание же воздвигнутого храма показывает, что автор понимал, как важно гармоничное сочетание архитектурного сооружения с окружающим его ландшафтом. Расположенный на пологом склоне горы монастырь, «смягчая обрыв, придает прелести ласкающей красоте равнины и озирает сверху вид далеко простирающихся берегов Марны, вызывая жажду сладостных видений <...>, его фундамент выложен удивительным кругом, и все стены здания, наподобие голубки проникают в воздух и глядят сверху»⁷⁸.

Убежденность людей в том, что Господь изначально отметил некоторые места для своих наиболее достойных слуг, находит довольно своеобразное подтверждение еще в одном пассаже из сочинения Адсона. Когда св. Фродоберт подыскивал в лесах подходящее место для постройки нового монастыря, он повстречался со свинопасами и спросил у них, не могут ли они помочь ему. «Мы готовы показать место, пригодное для обитания, известное нам, — ответили пастухи, — ведь очень часто там-то мы и находим свое стадо свиней, уже отчаявшись в поисках, и наде-

жда найти там свиней никогда не бывает напрасной, поскольку потерянные животные всегда отправляются в это привычное место»⁷⁹. Таким образом, оказывается, что монастырь не противопоставлен природе, а, скорее, гармонично сосуществует с ней.

Местность, пригодная для обитания

Каким вообще представляли себе авторы место, подходящее для проживания людей? Земля, пригодная для жизни, должна, прежде всего, предоставлять человеку обильные и разнообразные источники пропитания. «Эта земля богата всеми плодами, затенена деревьями, пересечена реками, полными рыбы, там водятся достаточно зверя, на которого охотятся», — говорят люди Роллона о землях на Сене⁸⁰, а о будущей Нормандии отзываются так: «Эта земля пустынна, лишена воинов и не тронута плутом, говорят, там много добрых деревьев; она пересечена реками, полными разного рода рыбы, богата для охотников, славится своими виноградниками, ее почва плодородна для хлебопашества, с одной стороны, она окружена морем, дарующим разные блага, а с другой, — водными потоками, удобными для плавания»⁸¹. Аббон в приведенном ранее описании части Британии⁸² также обращает внимание на плодородные земли, сады, леса и реки, изобилующие дичью и рыбой.

Примечательно, что для обозначения масштабов неурожая, голода или, напротив, наступившего изобилия авторы уточняют цены на продовольствие. Степень благоприятности природных условий оценивается исходя из того, насколько трудно человеку добыть себе пропитание, а трудоемкость показывается, исходя из

стоимости пшеницы или масла. Рихер, рассказывая о голоде, наступившем в начале правления короля Одона, сообщает, что «мера зерна, которая составляет $\frac{1}{16}$ модия, возросла в цене до 10 драхм, курица стоила 4 драхмы, а яйцо — 3 унции, цена коровы поднялась до $\frac{11}{12}$ либры. Невозможно было купить вина, т.к. виноградники повсюду были вырублены и вряд ли у кого вообще имелись»⁸³. Работая над своим сочинением более ста лет спустя, Рихер вряд ли имел возможность использовать подлинные данные о ценах 888 г. Скорее, эти цифры он ввел для того, чтобы сделать свое описание более понятным. По-видимому, с той же целью Рауль Глабер сообщает, что «тогда помимо нехватки прочих вещей наступил такой недостаток вина, что цена одного модия равнялась двадцати четырем солидам»⁸⁴. Он же рассказывает о том, как «в тысячном году от страстей Господних <...> божественные доброта и милосердие остановили проливные дожди, радостный лик неба стал проясняться, повеяли благоприятные ветры, и ясная, тихая погода явила величие творения; вся поверхность земли дружелюбно зазеленела и сулила совершенно изгнать голод изобилием плодов <...> В том же году было такое изобилие хлеба и вина, и других плодов, на которое в следующие пять лет никто и не мог надеяться. Любая человеческая пища, кроме мяса и лакомств, ничего не стоила»⁸⁵.

Отшельники и их отношения с природой

Природное окружение служит человеку источником средств к существованию. В этом плане люди находятся в зависимости от природы, но их силы неравны. Когда же человек оказывается наедине с ней, тем более

далеко от обжитых мест, к этой зависимости добавляются всевозможные опасности, угрожающие здоровью и самой жизни: дикие лесные звери, бурное море, наводнения и землетрясения. Поэтому для людей естественно опасаться могущества природы, избегать контакта с ней один на один. Правда, святые нуждаются в уединении, которое позволило бы им сосредоточиться на молитвах. Адсон пишет про св. Базола, что тот, «желая совершенно избежать людской толпы и начать уединенную жизнь, вновь избрал себе место на поросшей лесом вершине горы и там построил келью с часовней, дабы вести монашескую жизнь в одиночестве — ведь так он лучше исполнил бы вверенный ему небесами труд и смог бы собрать самые прекрасные и чистые плоды созерцания»⁸⁶. Но уединение оказывается относительным: келья святого обычно сооружается вблизи какого-либо города или монастыря. Когда св. Базол предпринял первую попытку уединиться, автор сообщил, что тот вознамерился поселиться «в неведомых краях» (“*inter ignotas terras*”), хотя выбранное им место находилось недалеко от Реймса⁸⁷. С другой стороны, если обитание святого в пределах видимости населенного пункта воспринималось авторами как отшельничество, то насколько опасными казались им места, более удаленные от обжитых людьми пространств⁸⁸!

Одно из отличий святых от обычных людей состоит в том, что им неведом страх перед дикостью. Они обладают способностью достичь гармоничных отношений с природой, не пытаясь покорить ее. Это хорошо видно на примере того, как св. Базол у Адсона вступает за дикое животное, загнанное охотниками. «Был некий могущественный человек по имени Аттила, он (как это свойственно людям) вступил в свой лес, соседствующий

с кельей Божьего мужа, дабы поохотиться. И его надежда на добычу не оказалась напрасной. На фыркающих конях он преследовал по свежим следам удивительных размеров вепря. И поскольку в природе всех живых существ бояться смерти, этот огромный зверь взобрался на гору, где обитал Божий муж и прямым ходом направился к его келье, словно обладая разумом и позабыв о своей свирепости, мохнатая зверюга бросилась к ногам святого, будто умоляя спасти ей жизнь. И он, пожалев неразумное животное, поскольку был исполнен сострадания и благодати, приковал преследователей к одному месту, так что глаза видели, что животное совсем рядом, и однако жадные руки не могли до него дотянуться»⁸⁹. Особое расположение Бога к святому стало настолько очевидным для Аттилы («поскольку он был добрым человеком»), что он не только отказался от своих намерений в отношении вепря, но и передал праведнику весь лес вокруг кельи, создав своего рода заповедник. Эпизод показывает двойственность положения человека в мире. Обычный, хотя и добрый, человек, Аттила видит в лесе только место для охоты, а в вепре — только желанную добычу. Для него возможна только физическая борьба с природой или отступление перед ней. Для святого же Базола лес служит местом уединения, приближающего его к Богу. По отношению к вепрю он испытывает не страх, но сострадание, и тот кротко просит его о помощи. Природа не угрожает святому, но подчиняется ему и окружает его вполне дружелюбно⁹⁰.

Литературный язык и природа

Всевозможные литературные обороты и поговорки, использующие образы, позаимствованные из приро-

ды, служат доказательством того, что нашим авторам знакомо отвлеченное, эстетическое отношение к ней. С другой стороны, эти приемы в какой-то степени могут свидетельствовать и о том, что человек не полностью отделяет себя от природы. Разумеется, в большинстве случаев подобные обороты появились не в Х в., но были навеяны античной литературой. Однако нашим авторам они, по-видимому, не кажутся непонятными и неестественными.

Так, достаточно часто встречается сравнение юности человека с цветением. «Цветущая юность», «юность, блистающая первыми цветами», — читаем мы у Адсона⁹¹. Рихер пишет о короле Роберте Благочестивом, что он «он был в возрасте 19 лет и цвел молодостью»⁹². С цветением сравнивается и красноречие — тот же Рихер говорит об Арнульфе Орлеанском, что он «процветал среди галльских епископов даром красноречия»⁹³. Святость также сопоставляется с благоуханными цветами: согласно «Чудесам св. Бенедикта», Флерийский монастырь получил свое название, поскольку «содержал в себе золотой райский цветок — святейшего отца Бенедикта, который превосходным ароматом своей добродетели издали призывал к поклонению себе»⁹⁴. А состояние дел в реймской общине во времена св. Базола напомнило Адсону не только о цветах, но и о звездах: «в это время община Реймса процветала, настолько весь город, украшенный сиянием святых, еще пребывающих во плоти, блистал, словно небесный круг озаренный созвездиями сверкающих светил»⁹⁵.

Летальд, повествуя о наступлении мира, сравнивает его с приходом весны в следующих словах: «Когда весеннее тепло согревает воздух, деревья покрываются

душистыми цветами, а дотоле оголенные розовые сады вновь украшаются розами, и белизна лилий внезапно поражает удивленные глаза»⁹⁶. Дудон сопоставляет свирепость воинов с извержением вулкана⁹⁷, Рауль Глабер говорит, что войско прошло по землям противника, «словно порывистый вихрь по густым хлебам»⁹⁸, а норманны в сочинении Рихера намеревались перебить франкских воинов, «как скот»⁹⁹. Фульберт Шартрский же пишет о себе: «Очевидно, я кажусь способным возить дрова с поля в лес или воду — в море»¹⁰⁰. Описывая бегство епископа Эгидия, Аймоин насмешливо замечает, что «от страха у него выросли стремительные крылья»¹⁰¹. Он же, рассказывая об ученых трудах своего наставника Аббона, сравнивает его с пчелой: «Словно трудолюбивая пчела, собрав из речений многих авторитетных Отцов всевозможные медоточивые цветы, он сдул с них сладкую пыльцу»¹⁰². А сам Аббон, по его словам, уподоблял своих недругов собакам («пусть изгрызет меня собачьими клыками злобное коварство завистников, пусть противники облают меня со всех сторон...»¹⁰³). Возраст человека, его настроение, положение дел в обществе — все это оказывается возможным описать с помощью навеянных природой образов.

Затруднительное положение, в котором оказывается человек, его тревоги и сомнения, могут передаваться подобными же художественными средствами. Дудон говорит о предстоящем ему литературном труде, как о нелегком пути: «Теперь же — дорога дальняя, неровная, каменистая, повсюду заросшая травой, ведущая через леса и рощи, скользкая и тернистая»¹⁰⁴. Это применимо и к государству в целом. Например, Фульберт Шартрский дает королю такой совет: «Будь осторожным и бдительным кормчим ко-

ролевского корабля. Духи земли высокомерно освидетельствуют его. Его волнуют бури этого века. Угрожают бедой скалы мирского могущества, и, как пират, подстерегает лицемерие. Среди всего этого надо держать путь к порту небесного отечества»¹⁰⁵.

Эстетическое восприятие природы

Был ли ученый монах X столетия способен не только поверить в возможность гармоничного сосуществования с природным окружением, но и оценить его эстетическую составляющую? Каким образом этот аспект взаимоотношений человека и природы мог отразиться в его сочинениях? Первое, что приходит на ум в этой связи, — описания ландшафтов, которые, в идеале, должны были бы не только позволять нам живо представить себе местность, но и соответствовать духу того эпизода, в который это описание включено¹⁰⁶. Полноценные пейзажи в наших текстах редки. Примером может служить следующий фрагмент из сочинения Адсона: «Его путь лежал в округ близ реки Марны, где находился подлежащий его власти прелестный уголок. Он лежал у слегка изогнутого склона горы, прекрасные зеленые травы покрывали его, по склону неторопливо сбегал ручей, пологие холмы вокруг заросли деревьями и виноградниками, и место это было отрадой для глаз»¹⁰⁷. Аймоин, говоря о прибытии троянца Антенора в Паннонию, сообщает, что тот «порадовался красоте этих мест» и решил основать там город¹⁰⁸. Наконец, Дудон Сен-Кантенский включает в свое повествование следующее стихотворное описание Сены и ее окрестностей: «Воды Сены образуют бурные лазоревые ому-

ты, и блуждающий зной колеблет безмерные волны. Она огибает благоуханные цветущие луга на берегах и тихо оmyвает кудри трав проворной волной. Море встречает и обращает вспять ее бурные воды, вытесняя ее назад, гонимую с равным натиском, претерпевающую колебания и приливы. Холмы блестяще одеты тенистыми виноградниками, и земля горда, произрастив роскошный виноград, и сверкают луга, напоенные бурными волнами»¹⁰⁹. Это стихотворение, достаточно пространное и не связанное с прозаическим текстом (у Адсона речь шла о месте, отмеченном свыше для основания монастыря) лучше всего показывает, что человек X столетия был способен любоваться природой и находить краски для ее описания, хотя, отметим, восхищение авторов вызывает только мирный, не сулящий никаких опасностей пейзаж. Дикая природа — лесная чаща, непроходимые горы, бурное море — подобных эмоций не вызывает. Эстетическое отношение к природе проявляется только тогда, когда отсутствует чувство опасности.

Однако эстетическое восприятие окружающего мира не может сводиться только к описанию отдельных его частей. «Эстетика природы возможна лишь тогда, когда она не буквально воспроизводит явления природы, но оказывается их специфической интерпретацией. Картина природы, претендующая на эстетическую значимость, не может быть простым слепком, в ней должна присутствовать та конкретизация, которая противоположна простой фотокопии. Эстетическая значимость природы предполагает разнообразную реакцию на окружающую природу...»¹¹⁰. Приведенные выше примеры «пейзажей» у французских авторов X в., никак не являясь фотографически точными,

выполняют возложенную на них задачу — создают у читателя общее впечатление, настраивают его на нужный лад. Той же цели служат и литературные обороты, на которых мы останавливались выше. Но эти приемы — введение в текст описаний и сравнений — были широко распространены и в Античности. Вопрос в том, можно ли заметить в отношении наших авторов к природе нечто специфически средневековое, новое по сравнению с теми образцами, на которых они учились.

Эта новизна неожиданно проявляется в одном из наиболее выразительных эпизодов «Чудес св. Бенедикта», хотя к нашей тематике он относится только в силу участия в нем животного. Рассказывается в нем о случае, который сегодня мы вряд ли отнесли бы к разряду «чудес» — о спасении из колодца (точнее, глубокой, более 45 локтей, ямы для сбора дождевой воды) принадлежащего Флерийскому монастырю коня. Двое из братьев этой обители приехали навестить захворавшего владельца замка Брусс; поднявшись к нему в опочивальню, они оставили своих коней стреноженными во дворе, и один из них, более беспокойный, свалился в колодец. Все обитатели замка тотчас бросились спасать животное и в конце концов сумели вытащить его, причем, вопреки всем мрачным ожиданиям, конь совершенно не пострадал. В нашем источнике события описываются, что называется, «по горячим следам» (автор узнал об этом спустя всего две недели), со слов их непосредственных участников — упомянутых двух братьев, и, вероятно, яркость эпизода не в последнюю очередь обусловлена обстоятельствами. Повествование выглядит почти документальным: воспроизведены слова персонажей, которые чуть ли не перебивают друг

друга (Хугон, владелец замка, сомневается в том, что спасение коня возможно, а его благочестивая супруга выражает надежду на помощь св. Бенедикта), их эмоции — отчаяние, которое охватило всех, когда две попытки окончились неудачей, и бурную радость, овладевшую участниками событий, когда оказалось, что конь не только выжил, но и оказался в состоянии идти самостоятельно. Нам рассказывают о мельчайших деталях (например, когда порвались все имевшиеся под рукой веревки, спасатели воспользовались скрученными сетями для ловли диких коз, а когда порвались и они — кожаными ремнями и даже ремешками для обуви)¹¹¹. Приводя все эти подробности, автор оказывается весьма искусным и в словоупотреблении — помимо обычного слова “equus”, он использует в отношении коня четыре различно окрашенных синонима: “caballus”, “quadrupes”, “sonipes”, “cornipes”. Ценность эпизода, в котором, казалось бы, описывается довольно заурядный случай, состоит в том, что он не сводится к простому описанию, но заставляет ощутить и тревогу за живое существо, и радость от того, что ему была сохранена жизнь (поначалу хозяина беспокоят, прежде всего, возможные убытки, но затем настроение эпизода меняется). К данному фрагменту вполне применимы слова Э. Ауэрбаха о Григории Турском: «Во всех этих разговорах и восклицаниях — самая конкретная драматизация кратких спонтанных процессов, происходящих между людьми. Действующие лица противостоят друг другу с глазу на глаз, отвечают словом на слово, дыханием на дыхание, — прием, которого нельзя встретить в античной историографии...»¹¹².

До тех пор, пока человек находится среди людей и в обитаемом месте, особенно в монастыре, он не слишком отчетливо осознает различие между природным окружением и миром людей. Его отношение к природе колеблется от настороженности или даже страха (поскольку их силы неравны, человек может надеяться только на помощь свыше) до умиленного любования. Такое отношение к ней, скорее всего, наваяно более античной литературой¹¹³, чем личным опытом. Природно-хозяйственная реальность Северной Франции X в. была другой. В это время довольно бурными темпами прокладываются новые дороги, происходит вырубка лесов, строятся замки, основываются новые города. Человек учится приспосабливать природу для своих нужд, и это нашло отражение в сочинениях наших авторов. Краткое описание вырубки леса и подготовки почвы для посева, приведенное Летальдом, уже цитировалось выше¹¹⁴. У Адсона мы находим пассаж, который, безусловно, свидетельствует в пользу того, что монах X в. все же различал дикую природу и природу укрощенную, облагороженную человеческим трудом, был способен по достоинству оценить этот труд. На заре христианства пустынников манили места, условия жизни в которых были для человеческого существа почти невыносимыми. Отшельник из наших источников, напротив, стремится облагородить и «очеловечить» дикие края. «В той же самой части фиска находилась местность, как говорят, покрытая болотами и многочисленными водоемами, заросшая рощами и лесами, ее населяли в большей мере звери и змеи, нежели люди. Облеченный королем властью над ней и укрепленный великой помощью свыше, он добрался до этой ужасной, болотистой местности и, приложив величайшие усилия,

выкорчевав кустарники и осушив топи, подготовил пространство, пригодное для обитания»¹¹⁵.

Согласно воззрениям ученых монахов, человек способен достичь гармонии с природой, он может даже, опираясь на собственные силы или же на помощь свыше, бросить природе вызов, отвоевав у нее какое-то пространство. Правда, авторам X в., в целом, все же несвойственно восхищаться и даже просто интересоваться процессом укрощения природы. Эстетическая составляющая в их восприятии природы присутствует, но выражена сравнительно слабо. На первом плане — разумное использование ее даров, достижение некоего равновесия между дикой природой и окультуренным пространством.

Примечания

- ¹ *Adalbero Laudunensis episcopus. Carmen ad Rotbertum regem. 424—426.*
- ² *Rodulfus Glaber. Historiarum sui temporis... I. I.*
- ³ *Flodoardus. Annales, 927.*
- ⁴ *Ibid. 934.* Любопытно отметить, что и в этом случае, и в предыдущем «острия» в небе появлялись либо утром, либо перед рассветом, так что это явление (облака, формой напоминающие «острия» и подсвеченные восходящим солнцем?) могло просто сопровождать утреннюю зарю, и ничего сверхъестественного в нем не было. Вероятно, статус предзнаменования эти «острия» в небе, если они имели место в действительности, приобрели именно благодаря начавшимся вскоре эпидемиям.
- ⁵ *Aimoinus. Historia... III. LXXVIII.*
- ⁶ *Flodoardus. Annales. 937.*
- ⁷ *Richerus. Historiarum libri... II. 7.*
- ⁸ Речь идет о Монмартре.
- ⁹ “*Quo tempore ferebatur Parisii turbo repente exortus, tanta vi discucurrisset, ut parietes multa lapidum mole fundati, in Monte Martirum funditus eversi fuerint. Demones quoque equitum specie visos, basilicam quandam non procul sitam, evertisse, eiusque trabes memoratis parietibus tam valide incussisse, ut eos subruerint;*

evulsisse etiam eiusdem montis vineta, ac sata devastasse. Mox viso prodigio, Britannorum pernicies subsecuta est” // Ibid. II. 41. «Погибелью бриттов» автор называет разорительный набег норманнов на Бретань. См. также: *Flodoardus. Annales.* 944.

¹⁰ *De miraculis S. Benedicti.* II. XII. 29.

¹¹ *Ademarus. Historiarum libri III.* III. 52.

¹² *Flodoardus. Annales.* 920.

¹³ “Hoc anno rosae visae sunt mense Januario; et arbores, quae mense Julio fructus protulerant, iterum mense Septembri alios protulerunt” // *Aimoinus. Historia...* III. LV.

¹⁴ “Cuius tempore stella ex adverso veniens in lunam ingressa est. Tunc quoque uvae in arbore, quae Sambucus dicitur, natae sunt, et flores ipsarum arborum, quae nigra proferre solent grana, botros protulerunt. Gravis eo tempore et solito asperior hiems facta est” // Ibid. II. XXV.

¹⁵ “Erat <...> mensis decimus, apparueruntque in vineis pampini cum uvis ad plenum formati, et in arboribus flores. Pharus quoque ignea, per coelum nocte currens media, late mundum luce lustravit clara. Columna etiam ignis coelo pendere est visa, cui superposita erat stela magna. Quae aestimabant homines interitus Gundoaldi esse indicia, cum et terra tremeret ac alia multa parerent signa” // Ibid. III. LXI.

¹⁶ Ibid. III. XXXIII. Cp.: *Gregorius Turonensis. Historia...* V. 33—34, 41.

¹⁷ “Hoc anno Luna eclipsim passa est, et intra territorium Turonicum verus de effracto pane sanguis effluxit. In Silvanectensi pago, hominis cujusdam domus, cum ille mane surgeret, sanguine introrsum aspersa apparuit. Murus Suessionensis divinitus subversus est. Andegavis terraemotus factus est” // Ibid. III, XLVI.

¹⁸ Ibid. III. XXXIX. Что касается комет, уместно провести параллель с более ранней «Жизнью императора Людовика». «Зловещий и предвещающий горе знак — комета — появился в созвездии Девы, там, где подол ее платья, а хвост кометы был подобен то змее, то ворону». Когда император попросил Анонима, сведущего в этой области, истолковать этот знак, тот долго не решался дать прямой ответ, и тогда император сказал сам: «Говорят, что это — предвестие смуты в королевстве и смерти государя». См.: *Anonimi vita Hludowici.* 58.

¹⁹ *Fulbertus Carnotensis episcopus. Epistolae.* LXXX.

²⁰ *Ademarus. Historiarum libri III.* III. 46. “Ipsa elementa tunc cuique regi congrua, nunc autem omnibus ubique contraria, uti Scriptura divino munere prolata testatur: Et pugnabit orbis terrarum contra insensatos (Притч. Сол. 5:21). Per idem tempus eclipsis lunae XIII Kal. Aprilis contigit. Nix insuper multa eadem nocte cecidit, mororemque omnibus; uti praefatum est, justo Dei iudicio incussit. Id propterea, inquam, quia hinc inde ubique rapinae et omnigena

- mala sese inserebant, illinc aeris intemperies spem omnium bonorum eripiebat” // *Nithardus*. De dissensionibus filiorum... IV. VII.
- ²¹ M. Annaei Lucani De bello civili... I. 526—529, 558—560. Цит. по изд.: *Марк Анней Лукан*. Фарсалия... С. 22—23.
- ²² СХ. 1423—1437; Песнь о Роланде... 70.
- ²³ *Aimoinus*. Historia... I. XXV.
- ²⁴ *Richerus*. Historiarum libri... II. 2. 4. Схожий эпизод мы находим и у Анонима: пока король Людовик находился в заточении у своих мятежных сыновей, шли сильные дожди и бушевали бури, когда же его освободили, «стихии, казалось, стоворились, так что и бурные ветры сразу успокоились, и лик неба вернулся к исконной, но давно не виданной ясности». См.: *Anonymi vita Hludovici*... 51.
- ²⁵ “In eo certamine tanta caligo ac tenebrae occupaverunt Hungarorum partem, ut vix juxta se positum quis illorum posset agnoscere. Exercitus quoque regis videbatur clarissimo sole circum et infra perlustrans” // *Radulfus Glaber*. Historiarum sui temporis... V. IV.
- ²⁶ *Adso Dervensis abbas*. Vita S. Frodoberti. 34.
- ²⁷ “Benedictum resonant tum vallium concava, respondentque Benedictum proximae silvae abdita. Quo fragore vicinos consedissee montes infernaque patuisse hostibus visum” // *De miraculis S. Benedicti*. II. V. 14.
- ²⁸ *Aimoinus*. Historia... II. XVIII.
- ²⁹ *Adso Dervensis abbas*. Libellus de Antichristo... Col. 1296.
- ³⁰ Кстати, Рауль Глабер употребляет выражение: “mundanae rerum machine”. (*Radulfus Glaber*. Historiarum sui temporis... I. V).
- ³¹ *Ibid.* I. 65; II. 99; III. 14, 109.
- ³² *Ibid.* I. 11.
- ³³ *Ibid.* II. 103; IV. 5.
- ³⁴ *Ibid.* I. 11, 13, 56, 65; II. 37, 103 и т.д.
- ³⁵ *Ibid.* I. 52.
- ³⁶ “Qui in brevi deficiens, insanabili ydropis morbo a Deo percussus est. Ventre itaque turgidus, exterius quidem lento igne interius vero immani incendio urebatur. Ingens tumor pedum non deerat. Verenda vermibus scaturiebant. Crura tumentia ac lucida. Anelitus fetidus. Viscera etiam paulatim per colum diffluebant. Super haec omnis sitim intolerabilem sustinebat. Appetitum vero comedendi aliquando habebat, sed cibi illati fastidium inferebant. Insomnietatem iugem patiebatur. Omnibusque factus intolerabilis, omnibus horrore habitus est” // *Ibid.* I. 18. Кстати, это единственный случай, когда Рихер прямо говорит о болезни, как о наказании свыше.
- ³⁷ *McKinney L.C.* Early Medieval Medicine... P. 133.
- ³⁸ *Fulbertus Carnotensis episcopus*. Epistolae. IV.

- ³⁹ Противоречия между двумя подходами к избавлению от недуга, по-видимому, не существует. Ю.Е. Арнаутова приводит очень любопытный эпизод из «Миракул св. Вальбурги»: святая является во сне к женщине, которую мучает боль в некогда сломанной ноге, и советует ей обратиться к хирургу. Та повинуется и выздоравливает. См.: Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность»... С. 155.
- ⁴⁰ *Flodoardus. Annales.* 945.
- ⁴¹ *Richerus. Historiarum libri...* I. 49.
- ⁴² *Flodoardus. Annales.* 920.
- ⁴³ *Abbo abbas Floriacensis. Epistolae.* V.
- ⁴⁴ “Id quotidie in mundo agitur, quid aliud quam Omnipotentis bonitas, etiam immobiliter mobilis at mobiliter immobilis, operari monstratur. Idcirco ab exordio sui, divina boni Conditoris dispensatione, prolata sunt ei prodigiosa rerum miracula, ac portentosa elementorum signa, nec non et sagacissimorum virorum, tan spem quam formidolositatem inculcatura, divinitus oracular” // *Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis...* I. V.
- ⁴⁵ “Faciet ignem de coelo terribiliter descendere, arbores subito flores et crescere, mare turbati et subito tranquillari: naturas etiam in diversis figuris mutari, aquas contra cursus et ordinem converti, aera ventis commotionibusque multis agitari” // *Adso Dervensis abbas. Libellus de Antichristo...* Col. 1293.
- ⁴⁶ “Tradunt namque doctores nostri quod unus ex regibus Francorum Romanum imperium ex integro tenebit, qui in novissimo tempore erit, et ipse erit maximus omnium regum et ultimus, qui postquam regnum suum fideliter gubernaverit, ad ultimum Hierosolymam veniet, et in monte Oliveti sceptrum et coronam suam deponet. Hic erit finis et consummatio Romanorum et Christianorum imperii” // *Ibid.* Col. 1295.
- ⁴⁷ *Richerus. Historiarum libri...* I. 52.
- ⁴⁸ *Ibid.* I. 46.
- ⁴⁹ *Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis...* I. II.
- ⁵⁰ *Richerus. Historiarum libri...* IV. 99—107.
- ⁵¹ “Quae est <...> haec novae et hactenus nobis inaudita religio, quam nostrorum culturae deorum superducere gestiens, alia nobis colenda denuntia? // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Mansueti.* I. V.
- ⁵² *Idem. Libellus de Antichristo.* Col. 1292.
- ⁵³ *Idem. Vita S. Mansueti.* II. XX. Ср. также: “Laurus nostra et totum pomarium gaudeant suo cultu” // *Fulbertus Carnotensis episcopus. Epistolae.* LXIII.
- ⁵⁴ См. например: *Aimoinus. Historia...* II. XXIV.
- ⁵⁵ *Aimoinus. Historia...* II. XIII.
- ⁵⁶ *Flodoardus. Historia...* I. XX.

- ⁵⁷ *Idem*. Annales. 919.
- ⁵⁸ *Dudo decanus S. Quintini*. De moribus... II. Col. 652.
- ⁵⁹ *Ibid*. II. Col. 637.
- ⁶⁰ *Adso Dervensis abbas*. Vita S. Mansueti. II. XX.
- ⁶¹ *Le Goff J*. L'imaginaire médiéval... P. 74.
- ⁶² *Richerus*. Historiarum libri... III. 103.
- ⁶³ *Aimoinus*. Vita vell martirius... XIX. См. описания такого типа: *Idem*. Historia... III. LXX; De miraculis S. Benedicti. II. V.
- ⁶⁴ *Aimoinus*. Vita vell martirius... XX.
- ⁶⁵ *Ibid*.
- ⁶⁶ *Richerus*. Historiarum libri... II. 90.
- ⁶⁷ *Ibid*. II. 91; IV. 17, 20, 47.
- ⁶⁸ О городском пейзаже в средневековой литературе см.: *Bouloux N*. Culture et savoirs géographiques en Italie au XV-e siècle. Turnhout, 2002. P. 288—291.
- ⁶⁹ *Aimoinus*. Historia... III. XLIV.
- ⁷⁰ *Richerus*. Historiarum libri... IV. 17.
- ⁷¹ *Ibid*. III. 8.
- ⁷² *Ibid*. I. 12, 14, 16; II. 4, 5.
- ⁷³ *Aimoinus*. Historia... I. XXV; III. XXXIII, XLVI.
- ⁷⁴ *Усков Н.Ф.* Солнце взошло на Западе: Санкт-Галленский монастырский патриотизм в раннее Средневековье // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 124—125.
- ⁷⁵ “Inter late patentia nemora diffusis frondibus, virentibus foliis instanti rei gratia fagus eligitur.
«Haec alias inter tantum caput extulit alnos,
Quantum lenta solent inter viburna cupressi».
Huic itaque arbori ocius se subter injiciunt gratia quiescendi <...>
Sanctus vir Bercharius in coelum defixis luminibus aspicit subito aere per serenum conspicuo columbam e sublimibus descendere, niveo fulgore radiantem atque eidem cui substrati manserant arbori lenitar insidemtem” // *Adso Dervensis abbas*. Vita S. Bercharii. 10.
- ⁷⁶ “Monstratur adhuc denique locus, duobus a monasterio millibus disparatus, sub saxo quidem praeminenti, concavus, aqua vero e terra prodeunte blandius irriguus, ubi cellulem sibi referunt statuisse” // *Idem*. Miracula S. Waldeberti. 6. О том, что красота местности является одним из признаков того, что она предназначена для монастыря, говорит и В. Фумагалли. См.: *Fumagalli V*. Landscapes of fear... P. 73.
- ⁷⁷ “Ipse quoque terrenaе molis pulchritudine templum Domine oculis etiam spectabile fundare exorabat” // *Adso Dervensis abbas*. Vita S. Bercharii. 11. В наших источниках неоднократно встречаются рассказы о строительстве и украшении монастырей и церквей.

См.: *Adso Dervensis abbas*. Vita S. Basoli. 22; *Aimoinus*. Historia... III. XLII; Vita vel martirius... XV (здесь автор рассказывает об усовершенствованиях Аббона во Флери, сравнивая его с самим Соломоном); *Richerus*. Historiarum libri... III. 22—24.

⁷⁸ "Reducto profusius sinu pulcherrimam blandientis amoenitas planitiem reddit, atque in prospectu suo subjacentiae Maternae fluminis longe lateque littora circumdespicit, mulcenti quadam visionis voluptate compellat... mirorum ambitu jactus fundamentis complectitur, omnesque illius parietes aedificii ad modum columbae in aere permeantes suspecta permensione metatur" // *Adso Dervensis abbas*. Vita S. Bercharii. 11.

⁷⁹ *Idem*. Vita S. Frodoberti. 16.

⁸⁰ "Haec terra copia frugum omnium fecunda, arboribus nemorosa, fluminibus pisce repletis discriminata, venatu diversarum ferarum sufficienter copiosa" // *Dudo decanus S. Quintini*. De moribus... II. Col. 639.

⁸¹ "Terra haec penitus desolata militibus privata, aratro non exercita, arboribus bonis referta, fluviis genere diversarum piscium plenis divisa, venatu opulentia, vineis non ignara, glebis cultro elaboratis fecunda, mari affluentiam diversarum rerum datur ex uno parte circumdata, altera decursibus aquarum deportantium navigio cuncta bona" // *Ibid*. II. Col. 648.

⁸² *Abbo Floriacensis abbas*. Vita S. Eadmundi. II.

⁸³ *Richerus*. Historiarum libri... I. 5.

⁸⁴ *Radulfus Glaber*. Historiarum sui temporis... V. III.

⁸⁵ "Anno a passione Domini millesimo <...> sedatis nimborum imbribus respectu divinae bonitatis et misericordiae, coepit laeta facies coeli clarescere, congruisque aethereis flare placidaque serenitate magnanimitatem Conditoris ostendere; telluris quoque tota superficies amicabiliter virens frugum abundantiam funditus inopiam expellendo portendere <...> Eodem denique anno tanta copiae abundantiae frumenti et vini, caeterarum frugum exstitit, quanta in subsequente quinquennio catigisse sperari non potuit. Aliquis enim victus humanus, praeter carnes seu deliciosa pulmentaria, nullus erat pretii" // *Ibid*. IV. V. Этот эпизод следует за хорошо известным описанием страшного голода (*Ibid*. IV. IV).

⁸⁶ *Adso Dervensis abbas*. Vita S. Basoli... 18.

⁸⁷ *Ibid*. 14.

⁸⁸ Вспомним о растерянности, которая охватила Рихера, когда по пути в Шартр он в сумерках заблудился в лесу. См.: *Richerus*. Historiarum libri... IV. 50.

⁸⁹ "Erat namque quidam praepotens Attila nomine; hic venandi gratia (ut illud genus est hominum) contiguam viri Dei cellulae silvam

suam intraverat. Nec spe frustrata agrestis praeda defuit. Nam mirae magnitudinis aprum, recentibus vestigiis fugientem insequitur anhelantibus equis. At illa immanis bestia, ut cunctis viventibus est natura mortis horrere interitum, montem in quo vir Dei resederat ascendit, ad cellam ejus recto gressu pervenit, sensumque quodammodo rationis habens, deposita feritate ante pedes sancti hispida bellua provolvitur, quasi vitae suae imploratura praesidium. At ille misertus irrationabili pecudi, sicut erat plenus pietatis et gratiae, tanta insecutores virtute uno fixit in loco, ut et viderent oculis sibi proximam bestiam, et tamen hianti ore non possent omnino contingere” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli...* 23.

⁹⁰ Можно вспомнить, как по молитве св. Базола из скалы пробылся необходимый ему источник (Ibid. 20).

⁹¹ Ibid. 8. 9.

⁹² *Richerus. Historiarum libri...* IV. 87. Ср. выражение «от первого цветения юности». См.: *De miraculis S. Benedicti. II. IV.*

⁹³ *Richerus. Historiarum libri...* IV. 52.

⁹⁴ “Retinet enim in se aureum paradisi florem, sanctissimum Patrem Benedictum; qui gratantissimo virtutum odore quosque remotissimos ad sui reverentiam invitat” // *De Miraculis S. Benedicti. II. I. 1.*

⁹⁵ “Eodem autem tempore urbis Remorum florente concivio, ita tota refulgebat civitas distinctis sanctorum fulgoribus adhuc in carne degentium, tanquam quidam coelestis circulus stellarum adornant micantium compositis ordinibus” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Basoli...* 11.

⁹⁶ “Cum placidae verni clementia temperat auras, redolentes arbusta prorumpunt in flores, et nudata dudum roseta redivivis adornatur rosis, mirantesque oculos erumpentium candor reverberat liliorum” // *Laetaldus. Vita S. Juliani. I. 7.*

⁹⁷ *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* II. Col. 631.

⁹⁸ *Radulfus Glaber. Historiarum sui temporis...* II. III.

⁹⁹ *Richerus. Historiarum libri...* I. 29.

¹⁰⁰ “Certe videri mihi poteram a planis ligna in silvam vel aquas in mare comportare” // *Fulbertus Carnotensis episcopus. Epistolae. III. VIII.*

¹⁰¹ *Aimoinus. Historia...* III. LI.

¹⁰² *Aimoinus. Vita vel martirius...* VII. Ср.: *De miraculis S. Benedicti. I. 8*, где рассказ о набеге норманнов содержит аллюзию на способность пчел налетать роем и больно жалить.

¹⁰³ *Aimoinus. Vita vel martirius...* VIII.

¹⁰⁴ “Nunc via lomganimis, scabrosa, petrosa per omne, herbida, sylvestris, nemorosa et lubrica, et aspra” // *Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* I. Col. 630.

¹⁰⁵ *Fulbertus Carnotensis episcopus. Epistolae. XV.*

¹⁰⁶О литературных пейзажах в Поздней Античности и Средневековья см., например: *Bouloux N. Culture et savoirs...* P. 285—288.

¹⁰⁷“Hujus processu itineris, quo ad eundem vicum Maternae fluminis lit-
toribus contiguum tenditur, quidam sui juris locus erat gratissimus, qui
paululum reducto sinu in montis latere amoenissimo herbis virentibus
aquarumque rivulis ex sublime vertice leniter effluentibus arboribusque
ac vineis in declivi circumquaque constipatus, intuentium oculis oblect-
amenta praestabat” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Bercharii.* 9.

¹⁰⁸*Aimoinus. Historia...* I. I.

¹⁰⁹*Dudo decanus S. Quintini. De moribus...* III. Col. 736:

“Gurgite caeruleo Sequanae meat aestuantis amnes
Et movet ingentes pelagos vaga cursitantes aestus,
Lambit odoriferas et gramine floridante ripas ample
Molliter herbarumque, comas lavat unda praepes
Ipsam cum refluxum torquet mare detrinenti aluno,
Detrusam retrorsum fluctibus aequoris minantis,
Eptadus officio nutantia vel crementa passum.
Umbroso et vestiti palmite praenitente colles
Deliciosus ager vinetaque continens honesta
Cursibus undarum irriguis satis emicantque prata”

Еще одно описание Сены см.: *Ibid.* II. Col. 638.

¹¹⁰*Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А.* Эстетика природы: Природа и ее
стилевые функции у Р. Роллана. Киев, 1998. С. 8.

¹¹¹*De miraculis S. Benedicti.* II. VI. 20. Некоторые детали оказыва-
ются малопривлекательными: “Tunc equus quibusdam eum sub-
levantibus a terra, sese erigens concussit, aquamque quam invitus
hauserat, per meatum urinae digessit”.

¹¹²*Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в запад-
ноевропейской литературе. М., 1976. С. 104.

¹¹³Приведенное выше описание Сены у Дудона вполне сопостави-
мо с «Мозеллой» Авсония, хотя последний гораздо больше вни-
мания уделяет благам, которые несет людям полноводная река.

¹¹⁴*Laetaldus. Vita S. Juliani.* III. 22.

¹¹⁵“Erat autem locus idem partium quidem fisci, tamen, ut dictum
est, paludibus refluens ac crebra lacunarum eruptione scaturiens,
arbustique refertus silvestribus, bestiarum potius ac serpentium
quam hominum frequentiae competebat. His itaque regum auc-
toritatibus instructus, quodque est maximum superno auxilio rob-
oratus, horribilis loci squalores expetiit, dataque principali opera,
virgultis erutis, lacibusque siccatis, spatium habitatione congruum
praeparavit” // *Adso Dervensis abbas. Vita S. Flodoberti.* 12.

Заключение

Авторы X в. черпали представления о мире из разных источников. Это и Священное Писание, сочинения древних, языческих авторов (прежде всего, «Естественная история» Плиния Старшего), и труды писателей раннего Средневековья; наконец, рассказы современников и личные впечатления (причем Библия, хотя и оказывает решающее влияние на их мировоззрение, часто остается «за кадром»). Разумеется, наши авторы периодически ссылаются на Священное Писание, но не в связи с описанием явлений природы; в их схеме «разделения мира» нет ни рая, ни преисподней. С другой стороны, их географические описания зачастую заимствованы у античных писателей и противоречат реальности: по всей видимости, они служат только для демонстрации учености. Авторам иной раз свойственно обозначать названиями, заимствованными из классической литературы, современные им территории и места.

Античная премудрость побуждала монахов воплощать свои представления о земле и небесном своде в виде деревянных и металлических сфер, делить землю на пояса и запоминать, как передвигаются светила, а также искать причины заболеваний не столько в воле Провидения, сколько в процессах, происходящих в природе, и у нее же получать средства для борьбы с болезнью, т.е. для восстановления

нарушенной гармонии в человеческом организме. Но все же ученых клириков больше привлекают не непосредственные наблюдения за окружающим миром, а хорошее знание авторитетных сочинений на нужную тему, умение воспользоваться готовыми клише, причастность к древней премудрости.

Представления ученых монахов X столетия о животном мире оказываются достаточно многообразными, хотя и отрывочными. Они знают не так уж много животных и подробностей их жизни, им не свойственно пускаться в теоретические рассуждения о представителях фауны и их роли на земле. Животные, возникающие в их сочинениях, практически не описываются: иногда указывается их размер, почти никогда — окрас и возраст. Отношение к животным у данных авторов колеблется от страха до благоговения и, изредка, сочувствия и привязанности. Однако звери, птицы и прочие живые твари оказываются неотъемлемой, постоянно присутствующей где-то рядом с людьми частью окружающего мира. Восприятие этого постоянного и многообразного соседства человека с животными как чего-то само собой разумеющегося позволило авторам довольно успешно и, видимо, вполне сознательно использовать их образы в литературном творчестве — в тех случаях, когда требуется представить читателю наглядное поучение, передать страх и вызвать сочувствие, позабавить или просто привести подробности повседневной жизни людей.

Трудно выразить восприятие человеком X в. природы в виде четкой формулы — даже когда речь идет о людях, изучавших риторику и логику, для которых составление текстов было частью их по-

вседневной жизни. Не менее сложно определить и место человека в этом мире ученого монаха. Человек является и частью того, что его окружает, и существом особым, отмеченным благодатью. Процессы, происходящие в мире, безусловно, затрагивают человека, его жизнь и здоровье, влияют на политические события. Но, с другой стороны, природные явления порой оказываются своеобразным ответом на действия людей или предупреждением для них. Провидение заранее уведомляет человека о грядущих бедствиях (хотя он не всегда понимает смысл предзнаменования), и помогает ему избежать их. Сам факт того, что для прекращения засухи, к примеру, надо совершить действие, не сопряженное напрямую со спасением гибнущих посевов, а именно отслужить церковную службу, указывает и на необычайно тесную связь мирского и сакрального, на всеобъемлющую власть Бога. Природа подчинена Творцу, является Его послушным орудием; оно настолько мощное, что только чудо, только прямое обращение к Господу может спасти человека от разбушевавшихся стихий — дабы справиться с естественным, оказывается необходимым прибегнуть к сверхъестественному.

В X в. активизировалось отвоевание у природы новых земель и их хозяйственное освоение. Однако отношение ученых монахов к окружающей их природе было скорее настороженным, хотя, судя по нашим источникам, панический страх перед нею им тоже не свойственен. Более того, они признают возможность мирного и гармоничного сосуществования с природой и считают его желательным. Лучшие из людей, святые, способны достичь этой гармонии и, следова-

тельно, всякий благочестивый человек должен стремиться к этому. И человек, и природа являются творением Бога и поэтому в каком-то смысле находятся на равных, граница между ними иногда оказывается очень зыбкой. Только христианские добродетели могут помочь человеку подняться над природой.

Каждый из наших авторов видит природу немного по-своему. Рихер Реймссский не слишком внимателен к окружающему миру: происходящие процессы интересуют его лишь постольку, поскольку они воздействуют на жизнь людей вообще и самого автора, в частности. На его мировоззрение оказывают заметное влияние и научные знания, особенно в области астрономии и медицины: он видит не только событие, но и его естественную причину; мир у него устроен достаточно понятным и логичным образом. Другое дело — мир Аймоина Флерийского. Только у него наряду с обычными животными мы встречаем и персонажей из бестиариев — бален и марсуп, не говоря уже о единорогах, чудесной лани и волшебном змее. Аймоина привлекают необычные, яркие и запоминающиеся события, тогда как их объяснение его не слишком занимает. Его тексты отличают также выразительные описания наводнений и других опасностей, связанных с водой. Мир у Аймоина предстает полным красок, необъяснимым, но все же менее причудливым, чем можно было бы ожидать от средневекового автора.

Для Дудона Сен-Кантенского, писавшего о завоевателях и для завоевателей, природное окружение — это, пожалуй, поле для приложения человеческих усилий, требующее освоения и присвоения. Он чуть лучше остальных знаком с мореплаванием, поэтому,

возможно, у него не так выражен страх перед морем. Несмотря на довольно прагматическое отношение к природе, Дудон способен увидеть в природном окружении нечто привлекательное и для глаза, заслуживающее относительно эмоционального описания. Он, похоже, единственный из наших авторов обращает внимание на запахи: пишет о благоухании травы, цветов, воды из источника. Об ощущениях других авторов, оставивших не столь обширные труды, судить сложнее; это касается, к примеру, писем Герберта Орильякского. Все же нельзя не отметить очень выразительные описания природы в житиях Адсона, которого отличает и определенный интерес к животным. Наконец, все наши авторы заметно отличаются от Рауля Глабера, который видит в мире только арену действия Провидения, а в природе — орудие в руках Бога.

Отдельная проблема — вопрос о том, существовало ли в это время эстетическое отношение к природе. Мы привели некоторые описания, которые как будто говорят о наличии в отношении авторов к природе элемента любования; красота местности даже служит признаком того, что она отмечена благословением свыше. Но, как уже говорилось, красивым авторы готовы признать все-таки пейзаж исключительно мирный и, по возможности, уже испытавший на себе воздействие человека, окультуренный. Им неведомо восхищение дикой природой, и причина этого — в слабости человека перед ней. Неудобства пути по горной дороге или морского путешествия и связанные с ними опасности не позволяли человеку X в. оценить красоту гор и любоваться морской бурей — или, по крайней мере, передать свои впечатле-

ния в письменной форме. Предпочтение, отдаваемое мирной, окультуренной природе определялось и повседневными условиями жизни, и литературной традицией.

Поскольку мы говорим о сочинениях, к которым может быть с известными оговорками применено понятие «литературное произведение», текстах, чьи авторы стремились к художественной выразительности повествования, для нас важен и вопрос о степени оригинальности и ценности описаний природы. По мнению Б. Стока, которое мы разделяем, одна из отличительных черт литературы раннего Средневековья состоит в том, что авторы того времени проявляли известную скупость на слова, фиксируя только те события и явления, которые, по их разумению, того заслуживали¹. Поэтому факт, что авторы все же сочли нужным ввести в свои повествования подобные эпизоды, весьма показателен. Адсон приводит сведения о вполне конкретной местности; стихотворные описания Дудона более стандартны, единообразны и несут, главным образом, декоративную функцию, но то, что используется для украшения, по определению и оценивается как красивое.

Определенная стандартность описаний природы сама по себе не говорит об отсутствии эстетического ее восприятия. Редкий европейский роман второй половины XVIII—XIX в. обходится без обстоятельных словесных пейзажей — но разве все они, без исключения, оригинальны? И разве изумительные описания природы, которые мы находим, скажем, в японской литературе того же X в. можно назвать полностью свободными от клише? Является ли подобное описание неповторимым или шаблонным — это,

скорее, вопрос дарования автора. Место, занимаемое соответствующими эпизодами в литературном произведении, определяется в первую очередь традицией, существующей в данное время в данной стране. Французские сочинения X в., идет ли речь о характеристике исторического лица, сражения или ландшафта, отличаются довольно сдержанным стилем, скудостью красок и относительной немногословностью. Поэтому литературные пейзажи Адсона не следует сопоставлять с более поздними описаниями природы, однако на фоне современной ему литературы они выглядят достаточно оригинальными и выполняют возложенную на них задачу.

Картина мира, предстающая перед нами в сочинениях авторов X в. оказывается весьма разносторонней и противоречивой. Какие-то стороны взаимодействия человека и природы им известны не слишком хорошо (как сельское хозяйство), а в других областях они обладают обширными теоретическими познаниями, не всегда применимыми в реальной жизни. Сложно судить о том, оформились ли представления наших авторов об окружающем мире в стройное учение о природе — сведения, приведенные ими, довольно противоречивы и фрагментарны, что в первую очередь объясняется жанровой принадлежностью их сочинений. Примечательно и то, что у большинства наших авторов участие Бога в человеческих делах минимально, он удален от повседневной жизни. Оказываясь, в известной степени, один на один с природой, человек учится осмыслять и описывать, опираясь на самые разные источники информации, в том числе — сочинения античных авторов. Вряд ли большинство современников наших авторов вполне разделяло их

взгляды — для этого они были недостаточно образованны, — но какие-то черты мировоззрения ученых клириков должны были быть присущи и остальным людям рубежа тысячелетий, поскольку все они — дети своей эпохи.

Примечания

- ¹ *Stock B. The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, 1983. P. 31.*

Библиография

Источники

- Abbo abbas Floriacensis*. Epistolae // PL. T. 139.
- Abbo abbas Floriacensis*. Vita S. Eadmundi, regis anglorum et martyris // PL. T. 139.
- Adalbero Laudunensis episcopus*. Carmen ad Rotbertum regem // PL. T. 141.
- Ademarius S. Gibardi monachus*. Historiarum libri III // PL. T. 141.
- Ademarius S. Gibardi monachus*. Epistola de apostolatu Martialis // PL. T. 141.
- Adso Dervensis abbas*. Vita S. Frodoberti // PL. T. 137.
- Adso Dervensis abbas*. Vita S. Mansueti // PL. T. 137.
- Adso Dervensis abbas*. Vita S. Basoli Confessoris // PL. T. 137.
- Adso Dervensis abbas*. Miracula S. Basoli // PL. T. 137.
- Adso Dervensis abbas*. Vita S. Bercharii // PL. T. 137.
- Adso Dervensis abbas*. Miracula S. Waldeberty // PL. T. 137.
- Adso Dervensis abbas*. Libellus de Antichristo ad Gerbergam reginam // PL. T. 101.
- Aimoinus monachus Floriacensis*. Historiae francorum libri quattuor // PL. T. 139.
- Aimoinus monachus Floriacensis*. Vita S. Abboni abbati Floriacensis // PL. T. 139.
- Anonymi Vita Hludowici imperatoris // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte, Berlin, 1956. T. 1.
- Augustinus Aurelius*. S. Aurelii Augustini confessionum libri tredecim. Stuttgart, 1969.
- Beda Venerabilis*. De natura rerum // PL. T. 90.
- Boetius*. Consolatio philosophiae. Berlin; New York, 1976.
- De miraculis S. Benedicti libri duo // PL. T. 139.
- Dudo decanus S. Quintini*. De moribus et gesta primorum Normanniae ducum // PL. T. 141.
- Einhardus*. Caroli magni imperatoris vita // PL. T. 97.
- Flodoardus canonicus remensis*. Historia remensis ecclesiae libri quattuor; Annales // PL. T. 135.
- Fredegarii Scholastici chronica // MGH. SS RM. T. II.
- Fulbertus Carnotensis episcopus*. Epistolae // PL. T. 141.
- Isidori Hispalensis Origines sive Ethimologiae. Oxford, 1911. Vol. 1—2. Les Lettres de Gerbert / Ed par J. Havet. P., 1889.
- Letaldus Miciacensis monachus*. Vita S. Juliani // PL. T. 139.

- Letaldus Miciacensis monachus*. De miraculis S. Maximini // PL. T. 139.
- Letaldus Miciacensis monachus*. Delatio corporis S. Juniani // PL. T. 139.
- Liber miraculorum Sanctae Fidis / Ed. de L. Robertini. Spoleto, 1994.
- M. Annaei Lucani Belli civilis libri decem. Oxford, 1940.
- Nithardus*. De dissensionibus filiorum Ludovici Pii libri quatuor // PL. T. 116.
- Odo abbas Cluniacensis*. De vita S. Geraldii Auriliacensis comitis libri quattuor // PL. T. 133.
- Radulfus Glaber*. Historiarum sui temporis libri quinque // PL. T. 142.
- Richer*. Histoire de France / Ed. par R. Latouche. P., 1930—1933. Vol. 1—2.
- Vita Odonis abbatis Cluniacensis // PL. T. 133.
- Walafridus Strabo*. De cultura hortorum // MGH. Poetae latini aevi Carolini. T. II.
- Wandalbertus Prumensis*. De mensium duodecim nominibus signis culturis aerisque qualitatibus // MGH. Poetae latini aevi Carolini. T. II.
- Аврелий Августин*. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М., 1991.
- Беда Достопочтенный*. Книга о природе вещей / Пер. и комм. Т.Ю. Бородай // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 1.
- Бозций*. «Утешение философией» и другие трактаты / Под ред. Г.Г. Майорова. М., 1990.
- Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне. М., 1993.
- Историки эпохи Каролингов. М., 1999.
- Исидор Севильский*. Этимологии // Агрикультура в памятниках западного Средневековья. М.;Л., 1936.
- Исидор Севильский*. О природе вещей / Пер. и комм. Т.Ю. Бородай // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.
- Лукаан Марк Анней*. Фарсалия или поэма о гражданской войне / Пер. Л.Е. Остроумова. М., 1993.
- Песнь о Роланде / Пер. Ю. Корнеева // Песнь о Роланде. Корнование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976.
- Рихер Реймссский*. История / Пер. с лат. А.В. Тарасовой. М., 1997.

Литература

- Арнаутова Ю.Е. Болезнь в картине мира средневековой народной культуры (Германия VI—XIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в Средние века // Одиссей. Человек в истории. 1995.
- Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004.
- Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западно-европейской литературе. М.; СПб., 2000.
- Бессмертный Ю.Л. Климат и сельское хозяйство во Франции (800—1800 гг.) // Общество и природа: Исторические этапы взаимодействия. М., 1981.
- Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта как исторический источник (983—997): Критическая монография по рукописям. СПб., 1888—1890. Ч. 1—2.
- Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.
- Гаспаров М.Л. Латинская литература между империей и папством (X—XI вв.) // Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Добиаш-Рождественская О.А. Духовная культура Западной Европы IV—XI вв. // Культура западноевропейского Средневековья: Научное наследие. М., 1987.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург. Екатеринбург, 2005.
- Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы: природа и ее стилизационные функции у Р. Роллана. Киев, 1998.
- Лучицкая С.И. Культура и общество западноевропейского Средневековья. М., 1994.
- Люблинская А.Д. Источниковедение истории Средних веков. Л., 1956.
- Мельникова Е.А. Формирование и эволюция географических представлений в средневековой Западной Европе // Средние века. 1990. Вып. 53.
- Мельникова Е.А. Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе V—XIV вв. М., 1998.
- Микушевич В. Карнавал бытия // Средневековый бестиарий. М., 1984.
- Муратова К. Вступительная статья // Там же.
- Ронин В.К. Светские биографии в Каролингское время: «Астроном» как историк и писатель // Средние века. 1983. Вып. 46.
- Тейс Л. Наследие Каролингов: IX—X вв. М., 1993.

- Усков Н.Ф. Солнце взошло на Западе: Санкт-Галленский монастырский патриотизм в ранне Средневековье // Средние века. 1997. Вып. 60.
- Чайковская О.Г. Писатели-монахи и писатели-рыцари (X век) // Французский ежегодник'1962. М., 1963.
- Allen R. Gerbert, pope Silvester II // The English Historical Review. 1892. Vol. VII. № XXVIII.
- Ampéré J.-J. Histoire littéraire de la France sous Charlemagne et durant les Xe et XIe siècles. P., 1870.
- Arnould E.-Y. Deux siècles de contacts culturelles franco-anglais (871—1088) // Annales de Normandie. 1958. Vol. VIII. № 2.
- Atlas of Medieval Europe / Ed. by A. Mackay and D. Ditchburn. L.;N.Y., 1997.
- Barral I., Altet X. Les moines, les évêques et l'art // Religion et culture autour de l'an mil: Royaume capétien et Lotharingie: Actes de colloque Hugues Capét 987—1987: La France de l'an mil, Auxerre, 26 et 27 juin 1987 — Metz, 11 et 12 sept. 1987. Metz, 1990.
- Barrow J. The Clergy in the Medieval World. Secular Clerics, their Families and Careers in North-Western Europe, c.800—c.1200. Cambridge, 2015.
- Bautier R.-H. L'Historiographie en France aux X-e et XI-e siècles. // La storiografia altomedievale. Settimane di studio del centro italiano di studi medieval. Spoleto, 1970. XVII. T. 2.
- Bedier J. Les légendes épiques. P., 1908. T. I.
- Boglionni P. Les animaux dans l'hagiographie monastique // L'animal exemplaire au Moyen Âge: V-e—XV-e siècles. Rennes, 1999.
- Bouloux N. Culture et savoirs géographiques en Italie au XIV-e siècle. Turnhout, 2002.
- Bournazel E. Memoire et parenté (Le problème de la continuité dans la noblesse de l'an Mil) // La France de l'an Mil. P., 1990.
- Callu J.-P. Gerbert et Symmaque // Haut Moyen Âge: Culture, éducation et société. Études offertes à Pierre Riché. P., 1990.
- Callu J.-P. Les mots de Gerbert // Gerbert l'Europeen: Actes du colloque d'Aurillac, 4—7 juin 1996. Aurillac, 1997.
- Carolingian Culture: Emulation and Innovation / Ed. by R. McKitterick. Cambridge, 1997.
- Carozzi C. Les évêques vassaux du roi de France d'après Yves de Chartres // Chiesa e mondo feudale nei secoli X—XII: Atti della duodecima settimana internazionale di studio Mendola, 24—28 agosto 1992. Milano, 1995.
- Carozzi C. Des Daces aux Normands. Le mythe et l'identification d'un peuple chez Dudon de Saint-Quentin // Peuples du Moyen

- Âge: Problèmes d'identification. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1996.
- Carrutgers M.* The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge, 1993.
- Chatillon F.* Pour une relecture de Flodoard // Revue du Moyen Âge Latin. 1981. Vol. 37.
- Chelini J.* Histoire religieuse de l'Occident Médiéval. P., 1991.
- Clerval A.* Les écoles de Chartres au Moyen Âge, du V-e au XVI-e siècles. P., 1895.
- Contreni J.J.* Learning and Culture in Carolingian Europe. Letters, Numbers, Exegesis, and Manuscripts. Aldershot, 2011.
- Contreni J.J.* The Tenth Century: The Perspective from the Schools // Haut Moyen Âge...
- Coolidge R.T.* Adalbero, bishop of Laon // Studies in Medieval and Renaissance History. Loncoln, 1965. Vol. II.
- Costambeys M., Innes M., Maclean S.* The Carolingian World. Cambridge, 2011.
- Crombie A.C.* Augustine to Galileo. L., 1964. Vol. I. Science in the Middle Ages, V—XIII centuries.
- Crosby A.N.* Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900—1900. Cambridge, 2004.
- D'Alverny M.-T.* L'Homme comme symbole. Le Microcosme // Simboli e simbologia nell'alto medioevo. Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1976. Vol. XXIII.
- Daniel E.R.* Joachimism and John Calvin: New Approaches // Storia e figure dell'Apocalisse fra '500 e '600. Atti del 4 Congresso Internazionale di studi gioachimiti, San Giovanni in Fiore, 14—17 settembre 1994. Roma, 1996.
- Darlington O.G.* Gerbert, "obscurus loco natus" // Speculum. 1936. Vol. XI.
- Darlington O.G.* Gerbert, the Teacher // The American Historical Review. 1947. Vol. 53. № 3.
- Davis R.H.C.* The Normans and Their Myth. L., 1997.
- Delumeau J.* La peur en Occident: XVI-e—XVIII-e siècles. P., 1978.
- Dictionnaire du Moyen Âge: Histoire et société. P., 1997.
- Douglas D.C.* Time and Hour. L., 1977.
- Ebert A.* Histoire générale de la littérature du Moyen Âge en Occident. Paris;Leroux, 1883. T. 3. Les littératures nationales depuis leur apparition et la littérature latine depuis la mort de Charles le Chauve jusqu'au commencement du onzième siècle.
- Emmerson R.K., Herzman R.B.* The Apocalyptic Imagination in Medieval Literature. Philadelphia, 1992.

- Fichtenau H.* Living in the Tenth Century: Mentalities and Social Orders. Chicago; London, 1991.
- Flint V.I.* Monsters and the Antipodes in the Early Middle Ages and the Enlightenment // *Viator*. 1984. Vol. XV.
- Folkerts M.* Essays on Early Medieval Mathematics: The Latin Tradition. Aldershot, 2003.
- Fossier R.* Enfance de l'Europe: Aspects économique et sociaux. P., 1989. Vol. 1. L'homme et son espace.
- Fouracre P., Ganz D.* Frankland: The Franks and the World of Early Medieval Europe. Manchester, 2008.
- Fumagalli V.* Landscapes of Fear: Perceptions of Nature and the City in the Middle Ages. Oxford, 1994.
- Gasc H.* Gerbert et la pédagogie des arts libéraux à la fin du dixième siècle // *Journal of Medieval History*. 1986. Vol. XII. № 2.
- Gautier Dalche P.* Comment penser l'Océan? Modes de connaissance des "fines orbis terrarum" du Nord-Ouest (de l'Antiquité au XIII-e siècle) // *L'Europe et l'Océan au Moyen Âge. Contribution à l'histoire de la Navigation*. Nantes, 1988.
- Gauvard C.* La France au Moyen Âge du V-e au XV-e siècle. P., 1996.
- Gazeau V.* Normannia monastica (X-e—XII-e siècle). Princes normands et abbés bénédictins. Prosopographie des abbés bénédictins. Turnhout, 2007.
- Gibson M.* The Continuity of Learning c. 850—c. 1050 // *Viator*. 1975. Vol. VI.
- Glenn J.* Politics and History in the Tenth Century: The Work and World of Richer of Reims. Cambridge, 2004.
- Grant E.* Celestial Orbs in the Latin Middle Ages // *Isis*. 1987. Vol. 72. № 292.
- Grodecki L., Mutherich F., Taralon Y., Wormald F.* Le siècle de l'an mil. P., 1973.
- Guenée B.* Les genres historiques au Moyen Âge // *Annales: É.S.C.* 1973. Vol. IV.
- Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980.
- Hallam E.M.* Capetian France 987—1328. Boston, 1993.
- Hughes K.L.* Constructing Antichrist: Paul, Biblical Commentary, and the Development of Doctrine in the Early Middle Ages. Washington, 2005.
- Huppé B.* Nature in Beowulf and Roland // *Approaches to Nature in the Middle Ages. Medieval and Renaissance texts and studies*. 1986. Vol. XVI.
- Innes M., McKitterick R.* The Writing of History // *Carolingian Culture: Emulation and Innovation*. Cambridge, 1997.

- Jacquart D.* La médecine au X-e siècle. // Gerbert l'Européen...
- Koch R.A.* The Origin of the fleur-de-lis and the liliun candidum in Art // Approaches to Nature in the Middle Ages...
- Kunizsch P.* Les relations scientifiques entre l'Occident et le monde arabe à l'époque de Gerbert // Gerbert l'Européen...
- Labande E.-R.* L'Historiographie de la France de l'Ouest // La storiografia altomedievale. Settimane di studio... Spoleto, 1970. XVII. T. 2.
- Lacroix B.* L'Historien au Moyen Âge. P., 1971.
- Laistner M.L.W.* Thought and Letters in Western Europe, A.D. 500—900. N.Y., 1957.
- Lake J.* Gerbert of Aurillac and the Study of Rhetoric in Tenth Century Rheims // The Journal of Medieval Latin. 2013. Vol. XXIII.
- Lake J.* Richer of Saint-Remi. Richer of Saint-Rémi. The Methods and Mentality of a Tenth-Century Historian. Washington, 2013
- Langlois Ch.-V.* La connaissance de la nature et du monde au Moyen Âge. P., 1911.
- Lattin H.P.* Astronomy: Our Views and Theirs // Medievalia et Humanistica. 1955. № IX.
- Lauer Ph.* Le règne de Lois IV d'Outre-mer. P., 1900.
- Lauranson-Rosaz Ch.* Entre deux mondes: L'Auvergne de Gerbert // Gerbert l'Européen...
- Le Goff J.* Les trois fonctions indo-européennes, l'histoire et l'Europe féodale // Annales: É.S.C. 1979. Vol. 34. № 6.
- Le Goff J.* L'Imaginaire médiéval: Essais. P., 1985.
- Le Goff J.* Pour l'amour de villes. P., 1997.
- Lecouteux C.* Les monstres dans la pensée médiévale européenne. P., 1993.
- Leflon J.* Gerbert: Humanisme et chrétienté du X-me siècle. Rouen, 1946.
- Lemarignier J.-F.* Structures monastiques et structures politiques dans la France de la fin du X-e et des débuts du XI-e siècle // Il monachesimo nell'alto medioevo e la formazione della civiltà occidentale. Settimane di studio... Spoleto, 1957. IV.
- Le Roy Ladurie E.* Histoire de climat depuis l'an mil. P., 1967.
- Lopez R.S.* The Birth of Europe. L., 1967.
- Lopez R.S.* Still Another Renaissance? // The American Historical Review. 1951. Vol. 57. № 1.
- Lopez R.S.* The Tenth Century: How Dark the Dark Ages? N.Y., 1959.
- Lot F.* Étude sur le recueil des lettres de Gerbert // Recueil des travaux historiques de Ferdinand Lot. Genève, 1968. T. 1.
- Lot F.* Le mythe du terreurs de l'an mille // Recueil des travaux...

- Making Early Medieval Societies: Conflict and Belonging in the Latin West 300—1200. Cambridge, 2016.
- Mayr-Harting H. Religion and Society in the Medieval West: 600—1200. Selected Papers. Aldershot, 2010.
- McCulloch F. Medieval Latin and French Bestiaries. Chapel Hill, 1960.
- McKinney L.C. Early Medieval Medicine with Special Reference to France and Chartres. Baltimore, 1937.
- McKinney L.C. The Medieval World. N.Y., 1938.
- McKinney L.C. Tenth Century Medicine: Classicism and Pragmatism // *Medievalia et Humanistica*. 1955. № IX.
- McKitterick R. The Carolingian Kings and the See of Reims, 882—987 // *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society*. Oxford, 1983.
- McKitterick R. Continuity and Innovation in Tenth-Century Ottonian Culture // McKitterick R. *The Frankish Kings and Culture in the Early Middle Ages*. Aldershot; Brookfield, 1995.
- McKitterick R. *The Legacy of the Carolingians // Carolingian Culture: Emulation and Innovation*. Cambridge, 1997.
- McKitterick R. *History and Memory in the Carolingian World*. Cambridge, 2004.
- Molinier A. *Les sources de l'histoire de France*. P., 1902. T. 1.
- Mollat M. *L'Europe et l'Océan au Moyen Âge // L'Europe et l'Océan...*
- Monod G. *Études sur l'histoire de Hugues Capet // Revue Historique*. 1885. T. 28.
- Mostert M. *L'abbé, l'évêque et le pape: L'image de l'évêque idéal dans les oeuvres d'Abbon de Fleury // Religion et culture...*
- Mostert M. *La bibliothèque de Fleury-sur-Loire // Religion et culture...*
- Mostert M. *La magie de l'écrit dans le Haut Moyen Âge: Quelques réflexions générales // Haut Moyen Âge...*
- Mostert M. *The Political Theology of Abbo of Fleury*. Hilversum, 1987.
- Murray A. *Reason and Society in the Middle Ages*. Oxford, 1985.
- Nelson J.L. *Courts, Elites and Gendered Power in the Early Middle Ages: Charlemagne and Others*. Aldershot, 2007.
- Nelson J.L., Wormald P. *Lay Intellectuals in the Carolingian World*. Cambridge, 2007.
- Ortalli Gh. *Animal exemplaire et culture de l'environnement: permanences et changements // L'animal exemplaire au Moyen Âge...*
- Pastoureau M. *Figures et couleurs: Étude sur la symbolique et sensibilité médiévales*. P., 1986.
- Paul J. *L'église et la culture en Occident. IX-e—XII-e siècles*. P., 1986. T. 1. *La sanctification de l'ordre temporel et spirituel*.

- Pellicer A.* *Natura. Étude sémantique et historique du mot latin.* Thèse pour le Doctorat. P., 1966.
- Power G.R.* *Richer's Utilisation of His Sources // Harvard Studies of Classical Philology.* 1961. Vol. 65.
- Reimitz H.* *History, Frankish Identity and the Rise of Western Ethnicity, 550—850.* Cambridge, 2015.
- Rhijn C. van.* *Shepherds of the Lord: Priests and Episcopal Statutes in the Carolingian Period.* Turnhout, 2007.
- Riché P.* *Écoles et enseignement dans le Haut Moyen Âge: Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du V-e siècle du milieu XI-e siècle.* P., 1979.
- Riché P.* *Expression du sentiment national dans la correspondance de Gerbert d'Aurillac et dans l'Histoire de Richer de Reims // Peuples du Moyen Âge...*
- Riché P.* *Gerbert, l'Européen // Gerbert l'Européen...*
- Riché P.* *La "renaissance" intellectuelle du X-e siècle en Occident // Cahiers d'histoire.* 1976. T. XXI. № 1—2.
- Riché P.* *De la Haute Époque à l'expansion du réseau monastique // Histoire des bibliothèques françaises.* P., 1989. T. 1. Les bibliothèques médiévales, du VI-e siècle à 1530.
- Richter M.* *Bobbio in the Early Middle Ages. The Abiding Legacy of Columbanus.* Dublin, 2008.
- Rossiaud J.* *Le fleuve dans la civilisation médiévale. Espace, histoire et mythes // Le fleuve et ses métamorphoses: Actes du colloque international tém. à l'Université Lyon 3 Jean Moulin les 13, 14 et 15 mai 1992.* P., 1994.
- Schmitt J.C.* *Les revenants: les vivants et les morts dans la société médiévale.* P., 1994.
- Searle E.* *Fact and Pattern in Heroic History: Dudo of Saint-Quentin // Viator.* 1984. Vol. XV.
- Smalley B.* *Historians in the Middle Ages.* L., 1974.
- Smith J.M.H.* *Europe After Rome: A New Cultural History 500—1000.* Oxford, 2005.
- Sot M.* *L'expérience visionnaire et sa fonction dans l' "Histoire de l'Église de Reims" de Flodoard // Haut Moyen Âge...*
- Sot M.* *Le moine Gerbert, l'église de Reims et l'église de Rome // Gerbert l'Européen...*
- Southern R.W.* *Aspects of the European Tradition of Historical Writing: The Classical Tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth // Transactions of the Royal Historical Society.* 1970. Vol. XX.
- Squatriti P.* *Marches and Mentalities in Early Medieval Ravenna // Viator.* 1992. Vol. 23.

- Stock B.* Myth and Science in the Twelfth Century: A Study of Bernard Silvester. Princeton, 1972.
- Stock B.* The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, 1983.
- Taylor H.O.* The Medieval Mind. A History of the Development of Thought and Emotion in the Middle Ages. Cambridge, 1959.
- Teaching and Learning in Northern Europe 1000—1200. Turnhout, 2006.
- The New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2015. Vol. III.
- The Resources of the Past in Early Medieval Europe / Ed. by C. Gantner, R. McKitterick and S. Meeder. Cambridge, 2015.
- Thompson J.W.* History of the Historical Writing. N.Y., 1942. T. 1.
- Tillette J.-Y.* Le Xe siècle dans l'histoire de la littérature // Religion et culture...
- Tillette J.-Y.* La poésie métrique latine: Ateliers et genres // Religion et culture...
- Verdoun J.* La nuit au Moyen Âge. P., 1995.
- Verhulst D.* Adson de Montier-en-Der // Religion et culture...
- Veizin J.* La production et la circulation des livres dans l'Europe du X-e siècle. // Gerbert l'Européen...
- Vulliez Ch.* Les centres de culture de l'Orléanais: Fleury, Micy-Saint-Mesmin, Orleans et leur rayonnement aux alentours de l'an mil // Religion et culture...
- Vulliez Ch.* Le miracle et son approche dans les recueils de "miracula" Orléanais du IX-e au XII-e siècle. // Miracles, prodiges et merveilles au Moyen Âge. P., 1995.
- Ward B.* Miracles and the Medieval Mind: Theory, Record and Event, 1000—1215. Philadelphia, 1982.
- Warren F.M.* Constantine of Fleury, 985—1014 // Transactions of the Connecticut Academy, Arts and Sciences. 1909. Vol. XV.
- Werner K.F.* Dieu, les rois et l'histoire // La France de l'an mil...
- Werner K.F.* Les origines: Avant l'an mil. P., 1984.
- West Ch.* Reframing the Feudal Revolution. Political and Social Transformation between Marne and Moselle, c.800—c.1100. Cambridge, 2013
- Yver J.* Les premiers institutions du duché de Normandie // I normanni e la loro espansione in Europa nell'alto medioevo. Settimane di studio... Spoleto, 1969. XVI.
- Zimmermann M.* La Catalogne de Gerbert // Gerbert l'Européen...
- Ziolkowski J.* Folklore and the Learned Lore in Letaldus Whale Poem // Viator. 1984. Vol. XV.

Summary

“Unknown sea, devilish kite and celestial spearheads: nature through the eyes of the learned monk of Northern France of the X-th century” written by A. Tarasova is a study of one of the components of a medieval European mentality – the perception of nature and the comprehension of human beings’ relationships with the natural environment.

In the political history of France the period from X to the beginning of XI centuries was marked by the gradual removal of the Carolingian dynasty from power and the transfer of the crown into the hands of Hugo Capet, the founder of the new house of the Capetians. The intellectual history of this century was assessed by researchers in different ways, from the almost total refusal of any cultural value to the “Renaissance of the X century” status declaration. Finally, the topic of approaching the end of the first millennium and the attitude of contemporaries to this event, the topic of possible waiting for the end of the world and the Last Judgment, is of particular interest.

Among the tasks set by the author is not only the reconstruction of ideas about nature in the Middle Ages, and the search for an answer to the question of the possibility of an emotional and aesthetic attitude to nature in this period, but also the solution of the problem of the source base for research of this kind. The population of Western Europe was too heterogeneous, the representatives of various social and ethnic groups differed too much in their way of life, traditions, language, level of

education, religious views, and above all – the ability to express their views in writing. Thus, to judge the mentality of a man of the tenth century is possible only on the basis of available sources, in which the views of a rather narrow stratum of Western European society are represented. In addition, in works directly devoted to topics related to the nature and natural environment, the influence of ancient sources often prevails over the personal experience of authors, and the use of texts originating from different countries and relating to different centuries raises the danger of unnecessarily broad generalizations, behind which the unique features of individual testimonies could be lost. Therefore, when selecting sources, the author followed strict criteria. First, the texts should have been related to genres not related to medieval knowledge of nature. Secondly, they should be originated from a fairly short period of time and from one region. And thirdly, special attention was paid to possible links between the authors of texts, the presence of which would allow us to speak of them as a group of people whose views are relatively close.

The study is based on the complex of Latin works from France (mostly Northern and Western France), dating back to the X-th–early XI-th centuries. These texts are basically chronographic, epistolographic and hagiographical. Among them – the corpus of the letters of Gerbert of Aurillac, the future Pope Sylvester II, the famous teacher, mathematician, diplomat and politician. His letters are addressed to his personal friends (Adso, abbot of Montier-en-Der), disciples (Constantine of Micy), crowned persons (Emperors Otto II and Otto III, The Empresses Adelaide and Theophano). Abbo (or Saint Abbo), abbot of the monastery of St. Benedict in Fleury-sur-Loire, was

a contemporary of Gerbert and enjoyed no less authority. For years Abbon kept up extensive correspondence with the abbot of Cluny Odilo, King Robert the Pious, Pope Gregory V and others. Abbo is also the author of the life of Saint Eadmund and several scientific treatises, and his biographer Aimoin mentions his work “about the movement of the Sun, the Moon and planets” – the text that was lost.

The chronographic texts are presented primarily by the works of Flodoard, Richer of Rheims, who was well acquainted with Herbert (probably Richer’s tutor at the cathedral school of Reims), and also Aimoin. Flodoard, the chronicler and canon from Rheims (894–966), wrote the “History of the Church of Rheims”; this work is partly duplicated by the “Annals”, which Flodoard led from 919 to 966.

“The History” or “The Four books of stories” by Richer, a monk of Saint-Rémi, is a rare phenomenon. Richer chose Sallust as a model for himself and borrowed information about historical events from the “Annals” and “The History of the Church of Rheims” by Flodoard. In addition to written sources, Richer relied on the stories of contemporaries, including Gerbert, as well as personal impressions. This work covers the period from 888 to 999 years and is devoted to the history of Northern France. Of particular value is the fact that the “Four Books of Histories” have survived in a single draft manuscript, where all the corrections made by the author are visible.

The chief work of Aimoin of Fleury is the History of the Franks (which can also be called collective labor of the monks of the monastery in Fleury-sur-Loire). Depicting the distant times – from the fall of Troy to 654 AD, it later formed the basis of the official medieval version

of French history. To create it, Aimoin used the works of Caesar, Pliny the Elder, Orosius, Gregory of Tours, Fredegar, Paul the Deacon, and some hagiographic texts. Despite the compilative nature of Aimoin's "History", this source contains valuable information about the cultural life and views of the world and its history of the monk of the 10th century. The book of Aimoin is dedicated to Abbo of Fleury, his teacher and friend; after Abbo's death he wrote the story of his life. Aimoin was also among the authors of "The Miracles of Saint Benedict", a selection of stories about his monastery and deeds of its patron saint.

Another major historical work – the first history of Normandy ("De moribus et actis primorum Normanniae ducum" by Dudo of Saint-Quentin, which was created at the turn of the X-th–XI-th centuries. The author outlined the events that preceded the formation of the Norman duchy, and the history of the duchy itself until the end of the X-th century. Dudo's work is written in exquisite Latin, and the narrative in prose is interspersed with poetic inserts.

The group of major sources includes the legacy of Adso, the abbot of Montier-en-Der. He was a friend of Gerbert and Abbo, and, like them, an eminent teacher. His "Book of Antichrist", written between 949 and 954, was rather popular in the Middle Ages. Despite its modest size, this work had a significant influence on the theological thought of the West. Adso was also the author of the lives of St. Frodobertus, St. Mansuetus, St. Bazolus and St. Bercharius.

Among the sources involved as secondary there are three works of Letald, a monk from the monastery of Micy on the Loire, – "The Life of St. Julian", "About the Miracles of St. Maximinus" and "The Transfer of the Rel-

ics of St. Junian”. The correspondence of Fulbert of Chartres, a younger contemporary and student of Herbert, was also used in the course of the study, as well as the life of the St. Giraldus of Aurillac, which came from the pen of St. Odo, the abbot of Cluny, the life of Odo himself and the collective hagiographic work “On the Miracles of the Holy Faith”, created at the beginning of the eleventh century. The “Song to King Robert” by Adalbero (or Ascelin), bishop of Laon is also worth mentioning.

These learned clerics and authors were not just contemporaries: they actively collaborated with each other, exchanged letters and manuscripts, dedicated their works to each other. One can say with sufficient certainty that these people had a kind of similarity to their language, their system of concepts and their collective experience, that they represented a semblance of a “textual community”, as Brian Stock defines a group of people whose social activities are centered around texts.

Based on these sources, the study is divided into four chapters. The first of them, “The learned monks of north-west France of the X-th and the beginning of XI-th centuries and their works”, is devoted to the proper selection and characterization of sources, while the second, entitled “Natura and its characteristics”, deals with the meaning of the meanings of the term “nature” in the X-th century texts, the cases in which the authors used this word or synonymous with it. The third chapter, “Heaven and earth: the world around him and its constituent parts” is a kind of catalog of everything that the learned clerics noticed in the world around them and fixed in writing: day and night, seasons, sky and luminaries, seas and rivers, mountains and forests, as well as animals. When compiling the catalog, the context in which the individual

words and expressions appeared was taken into account, which made it possible to draw some conclusions about the potential emotional attitude to some components of the natural environment, as well as connotations associated with this or that term. The last chapter, describing the “Relationship between man and nature”, examines the links between the individual elements of the universe and how they, in the view of the learned monk, interacted with each other and with human beings. This chapter also deals with the topics of the possible expectation of the end of the world, and with the few verbal “landscapes” in the analyzed texts, their aesthetic value and originality.

In conclusion, the author notes that nature in various forms is quite actively present in the rather meager details of the texts of the X-th century. Although the corresponding episodes are mainly not very original, they reflect the conceptions of nature – sketchy, but quite diverse. The sources sometimes even allow one to conclude, that a man of the late X-th (and the early XI-th) century was capable to demonstrate a sincere interest in the world around him, and the ability to describe it verbally.

Contents

Introduction	7
Chapter I. The learned monks of north-west France of the X-th and the beginning of XI-th century and their works	17
Chapter II. “Natura” and its characteristics	81
Chapter III. Heaven and earth: the world around him and its constituent parts	99
Chapter IV. Relationship between man and nature	165
Conclusion	207
Bibliography	215
Summary	225

Научное издание

Александра Владимировна Тарасова
**Неведомое море, дьявольский коршун
и небесные остря:**
природа глазами ученого монаха Северной
Франции X в.

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный
адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 20.06.2017. Формат 84×108/32. Заказ № 1248.
Тираж 500 экз. 7,5 п.л. 14,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в Акционерном
обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Из книги читатель узнает, как человек рубежа первого и второго тысячелетий воспринимал природу, осмысливал и описывал взаимоотношения с ней. Исследуются варианты понимания самого слова «природа» и его синонимов, а также представления о составных частях, на которые распадается окружающий мир. Рассматривается особая модель “orbis terrarum”, складывающаяся из этих частей. Кроме того, анализируется опыт средневековых авторов по эмоциональному и эстетическому описанию природы и ее явлений, выработке оригинальной языковой формы в латинской словесности X – начала XI в. Важное место в исследовании занимают люди, чьи воззрения изучаются в первую очередь, а именно – ученые монахи.

Среди них выделяются знаменитый ученый, педагог, церковный и политический деятель Герберт Орильякский (папа Сильвестр II), его верный почитатель – историограф Рихер Реймский, автор первой истории Нормандии Дудон Сен-Кантенский, а также многие другие писатели-клирики периода т.н. «Возрождения X в.».

